

**ЗА КУЛИСАМИ
ЗАЩИТЫ**

На перекрестках
дорог

Адвокат А. Л. Мове

ЗА КУЛИСАМИ ЗАЩИТЫ

На перекрестках дорог

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ (СОДРУЖЕСТВО) АДВОКАТОВ
INTERNATIONAL UNION (COMMONWEALTH) OF ADVOCATES**

**Международный фонд социально-экономических и
политологических исследований (Горбачев — Фонд)
International Foundation for Socio-Economic and Political Studies
GORBACHEV FOUNDATION**

Москва — 1994

Мове А. Л.

За кулисами защиты (На перекрестках дорог) — М.:
“Международный Союз (содружество) адвокатов”, 1994.
— 320 стр.

Абрам Львович Мове — один из ведущих адвокатов страны. Родился в 1922 г. в Запорожье на Украине. В 17 лет, по окончании средней школы, добровольцем ушел служить в Красную Армию. Пройдя всю войну, был дважды ранен. Заслуженный ветеран и инвалид Отечественной войны. Награжден боевыми орденами и медалями.

После войны, в 1949 году, окончил Московский юридический институт и с тех пор, вот уже около 45 лет, работает в адвокатуре.

Профессиональную деятельность А. Л. Мове совмещает с большой общественной работой. Являясь председателем секции уголовного права и процесса Московской областной коллегии адвокатов, А. Л. Мове отдал много сил и энергии созданию в нашей стране Союза адвокатов СССР.

Острые, злободневные выступления в центральной печати, очерки о его работе в газетах “Правда”, “Известия”, “Советская культура”, “Комсомольская правда”, “Неделя”, в журналах “Огонек”, “Журналист”, “Советское государство и право” снискали А. Л. Мове широкую популярность и авторитет среди читателей.

“На перекрестках дорог” — одна из книг автора, публикуемых под рубрикой “За кулисами защиты”.

© Мове А. Л.

ISBN 5-900566-06-4

**На
перекрестках
дорог**

A. [Signature]

Дело Берулава

Постоянно работая в Москве, загруженный до предела изнурительными судебными процессами, которые порой длились не только по несколько месяцев, но и по целому году, а то и полтора, я тем не менее при всяком возможном случае вел дела (отчасти в первой и второй инстанциях, а в основном в порядке надзора) на периферии. Близкие и дальние командировки не только не отпугивали меня, хотя и связаны они были с немалыми трудностями и лишениями, но доставляли удовлетворение тем, что я хоть чем-нибудь, в меру своих сил и возможностей, мог облегчить тяжкую судьбу несправедливо наказанных, незаслуженно обиженных и оскорбленных.

И сейчас, подводя некий жизненный итог, перебирая пожелтевшие листы десятков томов своего адвокатского архива, без излишнего самомнения и гонора, с удовлетворением и гордостью могу сказать, что жизнь в адвокатуре прожита не зря, что остаются люди, преисполненные благодарностью ко мне, а следовательно, и к нашим адвокатам, к нашей адвокатской корпорации в целом.

Некоторые мои коллеги говорят, что по числу благоприятно завершившихся в надзоре дел я мог бы конкурировать с целой юридической консультацией, и дале с несколькими вместе взятыми. Не думаю, что это так, здесь есть, конечно, большая доля лести. Но если своей службой в адвокатуре я хотя бы в какой-то мере способствовал утверждению ее авторитета, повышению ее престижа — это уже большая награда за мой скромный труд, за ту небольшую лепту, которую я внес в общее великое дело торжества правосудия. Эту книгу я назвал “На перекрестках дорог”, ибо в ней намерен рассказать не только о своих столичных делах, а в основном о тех делах, которые всю мою жизнь звали меня в дорогу, на перекрестках которой и разворачивались решающие бои за правду и справедливость.

Грузия и Молдавия, Азербайджан и Украина, Прибалтика, Ленинград, Калининград и Белоруссия, Владивосток, Камчатка, Норильск, Средняя Азия... Мне порой кажется, что по путям, по извилистым дорогам моих многочисленных командировок можно без глобуса и географической карты изучать географию нашей в прошлом великой и необъятной державы.

Приступая сейчас к подготовке публикации завершающих книг серии “За кулисами защиты”, ловлю себя на мысли, что хотелось бы

включить и то дело, и другое, и третье... Но, увы, понимаю, что объять необъятное невозможно, и поэтому постараюсь выбрать самое интересное, самое значительное и впечатляющее. В этом ряду дел, думаю, одно из ведущих мест принадлежит делу Бериулава, которым я занимался в течение нескольких лет. И каких бурных лет! Наполненных острыми схватками, тяжелой борьбой, изнуряющими и жаркими битвами.

Если бы только знала и понимала простая женщина, рабочая Ингурской чайной фабрики Валентина Бериулава, приехавшая ко мне по рекомендации из далекой Мингрелии, из Зугдиди, в какое дело она меня вовлекает и на сколько лет лишает спокойной, нормальной жизни, мирного сна и покоя?

Но ни она, и ни я об этом, конечно, не знали и не подозревали. Из ее сбивчивых рассказов, из отдельных документов, которые она мне показала, я понял, что творится жуткая несправедливость, беззаконие, которые могут закончиться трагически. И словно в муку я бросился в бездну этой схватки с единственной целью — помочь, не дать свершиться несправедливости.

Впрочем, думаю, что будет целесообразнее, если рассказ об этом деле начну не я, а поведет его известный и талантливый журналист Александр Юферев, которому первым и представляю слово.

А. Юферев

Тормозной след

История о долгом расследовании, изрядно запутавшем дело

Точка зрения на это дело двух высших правоохранительных инстанций практически совпала. Верховный суд СССР: "В ходе дополнительного расследования была допущена фальсификация отдельных документов дела". Прокуратура СССР: "Необходимо выявить конкретных виновников допущенных по делу нарушений закона и фальсификации документов и решить вопрос об их ответственности".

Авария

Рано утром Важа Бериулава, водитель с 20-летним стажем, выехал из Зугдиди в село Анаклиа на закрепленном

за ним самосвале "ММЗ — 555". Дорога была ему знакома: вот остался позади центр села Кахати, вот начинается плавный, хорошо просматриваемый поворот... Навстречу, по его, Берулава, полосе движения, мчались "Жигули". Как водится, он включил фары, дескать, я тебя вижу, и ты на меня обрати внимание, уходи на свою полосу! "Жигули" словно шли на таран. Шоферу самосвала ничего не оставалось, как резко нажать на тормоза. По-видимому, в последний момент водитель "Жигулей" тоже пытался тормозить, вернуться на свою полосу движения, но не справился с управлением. Удар был столь сильным, что обе машины развернулись в противоположные стороны. Водитель "Жигулей" и двое пассажиров погибли на месте.

Прибыли сотрудники ГАИ. У них не возникло никакого сомнения в том, кто виноват в данном происшествии. Об этом свидетельствовали неопровержимые доказательства: на дороге, в 30 сантиметрах от правой обочины, просматривался четкий, длиной в 11 метров, след торможения колес самосвала. А в непосредственной близости от этих следов, в 210 сантиметрах от правой обочины, — тормозной след "Жигулей". Это занесли в схему и в протокол осмотра, сделали фотоснимки.

Выяснилось, что погибший водитель "Жигулей" прав на управление автомашиной не имел. Его фотография оказалась приклеенной на чужое водительское удостоверение. Сама машина была без номерных знаков. Наконец, в салоне "Жигулей", вместо допустимых правилами эксплуатации четырех пассажиров, было семеро. Вот какие нарушения предшествовали трагическому столкновению.

Вести следствие было поручено старшему следователю Тбилисского УВД майору милиции Д. Н. Бежашвили. Тот изучил исходные документы, вызвал к себе сотрудника ГАИ М. Т. Хубулаву и поставил перед ним задачу на первый взгляд несложную: составить новую, более крупную схему дорожно-транспортного происшествия.

На новой схеме след торможения "Жигулей" загадочным образом перекочевал с правой стороны дороги на левую. Это противоречие между первоначально составленной схемой и новой не смутило ни ее составителя, ни следователя. Тут все зависит, рассуждал М. Т. Хубулава, от того, с какой стороны смотреть на этот след. Вы смотрите на него по ходу движения самосвала, а я смотрю по ходу движения "Жигулей". Помимо схемы осмотра места дорож-

Самосвал ММЗ-555 после аварии

но-транспортного происшествия составляется и протокол, в котором четко фиксируется, какая обочина признается правой, какая — левой. А по протоколу правой следовало считать полосу движения самосвала.

Народный суд города Зугдиди не согласился с мнением обвинения, что следствие сделало все необходимое для установления истины, и направил дело на дополнительное расследование. Нет, сделано все возможное — так сочли в прокуратуре республики и опротестовали решение нарсу-да. Коллегия по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР направила дело в народный суд города Поти. И там вскрылось новое обстоятельство, заставившее и потийский суд отправить дело на дополнительное расследование: одна из пострадавших в результате аварии заявила, что самосвал оказался на полосе движения “Жигулей”, потому что перед столкновением объезжал каких-то женщин.

Вот ведь как бывает. Восемь месяцев прошло с момента аварии, и вдруг вспомнил свидетель важную деталь, о которой до этого ни разу не упоминал в ходе расследования. Через полгода суд получил дело обратно с прежним обвинительным заключением, дополненным тем самым показанием — о неизвестных женщинах. Их “появления на обочине” (чего не припомнил ни один свидетель, кроме этой пострадавшей) оказалось достаточно, чтобы приговорить водителя самосвала В. Г. Берулава к лишению свободы сроком на 13 лет. В приговоре указано: по материалам дела абсолютно исключается столкновение машин на полосе движения самосвала.

Смелый следователь, отрицающий полезность образования

Защита без промедления обратилась с кассационной жалобой в коллегии по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР. Адвокат просил приговор отменить, дело производством прекратить и вынести частное определение о привлечении к строгой ответственности виновных в том, что невиновный Берулава уже более года содержится под стражей (он был арестован в ходе предварительного следствия).

Новая жалоба защиты поступила в прокуратуру республики. И там не нашли оснований ее удовлетворить. Что же, долг защиты исполнен, можно поставить точку и отправить дело на полку? Пусть адвокат твердо уверен в невиновности подзащитного: с неменьшей твердостью В. Г. Берулава

считают виновным высшие правоохранительные инстанции республики.

А. Л. Мове, член Московской областной коллегии адвокатов, защитник Берулавы, обращается в Московский автомобильно-дорожный институт (МАДИ). Здесь поручают провести исследование группе специалистов во главе с профессором, доктором технических наук В. А. Иларионовым (стаж его экспертной работы 27 лет, он весьма сведущ в вопросах безопасности движения). Как исходные данные адвокат предоставляет группе В. А. Иларионова те же документы, которыми располагали следователь и суд. Изучив их, профессор Иларионов и другие специалисты группы приходят к выводу, что непосредственной причиной столкновения явились неправильные действия не обвиненного и осужденного В. Г. Берулава, а водителя "Жигулей". Профессор В. А. Иларионов утверждает, что протокол и первоначальная схема не соответствуют составленным позже, и считает, что эти противоречия должны быть устранены при объективном рассмотрении дела.

Однако законной силы выводы В. А. Иларионова не имеют. Такую силу они обретут, если их сочтет убедительными орган, осуществляющий надзор за соблюдением законности. А. Л. Мове отправляет новую жалобу в Прокуратуру СССР. И получает ответ: противоречия, установленные учеными МАДИ, необходимо устранить. И не только эти, а и целый ряд других. Вот почему заместителем Генерального прокурора СССР направляется в президиум Верховного суда Грузинской ССР протест, в коем ставится вопрос о направлении дела на доследование. С мнением заместителя Генерального прокурора согласился и президиум Верховного суда Грузии; он постановил (через два года после осуждения В. Г. Берулавы): приговор нарсуда города Поти и определение своей коллегии по уголовным делам отменить и дело возратить на доследование в прокуратуру республики.

Более того, в постановлении указывается: "Серьезного внимания заслуживает довод протеста о том, что протокол осмотра автодорожного происшествия, приобщенная к этому протоколу схема и крупномасштабная схема, составленная автоинспектором Хубулава, содержат в себе противоречивые данные о расположении автомашин. А следствие эти противоречия не разъяснило и не разрешило. Президиум находит, что путем детального и критического допроса авторов этих документов и их очными ставками следует

убедительно пояснить, чем вызвано внесение в эти документы различных данных. Этим же путем следует установить, почему в документах тормозные пути участвовавших в аварии машин начерчены в разных местах”.

Казалось бы, все расставлено по местам. Но как ушат холодной воды: вести следствие поручено... Д. Н. Бежашвили. Тому самому старшему следователю УВД Тбилиси. Чем руководствовались люди, принявшие такое решение, понять трудно. Может быть, тем, что человеку, допустившему ошибку, легче самому ее исправить? Хочется думать, именно так, хотя адвокат, узнав, кто уполномочен вести следствие, пишет новую жалобу, в которой указывает: не ошибка, а сознательное и целенаправленное искажение документов привело к осуждению невиновного человека, и следует решить вопрос о привлечении к уголовной ответственности причастных к этому лиц. В ответ — обтекаемое сообщение прокуратуры республики, что “в ходе дополнительного расследования исполнены все указания президиума Верховного суда ГССР”.

Читали ли в прокуратуре республики документы, на которые ссылаются? Читали! (Забегая вперед, это можно сказать с уверенностью). Но делали свои выводы, причем далеко идущие и по сути ставящие под сомнение компетентность заместителя Генерального прокурора СССР и президиума Верховного суда ГССР. Прокурор следственного отдела прокуратуры Тбилиси О. Джоджуа пишет в официальном документе: “...защитник А. Л. Мове на имя Генерального прокурора пишет демагогические заявления, будто бы следователь Д. Бежашвили совместно с госавтоинспектором Хубулава совершили подлог, переделали схему и привлекли невиновного водителя В. Г. Берулава к уголовной ответственности. Однако материалами, имеющимися в деле, установлено, что защитник обвиняемого Мове искажив действительное, составил неправильную схему, где след “Жигулей” перенесен на проезжую часть “ММЗ — 555”.

А Д. Н. Бежашвили тем временем спешит укрепиться на отвоеванном рубеже. Его официальное мнение необходимо привести дословно: “Обе схемы ДТП, как и первая, так и вторая: в более увеличенном масштабе, составленные госавтоинспектором Хубулава, правильны, и между ними нет никаких расхождений. На месте происшествия эксперт-криминалист Р. Шерозия по свежим следам сделал 12 фотоснимков. По этим снимкам настолько ясно видно место

столкновения на проезжей части "Жигулей", что для его определения никакого специального образования не требуется".

Смелый следователь! И доводы протеста заместителя Генерального прокурора отменил единым махом, и с мнением президиума Верховного суда ГССР не согласился. А уж профессоров МАДИ просто низверг: не понимают того, в чем разобраться можно без специального образования. Что же припас следователь для сокрушительного ответного удара?

Кристи против Кристи

А вот что: обвинительное заключение № 3. Оно опирается на выводы экспертизы, проведенной во Всесоюзном НИИ судебной экспертизы, откуда получено заключение: авария произошла на полосе движения "Жигулей". Дело передается для рассмотрения вновь в Зугдидский нарсад.

Стараниями защиты вскрывается еще один факт в пользу мнения о том, что следователь специальные знания считает излишними. В этом своем заблуждении Бежашвили настолько переусердствовал, что пошел на прямое нарушение закона, который требует применения именно специальных знаний. Как оказалось, он сам, без участия переводчика (как того требует закон), перевел с грузинского языка на русский документы для проведения экспертизы. То ли из-за отсутствия специальных знаний у Д. Н. Бежашвили, то ли по другой причине в перевод вкрались огрехи, наводящие на мысль об умышленном пренебрежении требованиями закона, о фальсификации. Мало того, он составил уже третью схему, которая не соответствует ни первой, ни второй, хотя собственноручно сделал надпись, что идентичность достигнута полная. Может, потому и не приложил следователь свои переводческие опыты к материалам дела? Попросту говоря, скрыл их от суда.

Что-то подспудное почувствовали и эксперты. И указали в своем заключении: "Расхождение в выводах настоящей экспертизы с выводами, изложенными в заключении профессора В. А. Иларионова о месте столкновения транспортных средств, может быть объяснено различием исходных данных, представленных экспертам".

Суд приложил фальшивый перевод к материалам дела и, допросив Д. Н. Бежашвили, убедился, что следователь пренебрегает специальными знаниями не случайно. Экс-

перты отказались от дачи заключения в суде и попросили предоставить им возможность исследовать подлинные исходные данные в лабораторных условиях.

Дальше — больше. Новые разоблачения следствия в нечистоплотности. Выяснилось, что Д. Н. Бежашвили побывал в МАДИ с постановлением о назначении экспертизы с участием профессора Иларионова. Но провести ее там не смогли, поскольку следователь вскоре и постановление, и приложенные к нему документы забрал, сославшись на необходимость срочного (?) отъезда из Москвы. Чего же он боялся больше — мнимого нагоняя за опоздание из командировки или неминуемого разоблачения фальсификации?

Между тем страсти накалились настолько, что заседания суда для обеспечения безопасности участников процесса пришлось проводить в следственном изоляторе. А тут еще одно ЧП: обнаружилось, что теперь уже и в подлинник протокола внесены чьей-то рукой исправления весьма существенных данных. Да еще какие! В протесте заместителя Генерального прокурора указывалось на одни цифры, а в протоколе теперь стоят совсем другие! Кем и зачем грозятся друг на друга фальшивки и подлоги? Суд вынужден назначить новую — которую по счету! — экспертизу. Ее поручают провести тому же ВНИИ судебной экспертизы.

Судя по всему, задачу эту кое-кто воспринял как шаг не к установлению истины, а к подпорке основательно пошатнувшегося авторитета собственной "конторы". Вопросы экспертам суд задал... в редакции все того же прощрафившегося следователя Д. Н. Бежашвили. Кому-то и этого показалось мало, в итоге очередной конфуз. Выступая в суде с заключением, эксперт ВНИИСЭ Н. М. Кристи опроверг ученого Н. М. Кристи. В том же году, когда Кристи представлял в Зугдидском нарсуде заключение экспертизы, ВНИИСЭ выпустил пособие "Судебная автотехническая экспертиза", один из авторов которого, ученый Кристи, утверждал, что следы колес транспортных средств и перемещения транспортных средств являются основными признаками, по которым определяется место столкновения. Эти следы в том же пособии называются безусловно достоверными. Так вот, эти "безусловно достоверные" следы в своем заключении эксперт Н. М. Кристи отверг! И сосредоточил внимание на менее достоверных.

В Зугдиди весьма не критически отнеслись к заключению Кристи, зная, что в первоначальной схеме дорожно-

транспортного происшествия и протоколе учинены очередные подделки. Не составляло труда выяснить, что произошло это уже после внесения протеста заместителем Генерального прокурора. Фальсификации продолжались, несмотря ни на какие авторитеты! А что же суд? Он снизил меру наказания Берулавы на два года. Теперь не 13, а "только 11 лет" предстояло провести ему в колонии строгого режима. И снова коллегия по уголовным делам Верховного суда ГССР своим определением оставила приговор без изменений.

Умысел

Что остается защите? Она избирает путь, отвергнутый следователем: овладевает специальными знаниями и получает в МАДИ консультацию о том, какую цель могли преследовать подделки документов, выявленные криминалистами. Ученые приходят к выводу: подделки не случайны, а целенаправленны. Они совершены для того, чтобы оправдать предыдущую фальсификацию, перемещение тормозного следа "Жигулей. Путем искусственного создания доказательств обвинить в преступлении безвинного.

Эти доводы находят убедительными в Прокуратуре СССР, и новый протест заместителя Генерального прокурора направляется в президиум Верховного суда Грузии. Протест требует отменить приговор и направить дело на дополнительное расследование. Одно из оснований для этого, по мнению Прокуратуры СССР, — внесение изменений, выявленных криминалистами.

Президиум Верховного суда ГССР соглашается, что "в протесте правильно указано, что следствием не установлено: кто внес в отмеченные документы эти исправления". Но не направляет дело Берулавы на дополнительное расследование потому, что "недоказанность этого вопроса не вызвала принятия неправильного решения суда по делу".

Тогда сам Генеральный прокурор СССР направляет протест в пленум Верховного суда СССР. Помимо прочего, он указывает: вывод экспертизы о том, что столкновение самосвала с "Жигулями" произошло в результате въезда самосвала на полосу встречного движения, "противоречит фактическим обстоятельствам и материалам дела". Высшая судебная инстанция страны признает доводы протеста убедительными и направляет дело на новое расследование.

Вслед за этим заместитель Генерального прокурора СССР, начальник Главного следственного управления, направляет указание в прокуратуру республики. В нем подчеркивает: "прошу поручить расследование дела опытному следователю и закончить его в кратчайший срок. Кроме того, необходимо выявить конкретных виновников допущенных по делу нарушений закона и фальсификации документов, повлекших неправильное разрешение дела, и отмену приговора, и решить вопрос об их ответственности".

Берулава к этому моменту пробыл под стражей уже пять лет. Не случайно так строг начальник Главного следственного управления, заместитель Генерального прокурора: искусственное создание доказательств обвинения — это уголовное преступление, за которое по статье 192 УК ГССР может быть назначено наказание от 2 до 10 лет лишения свободы.

Страшно? Конечно! И потому, подыскивая опытного следователя, прокуратура республики поручает новое расследование... вновь УВД Тбилиси. В кратчайший срок? Пожалуйста! Через полтора месяца дело переключивается в следственное управление МВД Грузии. Еще через четыре месяца Прокуратура ГССР находит опытного следователя не в Тбилиси, не в собственном здании на улице Атарбекова, где среди других есть и кабинеты следователей по особо важным делам, а почему-то в прокуратуре Цхалтубо.

Почему так далеко? Потому, что новый следователь Т. А. Джакели работал прежде во... ВНИИСЭ! Где он назначает проведение новой экспертизы? Там же!

В постановлении о проведении экспертизы новый следователь Т. А. Джакели вносит сведения, на которые опирался его предшественник Бежашвили. Каково их качество, уже отметил пленум Верховного суда СССР: "экспертам были предоставлены исходные данные, противоречащие схеме, фотографиям и протоколу ДТП". Если учесть, что исходные данные, задаваемые следствием, являются обязательными для экспертизы (о чем, безусловно, знает бывший сотрудник ВНИИСЭ, а ныне следователь Джакели), становится понятным, зачем фальшивка выдается за достоверность.

Кому выгодны подделки? Ответ на этот вопрос ясен. Они нужны следствию для прикрытия явных нарушений законности.

Через четыре года очередное расследование заканчивается. Составляется уже четвертое обвинительное заклю-

чение и выносится третий приговор, теперь уже коллегией по уголовным делам Верховного суда ГССР. Она по-прежнему назначает Берулаве наказание в виде 11 лет лишения свободы, но, применив амнистию, сокращает его до пяти с половиной лет. Ровно на столько, сколько он провел за решеткой до вынесения этого приговора.

Берулава признан виновным, но ему даруется свобода. Есть ли смысл бороться дальше, теперь уже за свое честное имя? И можно ли упрекнуть Берулаву в отсутствии желания бороться?

Остается невыясненным: кто же все-таки совершал подделки и фальсификацию? Почему виновные в них не найдены до сих пор, хотя и Прокуратура СССР, и Верховный суд страны убеждены, что преступное создание искусственных доказательств по делу — налицо? Срок давности для возбуждения уголовного дела по признакам части 2 статьи 192 еще не истек. Фальсификаторы должны понести наказание.

“Неделя” № 51, 1986 г.

***

Можно только представить себе ту реакцию, которую вызвала эта публикация в центральной прессе в Грузии. Это был взрыв многотонной бомбы!

И поэтому нет ничего удивительного в том, что уже буквально через несколько дней в газете “Заря Востока” (орган ЦК Компартии Грузии, Верховного Совета и Совета Министров ГССР) под кричащим заголовком “Дело об автоаварии” появилось интервью с прокурором Грузии В. Размадзе.

Дело об автоаварии

Семь вопросов прокурору республики в связи с публикацией еженедельником “Неделя” судебного очерка “Тормозной след”

В пятьдесят первом номере еженедельника “Неделя” за прошлый года напечатан очерк Александра Юферева “Тормозной след”, в котором резкой критике подвергнуты правоохранительные органы республики в связи с предвари-

тельным и судебным расследованием дела об автоаварии, приведшей к тяжким последствиям.

Публикация эта вызвала заметный читательский резонанс, поэтому корреспондент "Зари Востока" обратился к прокурору Грузинской ССР В. Размадзе с просьбой ответить на ряд вопросов.

— Как следует из судебного очерка "Тормозной след", уголовное дело о столкновении грузовой автомашины, за рулем которой находился водитель В. Берулава, с "Жигулями", водитель которых и двое пассажиров погибли, в течение ряда лет перебрасывалось от следствия к суду и обратно. По этому делу четыре раза писалось обвинительное заключение и три раза — приговор суда; по нему в разное время были внесены три протеста Генеральным прокурором страны и двумя его заместителями. Что вы можете сказать в связи с этим?

— Уголовное дело по обвинению В. Берулава в совершении дорожно-транспортного преступления с тяжкими последствиями было возбуждено Зугдидским РОВД 9 июня 1977 года. Расследование по нему в установленный законом двухмесячный срок было проведено УВД Тбилгорисполкома, и 8 августа 1977 года данное дело было направлено в народный суд Зугдидского района. Однако нарсуд (судья — Ш. Сария) не полностью исследовал материалы дела и без достаточных на то оснований возвратил его на доследование. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Грузинской ССР, удовлетворив протест заместителя прокурора республики, отменила определение нарсуда Зугдидского района о возвращении дела на доследование и направила его на новое судебное рассмотрение в народный суд г. Поти.

Народный суд г. Поти, возвращая дело Берулава на доследование, дал иные указания, нежели нарсуд Зугдидского района, которые при их исполнении могли привести к увеличению объема обвинения Берулава.

Здесь следует отметить, что автор очерка "Тормозной след" А. Юферев утверждает, что якобы основанием для возвращения дела на доследование нарсудом г. Поти послужило новое обстоятельство, а именно показание одной из потерпевших о том, что перед столкновением Берулава объезжал пешеходов, в связи с чем оказался на полосе движения "Жугилей", что, мягко говоря, не соответствует

действительности. Данное обстоятельство не явилось основанием для возвращения дела на доследование и не было новым: сам Бериулава на первых же своих допросах указал, что по правой обочине по ходу его движения шли пешеходы, однако, к сожалению, данное обстоятельство не нашло объективного изложения в очерке.

Хочу пояснить, что ни нарсуд Зугдидского района, ни нарсуд г. Поти, возвращая дело на доследование, не ставили под сомнение доказанность предъявленного Бериулава обвинения. Тем же нарсудом г. Поти в июле 1978 года Бериулава был осужден к 13 годам лишения свободы, и приговор по этому делу был оставлен без изменения коллегией Верховного суда республики. Назначение столь сурового наказания было обусловлено наступившими в результате преступных действий Бериулава тяжкими последствиями — гибели самого водителя "Жигулей", его сестры и тети, а также причинением телесных повреждений матери и супруге водителя и двум малолетним детям.

В дальнейшем, в 1980 году, приговор народного суда г. Поти был опротестован заместителем Генерального прокурора Союза ССР, и Президиум Верховного суда Грузии направил данное дело на доследование. Основанием для принятия такого решения послужила необходимость устранения противоречий между заключениями автотехнической и трасологической экспертиз и консультацией эксперта ВНИИСЭ, полученной Прокуратурой СССР по вопросу исправности тормозной системы автомашины, управляемой Бериулава, а также консультацией профессора МАДИ В. Иларионова. Кроме того, в протесте ставился вопрос о необходимости более тщательного допроса лиц, принимавших участие в осмотре места происшествия, составлении протокола и схемы.

При дополнительном расследовании были допрошены все лица, указанные Президиумом Верховного суда республики, и проведены три комиссионные автотехнические и трасологические экспертизы, в проведении которых приняли участие восемь высококвалифицированных экспертов как республики, так и высшего экспертного органа страны — Всесоюзного научно-исследовательского института судебных экспертиз (ВНИИСЭ). Эксперты были единодушны — хочу подчеркнуть это — в своих выводах о том, что столкновение произошло на полосе движения автомашины "Жигули" и вызвано оно было грубым нарушением правил

дорожного движения водителем Берулава. Свою точку зрения эксперты подтвердили и в народном суде г. Зугдиди, которым в 1981 году Берулава был осужден к 11 годам лишения свободы.

Основанием для последующих протестов по этому делу заместителя Генерального прокурора СССР и затем и. о. Генерального прокурора СССР и отмены названного приговора пленумом Верховного суда СССР послужило исправление некоторых цифр в протоколе осмотра места происшествия и в схеме, чем ставились под сомнение выводы экспертов, а также необходимость более тщательного допроса некоторых свидетелей. После выполнения всех указаний при проведении дополнительного расследования дело было направлено в Верховный суд республики для рассмотрения по первой инстанции. 30 мая 1984 года Берулава был признан виновным в совершении автотранспортного преступления и осужден к 11 годам лишения свободы. Однако по акту амнистии он тогда же был освобожден от дальнейшего отбывания наказания, пробыв в заключении пять в половине лет.

— Один из читателей "Зари Востока" спрашивает: а если бы Берулава не попал под амнистию, он что — и сегодня продолжал бы отбывать наказание?

— Повторяю: по делу был вынесен законный приговор, вина водителя грузовой автомашины в автоаварии полностью доказана и наказание соответствует тяжести содеянного.

— Чем же все-таки было вызвано столь длительное установление истины по этому делу?

— К сожалению, должен признать, что на самом первоначальном этапе следствия начальником следственного отделения Зугдидского РОВД В. Гвасалия и сотрудником ГАИ М. Хубулава были допущены некоторые неточности при составлении протокола осмотра места происшествия и схемы — я имею в виду путаницу в вопросе, какую обочину следует считать левой, а какую — правой. И хотя она была сразу же устранена, это обстоятельство явилось поводом для многочисленных жалоб адвоката А. Мове и его необоснованных обвинений следственных работников в фальсификации.

— Как утверждает журналист А. Юферев, в процессуальных документах имели место исправления и фальсификация данных...

— Действительно, в протоколе осмотра места происшествия цифра 4,7 м переправлена на 5,7 м. Поэтому экспертизы были проведены при обоих параметрах, однако вывод от этого не менялся. То есть этот параметр как при первом, так и при втором значении не влияет на решение вопроса о виновности Берулава.

Теперь о схеме. На первой схеме к протоколу осмотра места происшествия правильно указано место обнаружения следа автомашины "Жигули". Однако стрелка-указатель об этом ошибочно перенесена по ходу и со стороны движения автомашины, управляемой Берулава, что, как я уже говорил, впоследствии было исправлено, но автором очерка "Тормозной след" почему-то настойчиво преподносится как "фальсификация". Причем и сам след этот является не результатом торможения, вопреки утверждению журналиста, а результатом волочения "Жигулей" самосвалом после столкновения, о чем отчетливо указано в протоколе осмотра места происшествия. Кроме того, всеми экспертными исследованиями установлено, что этот след не мог располагаться на полосе движения автомашины, управляемой Берулава и замерялся от правой обочины по ходу движения автомашины "Жигули".

— В очерке "Тормозной след" говорится о том, что адвокат обвиняемого Берулава обратился в МАДИ с просьбой провести исследование по делу, что и было сделано. Насколько законны такие действия защитника?

Согласно ст. 6 Закона об адвокатуре в СССР, адвокат правомочен запрашивать через юридическую консультацию справки, характеристики и иные документы, необходимые в связи с оказанием юридической помощи, из государственных и общественных организаций, которые обязаны в установленном порядке выдать эти документы или их копии. Факты, которые адвокат считает существенными, он должен выяснять в установленном процессуальном порядке. Что же касается консультации, о которой вы спрашиваете, то уголовно-процессуальным законом не предусмотрен такой порядок получения консультации адвокатом. Если бы журналист, автор очерка "Тормозной след", ознакомился с материалами дела, то ему стало бы ясно, почему выводы профессора В. Иларионова отличны от выводов всех шестнадцати экспертов. Причина же этого такова: как установлено материалами дела, адвокат А. Мове представил профессору неверные данные (которые, кстати, впоследствии

забрал из МАДИ). Схема автоаварии, представленная адвокатом, по всей вероятности, противоречила материалам дела, а с ними консультант незнакомился. Тут же следует сказать и о том, что консультирующий вышел за пределы своей компетенции и решал правовые вопросы, не относящиеся к предмету исследования.

— В очерке говорится о нарушении процессуальных норм следователем Д. Бежашвили.

— Да, автор публикации, почему-то не заметив таких нарушений со стороны адвоката, о чем я говорил выше, увидел их в некоторых действиях следователя. Действительно, следователь, вопреки установленным нормам, сам, без переводчика, перевел с грузинского на русский язык некоторые материалы дела для направления их на экспертизу. Однако неточностей, свидетельствующих, по мнению автора очерка, о якобы имевшей место фальсификации данных, в этих переводах нет, они сделаны правильно. К тому же журналист умалчивает о том, кем и как были переведены на русский язык документы, представленные адвокатом А. Мове на консультацию в МАДИ. О качестве же этих переводов косвенно можно судить по данной консультации, выводы которой полностью опровергаются всеми проведенными по делу экспертными исследованиями.

Здесь же хочу сказать, что эксперты в суде не отказывались от дачи заключения по мотиву неправильного перевода, как утверждает журналист, а сделали это в связи с тем, что адвокатом перед ними в суде были поставлены вопросы, которые не исследовались ранее. Именно поэтому эксперты попросили дополнительно перевести с грузинского на русский и другие материалы дела, необходимые для дачи заключения.

После этого судом была назначена дополнительная экспертиза для дачи ответов, поставленных адвокатом, проведение которой по его же ходатайству было поручено ВНИИСЭ. Уместно сказать, что автор очерка явно искажает материалы дела, утверждая, что суд поставил вопросы экспертам в редакции следователя. На самом деле суд предложил экспертам вопросы в редакции адвоката. Более того, после допроса экспертов в суде они дали дополнительное письменное заключение в комиссионном порядке, в котором отвечали только на вопросы адвоката и пришли к единогласному мнению о том, что столкновение произошло на полосе движения автомашины "Жигули" и что со стороны Берулава были допу-

щены нарушения, приведшие к столкновению. Кроме того, эксперты показали, что существенных расхождений, имеющих значение для решения вопроса виновности Бериулава, между первой и второй схемами нет.

Изложение фактического материала с такими искажениями свидетельствует о малопонятной предвзятости журналиста.

— Как вы ответите на вопросы, заключающие очерк "Тормозной след" и выделенные жирным шрифтом? Напомню эти вопросы: "Остается невыясненным: кто же все-таки совершал подделки и фальсификацию? Почему виновные в них не найдены до сих пор, хотя и Прокуратура СССР, и Верховный суд страны убеждены, что преступное создание искусственных доказательств по делу — налицо!"

— Ни в одном документе Прокуратуры СССР и Верховного суда СССР не говорится о том, что искусственное создание доказательств по делу Бериулава налицо, что еще раз свидетельствует о том, что А. Юферов не знаком с материалами дела, о котором взялся писать, что при написании судебного очерка он проявил явную необъективность и тенденциозность, непонятное стремление без веских на то оснований опорочить правоохранительные органы республики.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, ссылаясь на Прокуратору СССР и Верховный суд СССР, автор судебного очерка умалчивает о том, что мнение этих двух высших правоохранительных инстанций страны легло в основу отмены приговора по делу в 1982 году и что впоследствии в ходе дополнительного расследования все неясные вопросы были выяснены. Тем самым журналист создает у читателей впечатление, якобы это сегодняшнее мнение высших правоохранительных органов страны по делу Бериулава, в то время как еще в январе 1984 года после проведения дополнительного расследования вопрос о законности привлечения Бериулава к уголовной ответственности был изучен Главным следственным управлением Прокуратуры СССР, которое согласилось с нашим заключением, после чего дело было направлено в суд.

Теперь постараюсь ответить на вопрос, который сформулирован журналистом так: "Остается невыясненным: кто же все-таки совершал подделки и фальсификацию?"

Следственной частью Прокуратуры Грузинской ССР в свое время было проведено специальное расследование с целью установления лица, внесшего исправления в протокол осмотра

места происшествия. Однако, к сожалению, сделать это не представилось возможным, так как исправления столь незначительны, что не поддаются экспертному исследованию.

Необходимо отметить, что при проведении этого расследования были допрошены практически все лица, имевшие доступ к делу, из исключением адвоката А. Мове. В связи с этим возникает такой вопрос: кому могло быть выгодно внесение именно такого рода исправлений, которые никакого влияния на вопрос вины Бериулава не оказали, но в то же время ставили под сомнение объективность органов следствия? Это, на мой взгляд, свидетельствует лишь об одном: исправления были внесены лицом, заинтересованным в незаконном оправдании Бериулава любой ценой. Не будем также забывать и то, что после окончания следствия по делу доступ к его материалам имеют многие лица.

У читателя по прочтении очерка "Тормозной след" может сложиться впечатление, что следствие и суд всячески старались осудить "невиновного" Бериулава — настолько там умышленно подтасованы и передернуты многие факты. Поэтому считаю нелишним еще раз подчеркнуть, что приговор Верховного суда Грузинской ССР в отношении Бериулава находится в законной силе, и поэтому навязывание большой читательской аудитории идеи "мученичества" Бериулава под прикрытием ныне ведущейся повсеместно широкой гласности борьбы с негативными явлениями в самых правоохранительных органах свидетельствует не только о юридической безграмотности журналиста, что еще куда ни шло, но прежде всего о его недобросовестности.

Согласно официальным данным Верховного суда Грузинской ССР, А. Юферев незнакомился ни с одним из восьми томов уголовного дела по обвинению Бериулава. Более того: он не удосужился встретиться с теми сотрудниками следствия и суда, чьи действия критикует, хотя и приезжал в Тбилиси.

Считаю необходимым сообщить читателям газеты "Заря Востока" о том, что по распоряжению руководства Министерства внутренних дел СССР в начале января текущего года в г. Тбилиси были командированы старший следователь Главного следственного управления МВД СССР Г. Кошечкин и инспектор инспекции по личному составу Управления кадров МВД СССР Е. Краснов для проверки правильности выводов, содержащихся в судебном очерке "Тормозной след", опубликованном в "Неделе". К сожалению, нет воз-

возможности привести здесь полностью заключение, к которому пришли вышеназванные ответственные работники, но вот главный их вывод: "Утверждение спецкорреспондента "Недели" А. Юферева в статье "Тормозной след" не соответствует действительности. Факты фальсификации следственных материалов со стороны старшего следователя следственного отдела УВД Тбилгорисполкома подполковника милиции Д. Бежашвили, начальника следственного отделения Зугдидского РОВД майора милиции В. Гвасалия, бывшего старшего госавтоинспектора Зугдидского РОВД (в настоящее время работает начальником Зугдидского ГОВД) подполковника милиции М. Хубулава подтверждения не нашли..."

Что сказать в заключение?

Нет таких работников, которые любят, когда их критикуют. Но если критика справедлива — от нее никуда не денешься. Поверьте, не забота о "чести мундира" побудила меня высказать все, о чем здесь написано, тем более, что в те годы, о которых идет речь в очерке "Тормозной след", во главе Прокуратуры республики стояли другие руководители. В ответ на ваши вопросы побудила меня высказать наше мнение о публикации в еженедельнике "Неделя" жажда того самого чувства социальной справедливости, о котором мы сегодня так много говорим и пишем.

*"Заря Востока" — орган ЦК Компартии Грузии,
Верховного Совета и Совета Министров
Грузинской ССР*

17 января 1987 г.

***

Даже не осведомленному в деталях случившегося человеку из этого интервью с Прокурором республики Размадзе видно, как рьяно он защищает "честь мундира", его стремление любыми способами выгородить фальсификаторов дела, тех, по чьей вине Берулава в течение 5,5 лет безвинно, в тяжелейших условиях следственной тюрьмы, находился под стражей.

По этому делу у меня, естественно, имеются очень обширные материалы, с достоверностью опровергающие каждый из доводов Размадзе. Но чтобы не утруждать читателя, приведу только одну из своих многочисленных жалоб, написанных на завершающей стадии дела и являющуюся одновременно ответом на многочисленные явно надуманные доводы В. Размадзе.

Из досье адвоката

“Там, где начинается резко выраженный след юза правого заднего колеса ММЗ – 555, в 1 метре от левого заднего колеса по направлению Зугдиди, параллельно следу юза на удалении 40 см от него, заметен след колеса легкового автомобиля, длиной в 2 метра”. (См. протокол ДТП — т. 1 л. д. 2-3 и перевод его на русский язык т. 4 л. д. 68-72, т. 3 л. д. 433)

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СОЮЗА СССР

№ 4/2206-79

и

№ 16-5811-80

Адвоката А. Л. Мове
123242, Москва,
ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная
юридическая консультация

По делу

Берулава Важиго Георгиевича
осужд. по ст. 241 ч. IV УК ГССР
Коллегией Верховсуда ГССР

ЖАЛОБА

Считаю необходимым особо обратить Ваше внимание на следующее:

Заведомо зная, что по закону адвокат не может быть допрошен об обстоятельствах дела, которые стали ему известны в связи с выполнением обязанностей защитника, отдельные работники следственных органов Грузинской ССР решили использовать этот запрет закона в качестве *предлога* для прекращения дела в отношении лиц, виновных в фальсификации материалов следствия и искусственном создании доказательств обвинения.

По этому поводу следователь Джакели, отклоня ходатайство Берулавы, в своем Постановлении от 10.05.83 г. указал:

“Что касается конкретного дела, кто переделал в схеме и протоколе “4” на “5”, пока не установле-

но, т. к. ваш бывший адвокат Мове А. категорически отказывается давать показания на следствии. А пострадавшие по этому делу и бывший следователь Бежашвили категорически указывают, что в переделке следственных документов виновен ваш бывший адвокат Мове. Поэтому Мове допросят с указанными лицами вместе, без этого невозможно решение этого вопроса" (т. 7 л. д. 63)

Такую же позицию занял в настоящее время и лично прокурор Грузинской ССР т. Размадзе (см. газету "Заря Востока" от 17.01.87 г.

Между тем:

1. Обвиняя адвоката в подлогах, ни потерпевшие, ни Бежашвили не указывают, где, когда и при каких обстоятельствах адвокат учинил подлоги. Об этом, собственно, следователь их и не спрашивал.

И вот таких огульных, абсолютно голословных и бездоказательных показаний, оказалось достаточно для того, чтобы допрашивать адвоката в качестве свидетеля?!

Целенаправленность подобных действий следователя Джакели очевидна — использовать правомерный отказ адвоката от дачи показаний в качестве предлога для уклонения от изобличения фальсификаторов, т. е. от выполнения прямого предписания Заместителя Генерального прокурора СССР т. О. В. Сорока.

2. Все учиненные в деле подлоги направлены не на оправдание, а на обвинение Берулавы. С какой целью и для чего мог совершать эти подлоги адвокат, который в течение многих лет отстаивал невиновность своего подзащитного, просил об оправдании Берулавы?

3. Не пострадавшие и не Бежашвили, а адвокат Мове в течение многих лет обращался в многочисленные инстанции с жалобами на фабрикацию дела, на подлоги и фальсификацию документов дела. Такие жалобы и заявления были направлены адвокатом:

В административный отдел ЦК КПСС

На имя первого секретаря ЦК КП Грузии т. Шеварнадзе

В Прокуратуру СССР (около 20 жалоб)

В Прокуратуру Грузинской ССР (свыше 10 жалоб) и т. д.

В связи с жалобами адвоката (из которых, кстати, без всякого его допроса, видна позиция защиты) руководством Прокуратуры ССР было внесено *три протеста* на предмет отмены судебного приговора, как основанного на фальсифицированных документах дела.

Какой верой в полнейшую безнаказанность, какой уверенностью во вседозволенность необходимо обладать, чтобы после всего этого обвинять адвоката в учинении подлогов?

4. *Не пострадавшие и не Бежашвили*, а адвокат Мове явился инициатором и изобличителем фальсификации. Не по их заявлениям и ходатайствам, а по многочисленным заявлениям и ходатайствам адвоката судом были назначены автотехнические, трасологические и криминалистические экспертизы, с помощью которых были вскрыты подлоги (см. например, ходатайство адвоката и Определение Нарсуда г. Зугдиди о назначении и проведении по ходатайству адвоката комплексной криминалистической, автотехнической и трасологической экспертизы).

— Допустимо ли после этого говорить о причастности адвоката к подлогам?

Но не все это, пожалуй, самое важное.

I. О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ТОРМОЗНОГО СЛЕДА "ЖИГУЛЕЙ" В СХЕМЕ ДТП

1. Бесспорно установлено, что на полосе движения самосвала (в 30 см от правой обочины) имелся *прямолинейный* тормозной след колес самосвала длиной 11 метров, резко сворачивающий влево.

В протоколе ДТП по этому поводу записано:

"Четко выраженный след после 11 метров сворачивает влево и заметно, что на него (на машину — А. М.) *действовала внешняя сила* и след переходит влево". (т. 1 л. д. 2-4)

В пособии ВНИИСЭ по проведению автотехнической экспертизы ученый Кристи Н. М., говоря об основных признаках, по которым можно определить место столкновения, на *первое* место ставит

"*резкое отклонение следа колеса от первоначального направления...*" (стр. 230-231)

Такой же точки зрения придерживаются и все другие ученые.

Таким образом, вне зависимости от расположения тормозного следа "Жигулей", только по одним тормозным следам колес самосвала, не составляло труда определить, что столкновение произошло на полосе движения самосвала.

2. Бесспорно установлено, что тормозной след "Жигулей" длиной в 2 метра находился на полосе движения самосвала, в 210 см от правой (по ходу самосвала) обочины, что впоследствии этот след на схеме ДТП (т. 1 л. д. 93) был перенесен на левую полосу движения.

Это подтверждается:

а) подлинной схемой ДТП, на которой имеется запись о расположении следа "Жигулей" в 210 см от правой обочины (т. 1 л. д. 11).

б) Описанием координат расположения этого следа в протоколе ДТП, где значится:

"Там, где начинается резко выраженный след юза правого заднего колеса ММЗ, в 1 метре от левого заднего колеса по направлению Зугдиди, параллельно следу юза на удаление 40 см от него, находится тормозной след легкового автомобиля длиной 2 метра". (т. 1 л. д. 2-4)

По указанному описанию координат расположения следа "Жигулей" в протоколе ДТП эксперты ВНИИСЭ Дьяков и Шлепов вычислили, что след этот располагался в 214 см от правой (по ходу движения самосвала) обочины, т. е. в том самом месте, где он и отражен в схеме ДТП (в 210 см). Из расчетов экспертов вытекало, что след "Жигулей" никак не мог находиться в 2-х метрах от левой обочины (как это отражено на подложных схемах), т. к. если он располагался по другую сторону тормозного следа самосвала, то он мог находиться на расстоянии 3,1 м от правой обочины, т. е. практически на осевой линии, но не в 2 метрах от левой обочины (см. Заключение экспертов, ответ на вопрос № 6 т. 3 л. д. 268).

Заключение экспертов Дьякова и Шлепова подтвердила и группа экспертов, возглавляемая Кристи Н. М. (см. их заключение, ответ на вопрос № 5 т. 3 л. д. 404).

Таким образом, на полосе движения самосвала находились тормозные следы колес *обеих* автомашин — самосвала и “Жигулей”, что являлось *бесспорным* свидетельством невиновности Берулавы и неопровержимым доказательством фальсификации схемы ДТП.

Все эти факты нашли отражение в протесте Генерального Прокурора СССР и в Постановлении Пленума Верховного суда СССР от 8.06.82 г., где значится:

“Первоначально в протоколе осмотра места ДТП было указано, что в 1 метре от задней левой покрывки самосвала в направлении Зугдиди, параллельно следу самосвала на расстоянии 40 см, был замечен след покрывки легкового автомобиля, длиной 2 метра.

Данное обстоятельство подтверждалось и схемой ДТП, на которой видно, что след машины “Жигули” расположен в 2 м и 10 см от правой обочины, т. е. на стороне движения самосвала (т. 1 л. д. 11).

Затем, была составлена новая схема (т. 1 л. д. 93), в которой значится, что следы торможения легковой автомашины находятся в 2 метрах от левой обочины, т. е. эти следы уже были перенесены на полосу движения “Жигулей”...

“Описанное положение самосвала подтверждает правдивость объяснений Берулавы о том, что он не выезжал на полосу встречного движения”. (Из Протеста Генерального Прокурора СССР и Постановления Пленума Верховного Суда ССР от 8.07.82 г.)

В отличие от всех других подлогов, направленных на сокрытие этой фальсификации схемы ДТП, данный, *главный подлог*, был учинен на самой ранней стадии следствия, при составлении т. н. крупномасштабной схемы (т. 1 л. д. 93). Именно этот подлог был непосредственно связан с искусственным созданием доказательств обвинения, в результате чего Берулава и был осужден к длительному лишению свободы.

К этому, главному подлогу, ни адвокат Мове и никто из других адвокатов не имели и не могли иметь отношения, поскольку в это время еще никто из адвокатов к делу допущен не был. *Об этом, главном подлоге, ничего не говорит прокурор ГССР т. Размадзе. Этот вопрос он старательно обходит молчанием.* Между тем, авторы этого под-

лога известны, факт пересоставления схемы ДТП (т. 1 л. д. 93) они не отрицают.

— Разве одного этого не достаточно было для полной реабилитации Бериулавы и привлечения к ответственности лиц, виновных в фальсификации?

3. Как в протесте Генерального прокурора СССР, так и в Постановлении Пленума Верховного суда СССР от 8.07.82 г. особое внимание было обращено на необъективность, проявленную при назначении и проведении автотехнической экспертизы, на то, что экспертам были заданы исходные данные, противоречащие протоколу и схеме ДТП (стр. 4 Постановления).

Именно поэтому в моих многочисленных заявлениях в адрес ЦК КПСС, Прокуратуры ГССР и СССР содержалась *единственная* просьба — обеспечить объективность при назначении экспертизы — *представить экспертам ВНИИСЭ не подложную, а восстановленную подлинную схему ДТП.*

Мало того. Такая схема адвокатом была составлена (с учетом данных протокола и схемы ДТП, с учетом предписаний Пленума Верховного суда СССР) и приложена к своим заявлениям. Эту, а не подложную схему, адвокат просил направить на экспертизу. При этом в своих заявлениях адвокат писал:

“Если у следователя имеются каких-либо возражения против правильности восстановления мною схемы, прошу дать указание, чтобы следователь лично сам (но не Бежашвили или Хубулава) проделал эту работу, восстановил подлинную схему ДТП и представил ее экспертам”.

Прекрасно понимая, что направление на экспертизу подлинной схемы ДТП, отражающей нахождение на полосе движения ММЗ — 55 не только тормозных следов самосвала, но и тормозного следа “Жигулей” (в 210 см от правой обочины) автоматически приведет к реабилитации Бериулавы и к изобличению фальсификаторов, следователь Джакели вновь направил на экспертизу подложную схему, которой и предложил пользоваться экспертам.

Этот, *новый* вариант подложной схемы по предложению Джакели был изготовлен свидетелем Хубулава.

Все обозначения на этой схеме в переводе на русский язык, вопреки требованиям закона, сделаны не переводчиком, а лично самим Хубулава (т. 7 л. д. 105).

Для того, чтобы получить наглядное представление о качестве перевода на русский язык обозначений схемы ДТП, сделанной Хубулава без участия переводчика, сошлюсь на некоторые примеры:

В подлинной схеме ДТП обозначено (т. 1 л. д. 11)

В схеме, составленной Хубулава, переведено на русский язык (т. 7 л. д. 105)

а) "8,50 от следа торможения до задних *правых* колес грузовой машины".

а) "После *маневрирования* влево след самосвала 8,5" (на схеме этот след Хубулава подвел не до правых, а до левых колес самосвала).

б) "От следа "Жигулей" до правой обочины — 2,10".

б) "Расстояние следа "Жигулей" до обочины — 2 м". (Слова "до правой" опущены, вместо 2,10 указано — "2 м".

в) "4 м — след волочения грузового автомобиля"

в) Этой фразы Хубулава вообще *не перевел* и обозначение этого следа на схеме не указал.

и т. д.

И вот этой-то схемой Джакели и предложил пользоваться экспертам при даче заключения!

— *Зачем и для чего понадобилось Хубулава так грубо исказить перевод на русский язык обозначений подлинной схемы ДТП?*

Ответ очевиден. Дело в том, что расположение самосвала после аварии имеет решающее значение для определения места нахождения тормозного следа "Жигулей".

Координаты расположения самосвала точно описаны в протоколе ДТП и определяются тремя замерами:

3 м

8,50 м

4,70 м (см. т. 1 л. д. 2-4)

Все эти замеры взаимосвязаны и изменение хотя бы одного из этих замеров неизбежно влечет изменение других замеров. Это подтверждено имеющимися в деле заключениями экспертов.

По этому поводу в постановлении пленума Верховного суда СССР, равно как и в Протесте Генерального прокурора СССР, прямо указано (дословно):

“В протоколе осмотра ДТП первоначально было указано, что расстояние от правого заднего колеса до правой обочины составляет 4 м 70 см, а заднее левое колесо самосвала находится от правой обочины на расстоянии 3 м. Таким образом, после разворота (8,5 м) и остановки левое заднее колесо самосвала находилось на осевой линии...” (стр. 4 Постановления)

И далее:

“Описанное положение самосвала подтверждает правдивость объяснений Берулавы о том, что он не выезжал на полосу встречного движения” (там же).

Вопреки всему этому свидетель Хубулава на составленных им схемах (т. 1 л. д. 93, т. 7 л. д. 105) отразил положение левого заднего колеса самосвала не на отметке “3 м”, а на отметке “2,50”, т. е. искусственно перенес место его расположения на полосу движения “Жигули”.

Для того чтобы обосновать этот подлог Хубулава совершил другой подлог: подвел след движения следа правого заднего колеса самосвала (8,50) не до правых, а до левых колес самосвала. Несложно понять, что при таких условиях замер “4,70” неизбежно изменяется на замер “5,70” (для этого он и был впоследствии фальсифицирован), что и дало возможность обосновать нахождение следа “Жигули” (8 м) на полосе движения “Жигули” (см. стр. 4 и 5 Постановления пленума Верховного суда СССР и заключение экспертов ВНИИСЭ — т. 3 л. д. 268).

Обо всем этом прокурор ГССР т. Размадзе не говорит, старательно обходит все это молчанием.

— А разве одного этого факта недостаточно было для полной реабилитации Берулавы и привлечения к ответственности фальсификаторов — Хубулава и Джакели?

II. О ВНОВЬ УЧИНЕННЫХ ПОДЛОГАХ

В своем постановлении пленум Верховного Суда СССР и Генеральный Прокурор СССР обратили внимание на совершенно беспрецедентное и вопиющее беззаконие, допущенное по данному делу, которое выразилось в том, что после отмены Президиумом Верховного Суда СССР первоначального приговора (по протесту Заместителя Генерального прокурора СССР т. В. А. Аболенцева) в процессе дополнительного расследования были учинены новые подлоги в протоколе и схеме ДТП, новая фальсификация документов (стр. 4 Постановления).

Будучи не в силах опровергнуть этот бесспорный факт (а установлен он был экспертным путем, по ходатайству адвоката Мове) следователь Джакели пытается доказать, что

а) Подлоги эти учинил адвокат Мове

б) Подлоги эти не влияли на разрешение дела

Такую же точку зрения высказал в настоящее время публично и прокурор Грузинской ССР т. Размадзе, игнорировавший при этом мнение Генерального прокурора СССР, двух заместителей Генерального Прокурора СССР и Пленума Верховного суда СССР, признавших, что указанные подлоги были учинены в процессе дополнительного расследования (когда адвокат еще в деле не участвовал), и квалифицировавших эти подлоги не как невинные шалости следователя, а как грубую и целенаправленную фальсификацию.

— Но может быть, ошибся Генеральный Прокурор СССР и два его заместителя — т. Аболенцев и т. Сорока?

— Может быть, вкралась ошибка и в Постановление Пленума Верховного суда СССР?

— Нет!

1. Об авторах подлогов

Бесспорно установлено, что из Москвы с протестом заместителя Генерального прокурора ССР дело ушло в Грузию без указанных подлогов, что нашло отражение в тексте протеста (т. 2 л. д. 348-349).

Установлено далее, что в Тбилиси, при рассмотрении дела в Верховном суде СССР никаких изменений в замерах еще не было, что подтверждается данными, содержащими-

ся в Постановлении президиума Верховного суда ГССР от 13.06.80 г. (т. 2 л. д. 353-355).

После этого постановления дело было возвращено на дополнительное расследование и поступило к следователю Бежашвили. В это время никто из адвокатов еще к делу допущен не был.

— Трудно ли при таких обстоятельствах установить, кто является автором подлогов, и что адвокаты и, в частности, адвокат Мове, к этому абсолютно не причастны?

Все подлоги, как это отражено в протестах, поступивших из Прокуратуры СССР, и в Постановлении Пленума Верховного суда СССР были совершены в процессе дополнительного расследования, точнее — накануне проведения экспертизы во ВНИИСЭ.

Именно в это время в схеме ДТП цифра "1" была обведена кружочком, в результате чего замер "210" превратился в "200". А в протоколе ДТП путем самой грубой подчистки замер "4,70" был превращен в "5,70".

Тот факт, что все это было совершено накануне проведения экспертизы подтверждается "документами", представленными Бежашвили на экспертизу (на 43 л.), в собственном переводе на русский язык.

Получив угодное ему экспертное заключение, Бежашвили указанные "документы" к делу не приобщил, скрыл их от суда. Только в результате настойчивости защиты, в результате многочисленных заявлений, телеграмм и жалоб, Бежашвили вынужден был передать эти документы суду и они были приобщены к делу.

В настоящее время прокурор т. Размадзе публично информировал общественность о том, что все представленные Бежашвили "документы" соответствуют подлинникам и никаких искажений в них нет.

— Но так ли это?

Схема дорожного происшествия (т. 3 л. д. 200)

В схеме имеется запись: "Данная схема соответствует схеме т. 1 л. д. 11".

Между тем, указанная схема не только не соответствует подлинной схеме (т. 1 л. д. 11), но и крупномасштабной схеме, составленной работником ГАИ Хубулава по просьбе

следователя через месяц после случившегося 9.07.77 г. (т. 1 л. д. 93), а представляет собой третий вариант схемы, подогнанный под учиненные подлоги.

Так:

1) На подлинной схеме (т. 1 л. д. 11) отмечено, что "от следа "Жигулей" по правой обочине расстояние равно 2 м 10 см.

В схеме, которую представил т. Бежашвили экспертам, в переводе на русский язык эта запись *отсутствует*, и след "Жигули" (2 м) искусственно перенесен на левую часть дороги, в 2 метрах от левой обочины.

2) На подлинной схеме (т. 1 л. д. 11) не имеется никаких данных от конечной точки 11-метрового тормозного следа машины ММЗ-555 до следа (2 м) машины "Жигули" (нет данных об этом расстоянии и в протоколе дорожного происшествия — т. 1 л. д. 2-4).

А в схеме, составленной т. Бежашвили, абсолютно произвольно указано, что это расстояние равно 4 м 20 см.

3) В подлинной схеме значится: "8 м 50 см от следа торможения до заднего правого колеса грузовой автомашины" (т. 1 л. д. 11).

На крупномасштабной схеме, составленной Хубулава 9.07. значится: "След самосвала после маневрирования влево — 8,50". (т. 1 л. д. 93).

А на схеме, составленной Бежашвили, указано: "След "юза" заднего колеса — 8,50".

Прокол дорожно-транспортного происшествия (ДТП).

1. В протоколе ДТП, составленном т. Бежашвили, указано: "После 11 м следов торможения отмечаются следы маневрирования налево — 8 м 50 см".

А в подлинном протоколе ДТП значится:

"После 11-метрового резко выраженного следа торможения, след сворачивает налево, и заметно, что это произошло вследствие воздействия внешней силы и след сворачивает налево".

Сворачивание следа влево замечается после следа 11-метрового торможения на 8 м 50 см и кончается на левой стороне дороги в направлении "Жигули" (т. 1 л. д. 2-об.).

2. В протоколе ДТП, составленном т. Бежашвили, значится:

“Там, где начинается резко выраженный след скольжения заднего левого колеса ММЗ — 555, в 1 метре от заднего левого колеса в сторону Зугдиди на расстоянии 2 метров виден след скольжения колеса легкового автомобиля”.

А в подлинном протоколе ДТП, как указывалось, содержится четкое описание координат расположения следа “Жигули”, которое впоследствии дало возможность экспертам установить, что след этот находился на полосе движения самосвала (см. жалобу — стр. 5-6).

3. Невзирая на то, что в подлинном протоколе ДТП четко обозначено, что “после 11 метров тормозные” следы уходят влево на 8 м 50 см и кончаются у правого колеса ММЗ-555 (т. 1 л. д. 2-об.), невзирая на то, что и в подлинной схеме четко обозначено, что “от следа торможения до заднего правого колеса расстояние равно 8 м 50 см” (т. 1 л. д. 11), т. Бежашвили в составленном им протоколе ДТП указал: “После 11 метров следов торможения отмечаются следы маневрирования налево — 8 м 50 см (л. 2-об.), а в составленной им схеме не указав, что речь идет о расстоянии до правого заднего колеса, изобразил это расстояние — 8 м 50 см до левых колес автомашины ММЗ-555 (т. 3 л. д. 200).

Подобная запись была сделана Бежашвили не случайно, а с целью подогнать протокол ДТП под учиненный подлог (см. ниже).

Тот факт, что “документами” Бежашвили эксперты были введены в заблуждение, подтверждается приобщенными к акту экспертизы фотографиями схемы, составленной по данным не подлинной схемы, на которую ссылаются эксперты в своем заключении (т. 1 л. д. 11), а по данным, представленным им следователем Бежашвили (см. заключение экспертизы — т. 3 л. д. 36, 37, 38, фото 7-10).

Далеко не случайно, что эксперты-трасологи ВНИИСЭ Шлепов и Дьяконов, отказавшись в суде от дачи заключения, сослались на то, что: “Расхождение в выводах настоящей экспертизы с выводами, изложенными в заключении сотрудника МАДИ проф. Иларионова о месте столкновения транспортных средств, может быть объяснено различием исходных данных, представленных экспертам”. (п. 3 Заключения, т. 3 л. д. 31-32)

Вот так, на поверку, обстоит вопрос с автором вновь учиненных подлогов — с точностью его переводов “документов”, представленных на экспертизу.

2. О целенаправленности вновь учиненных подлогов

Вслед за следователем Джакели и экспертом Кристи прокурор ГССР т. Размадзе взял на себя смелость публично утверждать, что все вновь появившиеся в деле подлоги никакого влияния на правильное разрешение дела не оказали, сводит их к ошибкам и опискам.

И это при том, что и в Протесте Генерального Прокурора СССР, и в предписании Заместителя Генерального прокурора СССР — Начальника Главного следственного Управления, и в Постановлении пленума Верховного суда СССР прямо указано, что в процессе дополнительного расследования были допущены не ошибки и не описки, а прямая фальсификация и подлоги.

— Но может быть, ошибся Генеральный Прокурор ССР и его заместитель?

— Может быть, ошибся высший судебный орган страны — Пленум Верховного суда СССР?

— Нет!

Действительно, выгораживая следователя Бежашвили, который в процессе расследования данного дела занимался грубыми подлогами и подделками документов (в том числе и после рассмотрения дела по Протесту Заместителя Генерального прокурора СССР), эксперт Кристи Н. М. в своем заключении ссылается на то, что "данные, содержащиеся в трех схемах и протоколе ДТП не являются противоречивыми, за исключением некоторых неточностей, которые не имеют какого-либо значения для установления механизма столкновения (п. 10 Заключения — т. 3 л. д. 361), что все эти неточности результат очевидных ошибок (ответ экспертов на вопрос № 11 в суде — т. 3 л. д. 407-об.).

Однако несложно убедиться в ложности подобного заключения, в том, что все замеры и другие данные в протоколе и схеме ДТП, которые подверглись подделкам в процессе следствия, взаимосвязаны, являются звеньями одной цепи и преследовали конкретную цель — искусственно обосновать расположение следа "Жигули" не на правой стороне проезжей части (на полосе движения ММЗ, в 2 м 10 см от правой обочины, как это обозначено в подлинной схеме и протоколе ДТП — т. 1 л. д. 11, 203), а на левой части дороги (на полосе движения "Жигули").

В частности:

1. Установлено, что после рассмотрения дела по протесту Заместителя Генерального Прокурора СССР была учинена подделка в протоколе ДТП, где замер 4 м 70 см был подделан на замер 5 м 70 см (см. Заключение криминалистической экспертизы — т. 3 л. д. 366-367).

В этом подлоге эксперт Кристи Н. М. не усмотрел ничего криминального, сославшись на то, что расстояние 5,70 в протоколе ДТП не соответствует указанному в этом же протоколе расстоянию 3 м от левого заднего колеса ММЗ до той же обочины, т. е. свел все это к очевидной ошибке, не имеющий какого-либо значения (см. ответ эксперта на вопрос № 10 — т. 3 л. д. 360).

Давая подобное заключение, эксперт Кристи сознательно забыл сказать о том, что после того, как следователь Бежашвили с помощью Хубулавы сфабриковал т. н. крупномасштабную схему (т. 1 л. д. 93), на которой он перенес след "Жигули" (в 2 м от левой обочины), в схеме ДТП (т. 1 л. д. 11 и л. д. 93) появился замер 2,50, а не 3 м, как обозначено в протоколе ДТП, и на что ссылается т. Кристи (т. 1 л. д. 2-3).

На указанное противоречие между схемой и протоколом ДТП было обращено внимание в протесте заместителя Генерального прокурора СССР и в Постановлении Президиума Верховного суда ГССР, где сказано (дословно):

"В протоколе осмотра ДТП указано, что расстояние от левого заднего колеса ММЗ — 555 до правого края проезжей части составляет 3 метра, ... отсюда следует, что колесо находилось на середине дороги. На схеме к протоколу осмотра (т. 1 л. д. 11 и на схеме, составленной Хубулава по поручению следователя (т. 1 л. д. 93), весь автомобиль ММЗ-555 перенесен на левую часть дороги, причем расстояние от левого заднего угла кузова до левой обочины указано 2,5 м и т. д. (см. Протест, т. 2 л. д. 348-349 и Постановление Президиума Верховного суда ГССР (т. 2 л. д. 2, л. д. 353-355))."

В процессе дополнительного расследования следователь Бежашвили, стремясь закрепить положение следа "Жигули" на отметке "2,5" и одновременно устранить вышеуказанное противоречие между схемами и протоколом ДТП, учинил подлог в протоколе ДТП и замер "4,70", кото-

рый соответствует замеру 3 м (а это признает и т. Кристи — т. 3 л. д. 360, ответ на вопрос № 10), переправил на замер "5,70", который соответствует замеру "2,50".

Это же расстояние — 2,50 (а не 3 м) указал Бежашвили и в составленной им лично схеме, которую он передал на экспертизу во ВНИИСЭ (т. 3 л. д. 200).

Дело, таким образом, не в ошибке и не в неточностях, не имеющих значения, о которых пишет т. Кристи, а в целенаправленном подлоге, преследующем цель искусственно перенести след "Жигули" (а он, как это видно из протокола ДТП, располагался на удалении 40 см от следа левых задних колес ММЗ) на левую часть дороги.

В подлоге, о котором совершенно обоснованно авторы "Письменной консультации" пишут:

"Итог подделок — грубое искажение действительного механизма ДТП" (ответ на вопрос № 5, стр. 4).

II. В подлинной схеме ДТП четко обозначено:

"От следа торможения до заднего правого колеса грузовой автомашины — 8,50" (т. 1 л. д. 11).

Это же обозначено и в протоколе ДТП (т. 1 л. д. 2-3).

Невзирая на все это, в крупномасштабной схеме, составленной по заданию следователя Бежашвили (т. 1 л. д. 93) слова "до правого колеса грузовой машины" опущены и появилось обозначение — "после маневрирования".

"След самосвала после маневрирования влево — 8,50" (т. 1 л. д. 11).

В дальнейшем, после учинения подлога в замере "4,70" (изменения его на "5,70"), хорошо понимая, что этот замер тесно увязан с замером "8,50" до правых колес ММЗ-555, следователь Бежашвили, направляя дело на трасологическую экспертизу во ВНИИСЭ, лично сам учинил искаженный перевод протокола ДТП (т. 1 л. д. 2-4), в котором нет никакого упоминания о "маневре" и указал:

"После 11 м следов торможения отмечаются следы маневрирования налево — 8,50". (т. 3 л. д. 198).

Одновременно следователь Бежашвили лично сам начертил схему ДТП, в которой вновь ввел слово "маневрирование" и опустил слова "до правых задних колес" (т. 3 л. д. 200).

Вместе со всем этим Бежашвили на составленной им лично схеме изобразил след колес — 8,50 не до правых (сдвоенных) задних колес, а до левых колес ММЗ-555 (т. 1 л. д. 93, т. 3 л. д. 200).

Выгораживая следователя, эксперт Кристи в своем заключении пишет:

“Эксперты не усматривают расхождения в схемах ДТП т. 1 л. д. 11 и 93, за исключением того, что след заднего правого колеса на схеме т. 1 л. д. 93 ошибочно подведен к левому заднему колесу (ошибка очевидна)” — см. ответ на вопрос № 11 экспертов в суде — т. 3 л. д. 407-об.).

Между тем, как указывалось, замер “4,70” тесно увязан с замером “8,50” и изменив его на замер “5,70” следователь Бежашвили сознательно (для того, чтобы обосновать замер “5,70”) совершил подлог и изобразил на схеме след “8,50” не до правых, а до левых задних колес ММЗ-555.

По этому поводу эксперты ВНИИСЭ Дьяконов и Шлепов на вопрос о том, как повлияет изменение расстояния от правой обочины до заднего колеса “5,70” на “4,70” и расстояние “8,50” до того же правого колеса (т. 1 л. д. 11), а не до левых колес, как указано в схеме Бежашвили, на расположение ММЗ-555 на проезжей части, дали в судебном заседании вполне обоснованное заключение:

“При изменении этих расстояний автомобиль ЗИЛ-555 сместится ближе к осевой” (т. 3 л. д. 268).

Эксперты указали далее, что изменение расстояния “8,50” до правых колес (а не до левых, как указано в схеме Бежашвили) автоматически влечет к изменению замера “5,70” на “4,70” (это, собственно, вынужден был признать и Кристи Н. М.).

Эксперты Дьяконов и Шлепов не только признали этот факт в своем заключении, но и изобразили все это на масштабной схеме, приложенной к своему заключению (т. 3 л. д. 269).

Дело, таким образом, не в ошибке следователя, как это пытается представить эксперт Кристи, а в целенаправленной серии подлогов, направленных на искусственное искажение механизма ДТП.

III. Перенеся след "Жигули" с правой части шоссе на левую, следователь Бежашвили указал в своих схемах (т. 1 л. д. 98, 200), что след этот находится не на расстоянии 2 м 10 см от обочины (как это указано в подлинной схеме — т. 1 л. д. 11), а на расстоянии 2 метра.

Впоследствии, при дополнительном расследовании (после отмены судебного приговора по протесту Зам. Генерального Прокурора СССР), следователь Бежашвили учинил еще один подлог, исправив замер "210", фигурировавший и в протесте Прокуратуры СССР, и в Постановлении Президиума Верховного Суда СССР на замер "2,00" (см. заключение криминалистической экспертизы — т. 3 л. д. 366-367 и указанные документы).

Замер "210" не устраивал Бежашвили не только потому, что он не соответствовал замеру, указанному в составленных им схемах (2 метра) — т. 1 л. д. 93 и 200, но и потому, что он никак не увязывался с замером "2,50", который искусственно ввел Бежашвили в указанные схемы, вместо замера 3 метра, указанного в протоколе ДТП (т. 1 л. д. 2-3).

Несложно подсчитать, что при положении заднего левого колеса ММЗ на отметке "2,50" след "Жигули", расположенный на расстоянии 40 см от следа этого колеса (параллельно ему — см. протокол ДТП — т. 1 л. д. 2-3), никак не мог находиться на расстоянии 2 м 10 см от левой обочины, поскольку с учетом ширины следа "Жигули" (0,25 — 0,3 м) указанное расстояние должно быть только 2 метра или несколько менее (2,50 — 40 — 0,25), но никак не 2,10 (2,50 — 40).

Таким образом, и в данном случае не описка, не ошибка и не детские шалости следователя, решившегося вдруг ни с того ни с сего исправить замер "210" на "2,00", а прямой, целенаправленный подлог, преследующий всю ту же цель — искусственно перенести след "Жигули" с полосы движения ММЗ-555 на свою сторону дороги.

Все это является лишним подтверждением того вывода, к которому пришла в своей "Письменной консультации" комиссия высококвалифицированных экспертов, научных работников МАДИ — одного из ведущих автодорожных институтов страны (т. Иларионов В. А. к тому же и ответственный редактор методического пособия ВНИИСЭ "Автотехническая экспертиза", ч. II, 1980 г.) и который сформулирован так:

"Целенаправленность описанных в вопросе подделок очевидна... В результате такой подделки

след "Жигули" (длиной 2 метра) искусственно переносится со стороны движения ММЗ-555 на другую сторону дороги. Итог подделок — грубое искажение действительного механизма дорожного транспортного происшествия" (см. ответ на вопрос № 5, стр. 4).

Изложенное прошу принять во внимание при проверке обоснованности судебного приговора и решении вопроса об ответственности лиц, виновных в фальсификации дела.

Приложение: 1. Копия приговора коллегии Верховсуда ГССР на 28 л.

Адвокат
5 февраля 1987 г.

(А. Л. Мове)

Работа по делу Бериулава продолжалась в общей сложности около 10 лет, и описание ее вряд ли уложилось в один или два тома. Поэтому в заключение позволю себе привести короткую справку, освещающую основные этапы движения этого дела.

Из досье адвоката

СПРАВКА по делу Бериулава Важиго Георгиевича

Настоящее дело впервые слушалось в Нарсуде г. Зугдиди в ноябре 1977 г. Определением Народного суда дело было обращено на дополнительное расследование (Нарсудья Сария).

После того, как по протесту Зам. прокурора ГССР коллегия Верховсуда ГССР отменила указанное Определение, дело было направлено на рассмотрение в Нарсуд г. Потти.

В связи с тем, что при слушании дела в суде потерпевшая дала новые показания, уличающие Бериулава в нарушении еще одного пункта правил дорожного движения, Народный суд г. Потти, по ходатайству прокурора, вновь возвратил дело на дополнительное расследование.

После доследования дело слушалось в Нарсуде г. Потти.

Приговором Народного суда г. Потти от 26.07.78 г. Бериулава был осужден к 13 годам лишения свободы. Коллегия Верховсуда ГССР оставила этот приговор без изменения.

После вступления приговора в законную силу Решением Нарсуда г. Зугдиди от 18.07.79 г. с Берулава было взыскано в пользу Ингирского чайсовхоза — 5.600 руб.

Жалобы защиты, адресованные в Верховный суд и Прокуратуру ГССР, неизменно отклонялись.

В дальнейшем, по протесту Зам. Генерального прокурора СССР, принесенному в связи с жалобой адвоката, приговор суда был отменен Президиумом Верховного суда ГССР и дело обращено на дополнительное расследование (13.06.80 г.).

В процессе дополнительного расследования (следователь УВД г. Тбилиси — Бежашвили) защитой было направлено целый ряд заявлений и жалоб в Прокуратуру СССР о фальсификации дела и об отводе следователя.

По окончании доследования было направлено на рассмотрение в Нарсуд г. Зугдиди (Нарсудья Маргошия Н. И.).

По ходатайству защиты (адвокат Мове А. Л.) судом были истребованы и приобщены к делу документы, скрытые следователем от экспертов, и допрошен в суде в качестве свидетеля следователь Бежашвили.

После того как эксперты отказались от дачи заключения в суде (эксперты Шлепов и Дьяконов), суд отложил дело слушанием и вынес Определение о производстве повторной экспертизы во ВНИИСЭ (эксперты Кристи и Гильгнер).

Новое рассмотрение дела состоялось в 1981 г. с участием экспертов Кристи, Шлепова и Казманашвили (дело слушалось в следственном изоляторе г. Зугдиди). Страсти были так накалены, что слушать дело в другом месте было невозможно.

Приговором Народного суда г. Зугдиди от 10.08.81 г. Берулава был осужден к 11 годам лишения свободы. Определением коллегии Верхсуда ГССР приговор суда был оставлен без изменения.

Только в 1982 г. в связи с жалобой защиты Заместителем Генерального прокурора СССР был принесен протест на предмет отмены судебного приговора и обращения дела на дополнительное расследование. Этот протест 5.06.82 г. Президиум Верхсуда ГССР отклонил, одновременно прекратив производством в отношении Берулава дело по ст. 129 УК ГССР (оставление в опасности).

В дальнейшем по жалобе защиты Генеральный прокурор СССР внес протест в Пленум Верховного суда СССР, который

своим Постановлением от 8.07.82 г., отменил приговор суда и дело обратил на дополнительное расследование.

В процессе дополнительного расследования (следователь — Зам. Прокурора г. Цхалтубо — Джакели) защитой были направлены многочисленные жалобы о продолжающейся фальсификации дела, невыполнении предписаний Зам. Генерального прокурора СССР О. В. Сорока, что в конечном итоге привело к тому, что 31.12.82 г. по указанию следственного управления Прокуратуры СССР мера пресечения Берулава была изменена на подписку о невыезде (через 5,5 лет). Именно в это время следователем Джакели были предприняты попытки допроса адвоката Мове в качестве свидетеля.

В связи с явно ненормальной обстановкой, сложившейся вокруг данного дела в г. Зугдиди, адвокатом было подано заявление на имя Председателя Верховного Суда СССР с просьбой, чтобы дело принял к производству по первой инстанции Верховный суд ГССР и рассмотрел его непосредственно в г. Тбилиси. Ходатайство защиты было удовлетворено.

Приговором коллегии Верховного Суда ГССР (Председательствующий — Камкия О. Г.) Берулава был осужден к 11 годам лишения свободы. На основании Указа "Об амнистии" от 27.12.82 г. мера наказания Берулава была сокращена наполовину, до 5,5 лет, и от дальнейшего отбытия наказания он был освобожден.

От обжалования судебного приговора Берулава отказался.

***

В заключение не могу не сказать о тех высокопрофессиональных работниках Прокуратуры СССР, которые, свято выполняя свой гражданский и служебный долг, оказывали всемерное содействие защите невинного и помогли пресечь беззаконие. Это Начальники Управления по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел Р. Г. Тихомирнов и Ю. Н. Шадрин, их заместители Ю. В. Корневский, В. Д. Козловский, Прокурор Управления Б. Ш. Нарсия, и о. начальника Управления по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел А. И. Иодалис, его заместитель Ю. М. Баулин, прокуроры Главного следственного Управления А. Г. Абрамов, В. К. Стрельников и многие другие. И вновь, и вновь задумываюсь: а что было бы с этим делом в наши дни, когда после упразднения Прокуратуры и Верховного суда СССР Берулава и его адвокат остались бы один на один с Бежашвили, Джакели, Хубулава, Размадзе? Сидеть бы, наверное, в лагере Берулава все 13 отмеренных ему судом лет...

Дело Степаненко, привлеченного к уголовной ответственности в связи с самоубийством Надолинской

Для того, чтобы понять те трудности, с которыми я столкнулся при ведении этого дела, считаю необходимым познакомить читателя с документами, которые одновременно с просьбой о защите мужа передала мне его жена, приехавшая в Москву из далекого города Али-Байрамлы Азербайджанской ССР.

К тому времени Степаненко Э. К., осужденный коллегией Верховного суда Азерб. ССР за изнасилование, повлекшее самоубийство Надолинской Н. П. (по ч. III статье 109 УК Азерб. ССР), уже находился под стражей свыше 2-х лет. Сущность обвинения изложена в Обвинительном заключении, которое публикуется с сохранением стиля изложения.

Документ

“Утверждаю”

Зам.Прокурора Азерб. ССР
Государственный советник
юстиции 3 класса

Велиев Д. Д.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу по обвинению гражданина Степаненко Эдуарда Константиновича по ст. 109 ч. 3 УК Азерб. ССР

Поводом для возбуждения настоящего уголовного дела послужила трагическая смерть (самоубийство) гражданки, жительницы села Владимировка Сабирабадского р-на Надолинской Надежды Павловны, которая сожгла себя после изнасилования ее бывшим соседом Степаненко Эдуардом Константиновичем 16/XI-68 года (см. л. 1).

Расследованием установлено, что бывший житель села Владимировка Сабирабадского р-на Степаненко Э. К.

16/XI-68 г. на своем мотоцикле из Али-Байрамлинского района приехал к своему двоюродному брату по дяде в село Владимировка Сабирабадского р-на.

Посидев немного у брата, он поехал к бывшей соседке Надолинской Надежде Павловне, и, оставив мотоцикл на улице, вошел в ее квартиру.

Он спросил у нее, где ее мама. Она ему ответила, что мама поехала к брату в город Мингечаур. После этого Степаненко предложил ей сожительствовать с ним, но Надежда отклонила его предложение. Степаненко увидев, что она инвалидка, к тому же беззащитная, а так же и матери ее дома нет, схватил ее за руку, скрутил, и, свалив на пол, изнасиловал. После того, как 16/XI-68 г. он изнасиловал Надежду, она не смогла вынести этот позор, 17/XI-68 г. с целью самоубийства она вышла во двор своего дома, облила себя керосином и сожглась. А через день после этого происшествия 18/XI-68 года в Сабирабадской райбольнице она умерла (см. л. 2-6; 10, 19)

Расследованием также установлено, что до этого происшествия между Надолинской Надеждой и Степаненко Эдуардом никаких личных счетов и недоразумений не было, а наоборот, они были в хороших отношениях.

Допрошенная 17/XI-68 года Надолинская Надежда Павловна показала, что 16/XI-68 года Степаненко Эдуард приехал к ней домой, немного побеседовал с ней, предложил ей с ним сожительствовать, но, получив отказ, он схватил ее за руку, ударил ее кулаком, грозил ей, скрутил ее руку, свалил ее на пол и насильно вступил с ней в половое сношение. Она также показала, что, не вынеся этого позора, с целью самоубийства 17/XI-68 года она вышла во двор своего дома, облила себя керосином и подожгла, а чтобы спасти себя от этой страшной мучительной боли, она бросилась в находящийся во дворе дома колодец. На ее крики прибежал ее сосед Виктор, который, спустив в колодец имеющую во дворе дома лестницу, вытащил ее из колодца. Также она показала, что и матери своей Ксенья рассказала, что Эдуард ее изнасиловал, а поэтому она не смогла пережить этот позор, и решила себя сжечь, что другой причины, толкнувшей ее на самоубийство, не было.

Надолинская также подтвердила в своих показаниях, что одежда, в которой она находилась в момент изнасилования ее Эдуардом, сгорела вместе с нею. Далее, Надолинская

Надежда Павловна подтвердила, что, так как она была инвалидом и боялась Эдуарда, поэтому не смогла оказать ему сопротивление (см. л. 2-3)

В период расследования труп Надолинской Надежды был обследован медэкспертом.

Заключением Али-Байрамлинской межрайонной судебно-медицинской экспертизы от 19/XI-68 г. за № 55 установлено, что на передней части лица и шеи, на грудной клетке, на обоих боках (сторонах) грудной клетки на верхней и нижней области живота в виде мелких и больших островов имеются ожоги 2 и 3 степени.

Обследованием внутренних органов было установлено, что ожоги, 2 и 3 степени имеющиеся на теле, были получены в результате сгорания быстро воспламеняющихся веществ — бензина, керосина, эфира; что больше ожогов имеется на передней части тела и этим подтверждается, что пожар начался с передней части тела, со стороны самого лица. При медицинском обследовании также было установлено, что она в момент самосожжения не была в положении беременности, что смерть наступила в результате шока, полученного от сильного ожога тела.

Судебно-медицинский эксперт в своем заключении указал, что так как после ее изнасилования прошло уже три дня, он не может определить признаков ее изнасилования. (см. л. 10-11).

В период исследования подвергался медицинскому обследованию также и Степаненко Эдуард Константинович.

В заключении Али-Байрамлинской межрайонной судебно-медицинской экспертизы от 20/XI-68 года за № 535, указано, что на правой части лица Степаненко имеется царапина размером на 0,3 x 0,8 см., а на левой части лица его имеется царапина размером на 0,4 x 0,8 см.

Подтверждено, что эти царапины были нанесены ему тупым предметом, и относятся к числу легких телесных повреждений, не опасных для здоровья, что по времени соответствует 16/XI-68 года, т. е. к моменту совершения преступления. Этими царапинами еще раз подтверждено, что, возможно они были нанесены ему как раз тогда, когда он насиловал Надолинскую Надежду. (см. л. 13)

Допрошенная в качестве свидетельницы Надолинская Ксения Кузьминична показала, что 17/XI-68 г., когда она вернулась из города Мингечаура, где проживает ее сын, то

увидела, что ее дочка Надежда себя сожгла, а когда она поинтересовалась причиной самосожжения, то она ответила, что 16/XI-68 года из города Али-Байрамлы на своем мотоцикле к ней приехал их бывший сосед Степаненко Эдуард Константинович, изнасиловал ее, и что поэтому она решила покончить жизнь самоубийством. Далее, она показала, что у дочери другой причины для самоубийства и быть не могло, что до этого случая между нею и Степаненко никаких личных счетов не было. (см. л. 19)

Допрошенные в качестве свидетелей: Агаев Ашреф М. оглы, Драчева Александра Николаевна в своих показаниях от 17/XI-68 года указали, что они узнали о том, что 16/XI-68 года Надежда была изнасилована Степаненко Эдуардом и что поэтому она себя и сожгла. (см. л. 23-26)

Допрошенный в период расследования свидетель Чугунов Виктор Петрович показал, что 17/XI-68 года он услышал крик о помощи соседки Надежды сразу прибежал в их двор, где услышал стон, который доносился из колодца, подошел поближе к колодцу и узнал голос Надежды. Затем он взял имеющуюся во дворе дома лестницу спустил ее в колодец и помог ей выйти из него. Далее он показал, что тело Надежды было в ожогах, на ней не было одежды и он уже не спрашивал причину самосожжения и она тоже ему об этом ничего не говорила, сразу побежала к себе домой. (см. л. 35-36)

Допрошенные в качестве свидетелей: Алюкова Разили Евсеевна, Чернова Елена Иличевна, Архипенко Мария Алексеевна, Степаненко Евдокия Марковка; Степаненко Вера Иосиповна показали, что 16/XI-68 года, действительно, Степаненко Эдуард был в селе Владимировка Сабирабадского района, что после его пребывания в этом селе Надежда себя сожгла, но они не видели, когда Степаненко изнасиловал ее и когда она себя сожгла. Их на месте совершения преступления не было, поэтому они не могут сказать, как и при каких условиях преступление было совершено. (см. л. 32, 37-38, 55- 58)

Свидетельница Драчева Светлана Анатольевна подтвердила, что действительно 16/XI-68 года Степаненко Эдуард на мотоцикле приехал к Надежде и, остановив свой мотоцикл во дворе дома ее, вошел к ней, побыл у нее минут 30, после уехал. (см. л. 59)

Допрошенные в качестве свидетелей по делу работники Сабирабадской райбольницы Гасанова Асма Хейрулла кызы,

Меликова Бике Шамхал кызы, лечащий врач Алиева Дженнет Умуд кызы, Гумбатов Фархад Абулфет оглы, Исмаилов Гаванкулу Азиз оглы подтвердили, что 17/XI-68 года, после поступления в райбольницу, Надежда им рассказывала, что Степаненко Эдуард ее изнасиловал и что поэтому она себя сожгла.

Они также подтвердили, что у Надежды другой причины для самоубийства не было (см. л. 80-84, 87). Допрошенный по поводу имеющих на теле гражданина Степаненко повреждений, судебно-медицинский эксперт Али-Байрамлинской межрайонной больницы — Ибрагимов показал, что повреждения, имеющиеся на его теле относятся к 16/XI-68 года.

Допрошенный в качестве обвиняемого Степаненко Эдуард Константинович в предъявленном ему обвинении себя виновным не признал, и показал, что 16/XI-68 года он из Али-Байрамлы поехал в село Владимировка Сабирабадского района, где проживала мать его двоюродного брата — Степаненко Евлакиевна, а потом поехал в дом бывшей соседки Надолинской Надежды и немного с ней побеседовал. Узнав, что матери ее дома нет спросил где она, после этого он довез Надежду на мотоцикле до управления сельсовета, а сам уехал в город Али-Байрамлы.

Далее он показал, что ни в тот день, ни в другие дни насильно или добровольно он не вступал в половое сношение с Надолинской Надеждой. Он показал, что после его пребывания в доме Надолинской Надежды, т. е. 19/XI-68 года он слышал, что она себя сожгла.

Несмотря на то, что Степаненко в предъявленном обвинении виновным себя не признает, однако вина его полностью доказана собранными по делу доказательствами.

На основании вышеизложенного:

Степаненко Эдуард Константинович, рождения 1939 года, уроженец села Владимировка Сабирабадского р-на, русский, женат, семья состоит из 3-х человек, закончил 2 класса средней школы, б/п, судим; работает в должности тракториста в Али-Байрамлинском стройуправлении № 1; гражданин СССР, проживает в городе Али-Байрамлы, в настоящее время находится под арестом.

На основании ст. 109 ч. 3 УК Азерб. ССР обвиняется в том, что 16/XI-68 года на своем мотоцикле выехал из города Али-Байрамлы, чтобы поехать к жене своего дяди. Посидев у них немного, в тот же день приблизительно в 2 часа он

поехал к своей бывшей соседке Надолинской Надежде, побеседовав с ней, предложил ей вступить с ним в половое сношение, но так как она отклонила его предложение, он, Степаненко Эдуард, пользуясь тем, что она инвалидка, что и матери ее дома нет, схватил ее за руку, скрутил и свалил ее на пол, и насильно вступил с ней в половое сношение. После этого Надолинская Надежда Павловна, не выдержав позора и унижения, решила покончить жизнь самоубийством.

17/XI-68 года примерно в 12 часов дня с целью совершения самоубийства во дворе дома, где она проживала облила себя керосином и сожглась, от полученных ожогов скончалась в больнице.

Настоящее уголовное дело расследованием считать законченным и в соответствии со ст. 228 УПК Азерб. ССР направить в прокуратуру Сабирабадского района для утверждения обвинительного заключения и дальнейшего направления через прокуратуру Азерб. ССР в Верховный Суд Азерб. ССР для рассмотрения.

Следователь прокуратуры Сабирабадского
р-на Юрист II класса (Шебиев Н. М.)

Копия верна:

 (А. Мове)

***

Судебный приговор, как это нередко бывало, почти слово в слово повторял Обвинительное заключение. А вот те многочисленные ответы судебно-прокурорских инстанций, которые были переданы мне вместе с Приговором.

Документ

ВЕРХОВНЫЙ СУД
Союза Советских
Социалистических Республик
17 октября 1969 г.
№ 02/711-69

Азербайджанская ССР, гор. Аминьярлы,
новый город, ул. А.Ахмедова,
дом № 25

г. Степаненко А.А.

Копия: г.р. Ади-Гайрамлы
Азерб. ССР отдел Азерсельхозтехники

г. Архипенко И.А.

Сообщаем, что жалобы по делу Степаненко Э.И., осужденного 1 июля 1969 г. по ст. 109 ч. II УК Азерб. ССР, в Верховном Суде СССР рассмотрены и оставлены без удовлетворения.

Из имеющихся материалов по делу Степаненко видно, что вина его в изнасиловании гр. Надолинской установлена предсмертными показаниями потерпевшей, показаниями свидетелей и другими обстоятельствами установленными по делу.

Осваивая в пересмотру дела в порядке надзора не найдено.

Член Верховного Суда СССР -

Г.Кавнин

Азербайджан ССР

Али мейкэме

Баки, Совет Вургуу еркини № 10
Телефон № 93-71-07.

Азербайджанская ССР

Верховный суд

Баку, улица Самеда Вургун, № 1
Телефон № 93-71-07.

№ у-2038

При ответе сослаться на № 10

10 октября 1970 г.

Гр. Дрочеву А.Ф. и другим
Сабирбадский р-н, б. Владимирова

Ваша жалоба по делу Степаненко Э.К., Верховным судом Азерб.ССР рассмотрена.

Проверкой установлено, что Степаненко Э.К. 16/ХІ-1968г. воспользуясь беспомощностью гр. Надольниковой Н.П. путем применения насилия изнасиловал её, которая не выдержав поворе покончила жизнь самоубийством.

За совершенное преступление Степаненко Э.К. приговором судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азерб.ССР признан виновным по ст.109 ч.II УК и осужден к 12 годам лишения свободы.

Вина Степаненко Э.К. в предъявленном обвинении достаточно доказана и выводы суда о его виновности не вызывают сомнений.

Приговор судебной коллегии по делу является обоснованным и законным.

Оснований к пересмотру дела не имеется.

Ваша просьба отклонена без удовлетворения.

Председатель Верховного суда Азерб.ССР Ибрагимов А.Г.

ПРОКУРАТУРА

Союза Советских
Социалистических Республик

Москва К-9, Пушкинская, 15-а

Азербайджанская ССР, Али-Баиррамли
Новый город, ул.А.Ахмедова
дом "Д" кв.25

СТЕПАНЕНКО М.А.

5 октября 1970
№ 4/119-40

Ваша жалоба, поступившая от депутата Верховного Совета СССР тов.В.В.Николаевской-Терешкиной-рассмотрена.

Вина Вашего мужа в изнасиловании Надольниковой доказана. Потерпевшая, находясь в больнице, показала, что была изнасилована Степаненко.

Свидетели, которые присутствовали при допросе Надольниковой, а также мать потерпевшей подтвердили, что Надольниковская рассказала, что решила покончить жизнь самоубийством, т.к. боялась последствий изнасилования.

Свидетели Черныш, Драчева и другие показали, что видели Степаненко в саду на Владимировка, т.е. там, где проживала Надольниковская.

Оснований к опротестованию приговора не имеется.

Зам.нач.отдела по надзору за
рассмотрением в судах уголовных дел
Государственный советник юстиции
3 класса

(О.ТЕМУШКИН)

25.29. IX. 70

ВЕРХОВНЫЙ СУД
Союза Советских
Социалистических Республик
30 октября 1970 г.
№2/711-69

Азербайджанским ССР, г. Аги-Бейрамлы,
Азербайджанской ССР

Гр-ке СТЫПАНИЧО М.

Сообщая, что мажор по делу Степаненко Эдуарда Константиновича, осужденного по ст. 109 ч. II УК Азербайджанской ССР, в Верховном Суде СССР вновь рассмотрена и оставлена без удовлетворения. Судом в приговоре дана надлежащая оценка предсмертным показаниям потерпевшей Надеждиной, свидетелей, которым потерпевшая говорила об ее извасильвании Степаненко, показаниям свидетеля Драговой, видевшей как Степаненко вошел в дом к потерпевшей. Оснований к пересмотру дела в порядке надзора не найдено.

И.о. Председателя Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда СССР

Г. Казин
Г. Казин

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР

При ответе сослалась на итм №2-711-69
19 октября 1970 г.

В ПРОКУРАТУРУ СССР

гор. Москва

Копия: гор. Аги-Бейрамлы, Азербайджанской ССР,
Азербайджанской ССР

гр-ке СТЫПАНИЧО М.

При этом по принадлежности на Ваше рассмотрение направляется заявление гр-ки Степаненко М. по делу СТЫПАНИЧО Э. К., в котором указывается, что в результате допущенного нарушения закона следователем Степаненко Э. К. необоснованно был привлечен к уголовной ответственности за извасильвание и впоследствии осужден. В заявлении, в частности, содержится описка на то, что о допущенных нарушениях закона в органы прокуратуры обратились якобы и свидетели, допрошенные по данному делу.

Прошу о принятых мерах сообщить заявителю.

Приложение: на 2 листах.

Член Верховного Суда СССР

Г. Казин

Г. КАЗИН

ПРОКУРАТУРА

Союза Советских
Социалистических Республик
Москва К-9, Пушкинская, 18-а

24 ноября 1970 г.
№ 4/4119-40

Азербайджанская ССР, г. Али-Баиррамлы,
"Азерсельхостехника".

Гр. Степаненко М.А.

Ваша жалоба, поступившая из Верховного суда СССР, в
отсутствие Степаненко Э.К. рассмотрена.

Руководством Прокуратуры СССР не найдено оснований к
принесению протеста.

ПРОКУРОР ОТДЕЛА ПО НАДЗОРУ ЗА
РАССМОТРЕНИЕМ В СУДАХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ
СТАРШИЙ СОВЕТНИК ИСТИЦЫ

[Handwritten signature] /МОСКОВ/

ПРОКУРАТУРА

Союза Советских
Социалистических Республик
Москва К-9, Пушкинская, 18-а

24 ноября 1970 г.
№ 4/4119-40

Азербайджанская ССР,
г. Али-Баиррамлы, ул. А.Ахмедова
дом "Д" кв. 25

СТЕПАНЕНКО М.А.

Ваша жалоба, поступившая от депутата Верховного Совета
СССР тов. В.В. Николаевой-Геремиковой рассмотрена.

Руководством Прокуратуры СССР не найдено оснований к
принесению протеста.

Мотивы отказа Вам сообщались ранее.

Прокурор отдела по надзору за
рассмотрением в судах уголовных дел
Старший советник истицы

[Handwritten signature] /МОСКОВ/

23-23.12. 70

ВЕРХОВНЫЙ СУД

Гр-ке СТЕПАНЕНКО Марии Андреевне

Советская Республика
Азербайджанская Республика

Азербайджанская ССР, гор. Алыбаганлы, Новый город, улица А.Алимова, дом "Д", кв.25

4 февраля 1970

02/ТП-69

Сообщаю, что Ваша повторная жалоба по делу Степаненко З.А., осужденного по ст.109 ч.3 УК Азерб.ССР, в Верховном Суде СССР рассмотрена и оставлена без удовлетворения.

Из судебных документов видно, что вина Степаненко в изнасиловании гр-ки Наделкинской установлена преисчертанными показаниями потерпевшей, показаниями свидетелей, которым потерпевшая говорила о ее изнасиловании в квартире Степаненко, показаниями свидетеля Драговой, видевшей как осужденный вошел в дом к потерпевшей и другими обстоятельствами дела.

Оснований к пересмотру дела в порядке надзора не найдено.

Председатель Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР
Г.Алиевский

Г.Алиевский

СССР ПРОКУРОРЛУГУ

Азербайджан Советская Республика
ПРОКУРОРЛУГУ

ПРОКУРАТУРА СССР

ПРОКУРАТУРА

Азербайджанской Советской Социалистической Республики

Шо'ба 3

Бкин ш. Палулиа пулса, кв № 11

Отдел

г. Баку, ул.ша Палулиа, дом № 11

№ 45215

Чабар вердиле бизин № по тарихи исторларин
При отмене считается за наш № в делу

13 февраля 1970 г.

гор. АЛИБАГАНЛИ, НОВЫЙ ГОРОД,
ул. А.АЛИМОВА дом "Д" кв.25

гр-ке СТЕПАНЕНКО Марии Андреевне

В ответ на Ваше заявление поступившее из ЦК КП Азербайджана сообщаю, что Ваш муж - Степаненко Захар Константинович признан виновным и осужден по ст.109 ч.3 УК Азерб.ССР за то, что 16/II-1968 года он воспользовался беспомощностью Наделкинской Н.П. и тем, что она находилась в доме одна, путем применения физической силы вступил с ней в половую связь.

Оскорбленная потерпевшая 17/II-68 г. обидлась керосином и сожглась. От полученных ожогов 18/II-68 г. скончалась в больнице. Поэтому, следственный орган и суд правильно квалифицировали действия Степаненко по ст.109 ч.3 УК Азерб.ССР и назначили ему наказание соответствующее содержанию.

Поэтому приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Азерб.ССР по I инстанции от I/II-1969 года считается обоснованным.

Жалоба Ваша оставлена без удовлетворения.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ПО НАДЗОРУ ЗА
РАССМОТРЕНИЕМ В СУДАХ УГОЛОВНЫХ
ДЕЛ СТАРШИИ СОВЕТНИК ИСТИДИИ

Ильин
/ИЛЬИН-ЗАДЕ А./

Итак, и без того достаточно нелегкое дело было окружено буквально частоколом отрицательных ответов почти из всех надзорных судебно-прокурорских инстанций Республики и СССР.

Скажу откровенно, в подобных ситуациях мы, адвокаты, как правило, отказываемся от дальнейшего ведения дела в силу его очевидной бесперспективности. Но в данном случае какое-то внутреннее профессиональное чутье подсказывало, что здесь что-то не так, к тому же и фабула дела была далеко нетрафаретной. И я решил, предупредив, правда, клиентку, что надежд на успех почти нет.

Так оказался я в прекрасном и гостеприимном городе Баку, где в течение нескольких дней в одном из кабинетов Верховного суда с неослабевающим интересом знакомился с этим загадочным и страшным делом.

Здесь же, в Баку, составил жалобу и подал ее в Верховный суд Республики. Ответ не заставил себя ждать, но получил я его уже возвратившись в Москву.

Документ

Азербайжан ССР Али мөһкөмөсү Баки, Совет Вурган кучеси, № 28. Телефон № 83-71-87.		Азербайджанская ССР Верховный суд Баку, улица Советов Вургуна, № 28. Телефон № 83-71-87.
Исходный номер дела №-№ по материалу дела № у-1684		При ответе сослаться на дело № 19 .. и в л я 19 71 в.л.в.

Адв. Мовсе А. Л.
Москва, ул. Баррикадная, дом № 8
Мособлгорконсультация

Ознакомившись с Вашей жалобой по делу по обвинению Степаненко Эдуарда Константиновича, осужденного приговором Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азерб. ССР от 1/УП-1969 года по ст. 109 ч. II УК Азерб. ССР, и со всеми материалами, имеющимися в Верховном суде Азерб. ССР, сообщаю следующее:

Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азерб. ССР в отношении Степаненко является законным и обоснованным, и оснований к опротестованию на предмет отмены приговора и возвращения дела для производства дополнительного предварительного следствия не имеется.

Приложение: документы на 9-ти листах возвращается.

Председатель Верховного суда
Азербайджанской ССР

ИБРАГИМОВ А. Г.

Не оставалось ничего иного, как писать жалобу в Верховный суд СССР и пытаться попасть с ней на личный прием к руководству Верховного суда СССР. Все это в данном случае было далеко не просто, поскольку до этого из этой инстанции уже имелось три отрицательных ответа, за подписью достаточно высокого начальства. Но иного пути не было.

Из досье адвоката

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

Адвоката МОВЕ А. Л.,
г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8 Мособлюрконсультация

По делу СТЕПАНЕНКО Эдуарда Константиновича, осужд. Приговором коллегии Верховного суда Аз. ССР от 1/VII-69 г. по ст. 109 ч. III УК Аз. ССР на 120-ть лет лишения свободы.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Анализ материалов дела дает защите основание с полной ответственностью утверждать, что допущена не просто тяжелая судебная ошибка, а ошибка грубая, очевидная, требующая немедленного вмешательства и исправления.

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СЛУЧИВШЕГОСЯ

16-го ноября 1968 г. тракторист Степаненко Э. К. приехал на мотоцикле из г. Али-Байрамлы в с. Владимировку Сабирабадского р-на, где он родился и вырос, и где проживали его родственники.

Около 5-ти лет тому назад Степаненко переехал из Владимировки в Али-Байрамлы и с той поры часто приезжал в родное село поведать близких ему людей, а заодно и побывать у своих бывших соседей — Надолинских.

Почему заезжал Степаненко к Надолинским, что связывало его с этой семьей — сказать сейчас трудно. Известно лишь, что Надежде Надолинской было 24 года, что она была на 5-ть лет младше Степаненко, что с детства она была инвалидом (правосторонний гемипорез — остаточные явле-

ния менинго-энцефалита — л. д. 86) и что проживала она вместе со своей старухой-матерью и 3-х-летним ребенком, появившимся у нее (как она сама объясняла) "от связи с незнакомым парнем" (л. д. 2).

"Мы прожили с ними 8-мь лет в добром соседстве, — показал на следствии *Степаненко*. — И до этого я к ним приходил, так как это были наши близкие соседи и я *приезжал к их матери и к ним*" (л. д. 49-об.).

Подтвердила это обстоятельство и потерпевшая, *Надолинская Надежда*:

"До этого, до 16/XI, Эдик к нам приезжал" (л. д. 3).

Рассказывает об этом и мать Надежды, *Надолинская Ксения Кузьминична*:

"Около 5-ти лет, как он (*Степаненко*) уехал, живет в Али-Байрамлы. И до этого он 3-4 раза приезжал к нам на мотоцикле, всегда, когда приезжал, интересовался нашим здоровьем" (л. д. 20).

Говорил об этом и свид. *Агаев*:

"Я знаю, что Эдик к ним ходил" (л. д. 23).

Подтверждала это и свид. *Драчева Александра*:

"Сколько мы жили по соседству, я видела, как *Степаненко* ходил к *Надолинским*, но почему, я не знаю" (л. д. 24-об.).

Таким образом, ничего странного, ничего необычного в том, что *Степаненко* 16/XI заехал к *Надолинским* не было. Побыл он у них в этот раз 20-30-ть минут (*Надя* была дома одна) и уже собирался уезжать, когда *Надолинская* попросила подвезти ее на мотоцикле до Сельсовета.

"Через полчаса я собрался поехать домой, — объяснял впоследствии *Степаненко*, — но *Надежда* попросила довести ее до Сельсовета. Я ее довез и уехал домой" (л. д. 21).

И далее:

"Она попросила подвезти ее до Сельсовета. Она села на заднее сиденье, и я ее довез и поехал домой" (л. д. 49-об., Протокол суд.заседания, л. д. 163).

Было все это днем 16/ХІ-68 г.

А на следующий день, в послеобеденную пору, Надежда Надолинская облила себя керосином и подожгла, а затем горячая бросилась в колодец... 18/ХІ Надолинская скончалась. Перед смертью, в больнице, она сообщила, что покончила с собой, боясь забеременеть, что 16/ХІ Степаненко у нее в квартире совершил с ней половой акт.

Вот, собственно, и все.

Примерно через 3 месяца, 6-го февраля 1969 г., Степаненко было предъявлено обвинение в изнасиловании Надолинской, он был арестован (л. д. 42, 51) и осужден на 12-ть лет лишения свободы.

II. НЕОБОСНОВАННОСТЬ СУДЕБНОГО ПРИГОВОРА

Не составляет большого труда убедиться в том, что в основу обвинения Степаненко положено одно единственное доказательство — предсмертные показания потерпевшей; что все свидетели, на которых ссылается суд в приговоре (в основном, это сотрудники больницы), подтверждают не что иное, как то, что говорила Надолинская на допросе в больничной палате.

Полагаю, что суд некритически отнесся к объяснениям потерпевшей, неосновательно придал им значение бесспорного доказательства. На одном таком голословном заявлении потерпевшей, не подтвержденном другими объективными доказательствами, строить обвинение недопустимо.

1. О квалификации действий Степаненко ч. III ст. 109 УК

Известно, что ч. III ст. 109 УК может быть квалифицировано изнасилование, повлекшее тяжкие последствия.

При этом, разумеется, необходимо, чтобы обвиняемый желал или сознательно допускал возможность наступления таких последствий (наличие вины в форме прямого или косвенного умысла), или хотя бы должен был предвидеть их наступление (вина неосторожная).

Ничего подобного в данном случае не было.

В процессе следствия Степаненко было предъявлено обвинение в том, что он изнасиловал Надолинскую, в результате чего на следующий день она:

“не выдержав позора и унижения покончила жизнь самоубийством” (См. Постановление о предъявлении обвинения, л. д. 100 и Обвинительное заключение, стр. 5).

Бесспорно, если бы все обстояло так, как значится в формуле обвинения, действия Степаненко можно было бы квалифицировать ч. III ст. 109 УК. Однако нетрудно убедиться в том, что *эта формула обвинения не соответствует материалам дела* и, в частности, объяснениям потерпевшей, которая никогда не говорила о том, что она решилась на самоубийство, *“не выдержав позора и унижения”*.

Вот, что показала *Надолинская* на допросе:

“После того, как он совершил со мной половой акт, я очень боялась, что у меня будет второй ребенок, и поэтому решила покончить с собой” (л. д. 2).

И далее:

“Я решила покончить с собой лишь потому, что боялась иметь ребенка после того, как имела связь с Эдиком. Другой причины не было” (л. д. 3)

Об этом же говорила и мать погибшей, *Надолинская К. К.:*

“Она говорила, что сожгла себя из боязни забеременеть” (л. д. 19- об.).

И далее:

“Надя боялась, что брат узнает о ее беременности и убьет ее. Потому она себя сожгла. Это говорила мне она” (л. д. 20).

И далее:

“Она говорила: я испугалась, что могу оказаться беременной” (Протокол суд. засед., л. д. 166).

Подтвердила это и свид. *Алиева Д.* (зав. хирургическим отделением больницы):

“Она говорила, что, боясь беременности, себя сожгла” (л. д. 82).

Естественен вопрос: были ли основания у *Надолинской* к тому, чтобы *на второй день* после случившегося, считать

себя беременной? Имелись ли у нее какие-либо объективные данные, подтверждающие беременность?

Совершенно очевидно, что на второй день после случившегося у потерпевшей не было, да и не могло быть таких данных, равно как и не могло быть никаких оснований к тому, чтобы так решительно и поспешно, совершенно не убедившись в обоснованности своих опасений, сводить счеты с жизнью.

И как факт, судебно-медицинской экспертизой установлено, что погибшая не была беременной (см. п. 2 Заключения экспертизы — л. д. 10).

Суммируя изложенное, следует признать, что единственной причиной самоубийства Надолинской (если, конечно, доверять ее объяснениям) явилось ее *грубое заблуждение, абсолютно ни на чем не основанное опасение беременности.*

— Мог ли Степаненко предполагать, мог ли он допустить, что потерпевшая сможет так заблуждаться? Что ничего не проверив, ничего не уточнив, не установив, она вдруг из боязни иметь ребенка, покончит с собой?

Конечно, если бы он имел дело с молодой, неопытной, неискушенной в жизни девушкой — его можно было бы обвинить в этом. Но в данном случае речь идет о вполне сформировавшейся женщине, о матери, имеющей ребенка, и предвидеть, что она будет так неразумна, так опрометчива, так бездумна в своих поступках, он, разумеется, не мог. Это находилось вне пределов его предвидения.

Очевидно, что при таких обстоятельствах, *в связи с отсутствием причинной связи между действиями обвиняемого и наступившими тяжкими последствиями, отсутствием у обвиняемого умысла (прямого или косвенного) на причинение тяжких последствий, отсутствием вины неосторожной по отношению к наступившим последствиям — действия Степаненко (при доказанности изнасилования) надлежало квалифицировать не ч. III, а ч. 1 ст. 109 УК.*

И еще одно соображение.

Известно, что в соответствии со ст. 105 УПК дела о преступлениях, предусмотренных ст. 109 УК, могут быть возбуждены не иначе, как по жалобе потерпевшей. Такой жалобы в деле нет.

Мало того, и при допросе потерпевшая не настаивала и не просили о привлечении Степаненко к уголовной ответственности (л. д. 2-3).

С учетом изложенного следует признать, что настоящее дело, тем более, что речь идет об обвинении по ч. 1 ст. 109 УК, возбуждено незаконно, в обход требований ст. 105 УПК.

В заключение нельзя не обратить внимание на то, что в деле, по сути, вообще отсутствует Постановление о возбуждении дела, т. к. имеющийся на листе № 1 документ является подложным.

17/XI-68 г. (а именно этим числом датировано Постановление о возбуждении дела) следователь никак не мог знать о том, что Надолинская "17/XI-68 г. себя сожгла и на следующий день умерла" (л. д. 1).

Необходимо подчеркнуть, что здесь допущена не описка, не ошибка, а прямой подлог, направленный на то, чтобы узаконить следственные действия, проведенные до возбуждения дела и, в частности, произведенный 17/XI-68 г. допрос потерпевшей (л. д. 2-3).

Общий вывод:

1. При доказанности изнасилования действия Степаненко подлежали квалификации ч. 1 ст. 109 УК.

2. В связи с отсутствием в деле жалобы потерпевшей данное дело, как возбужденное в обход требований ст. 105 УПК, подлежит прекращению.

2. О доказанности обвинения в изнасиловании.

Общеизвестно, что не всякое насилие, не всякое преодоление сопротивления женщины, направленное на вступление в половую связь, является преступным.

"Сопротивление только тогда может быть признано действительно имевшим место, — утверждает проф. Авдеев, — если оно не было притворным и было доведено до конца" ("Судебная медицина", стр. 456).

Очевидно, что именно с этих позиций надлежало следственным органам и суду оценивать показания потерпевшей Надолинской, и тогда они не могли бы не убедиться в том, что никакого изнасилования в данном случае не было,

что если Надолинская и оказала какое-то сопротивление, то было это обычное притворное или т. н. *мнимое* сопротивление, преодоление которого не может караться в уголовном порядке.

Сама *Надолинская* так об этом рассказывала:

“Степаненко мне предложил вступить с ним в половую связь. Я отказалась. Он *схватил меня за руку*, свалил на пол и совершил половой акт” (л. д. 2-об.).

И далее:

“Я сопротивлялась, но *не кричала* и при нашей борьбе я на нем *ничего не порвала*.”

И далее:

“Так как он сильнее меня я *сильно не сопротивлялась*, боясь ударов, и поэтому *мне кажется* (?!), что он совершил со мной половой акт без моей воли”. (л. д. 2-об.)

Примерно так же рассказала она о случившемся и своей матери:

“На мой вопрос она ответила, что Степаненко предложил вступить в половую связь, я *отказалась, так как боялась забеременеть* (только поэтому! — А. М.).

Несмотря на это, он без моего согласия свернул мне руки и совершил со мной половой акт” (л. д. 19-об.).

Характерно, что именно так воспроизведено случившееся в *Обвинительном заключении* и в *Приговоре суда*:

“Степаненко схватил Надолинскую за руку, *скрутил ее руки* и свалил на пол, изнасиловал” (Обвинительное заключение, стр. 5).

“Когда Надолинская не дала согласия на это, Степаненко насильно *вывернул ей руки* и изнасиловал” (Приговор, стр. 2).

Таким образом, по мнению следственных органов и суда, все насилие заключалось лишь в том, что Степаненко вывернул потерпевшей руки и насильно повалил ее на пол.

— А что же делала в это время потерпевшая?

— В чем выразилось ее сопротивление?

Судя по ее показаниям, она практически не оказывала никакого сопротивления. "Я сильно не сопротивлялась, не кричала, ничего на нем не порвала, мне кажется, что он совершил половой акт без моей воли" — вот, собственно, к чему сводятся ее показания.

Не спорим: потерпевшая была инвалидом, правая нога и рука ее были парализованы. Все это, естественно, затрудняло ее сопротивление.

Но бесспорно и другое: определенное сопротивление, при желании, она могла и должна была оказать.

Если не могла она оказать надлежащего сопротивления физически, то что мешало ей кричать?

— Что мешало ей плакать, просить, умолять не трогать ее?

Ничего этого Надолинская не делала. И если в результате она сама не разобралась: по ее воле, или против ее воли был совершен половой акт ("мне кажется"), — то как же мог в этом разобраться Степаненко?

— Почему, по каким признакам он должен был определять, что совершает половой акт насильно, а не по согласию?

На все эти вопросы нет ответа в протоколе допроса Надолинской. Обойдены они молчанием и в Обвинительном заключении и Приговоре суда.

В заключение несколько замечаний.

а) В протоколе допроса Надолинской есть ссылка на то, что якобы Степаненко несколько раз ударил ее кулаком по темени. Эти показания потерпевшей *абсолютно голословны*, противоречат тому, что она рассказала своей матери.

В частности, ни на следствии, ни в суде свид. Надолинская К. К. ничего не говорила о том, что якобы Степаненко бил дочь по голове. Об этом Надя ей не рассказывала. (л. д. 19, 165).

Никаких повреждений на голове потерпевшей суд. мед. экспертизой не обнаружено, хотя голова Надолинской от ожогов не пострадала (см. акт экспертизы — л. д. 10-об.).

Думается, что и следственные органы, и суд правильно поступили, не включив в обвинение Степаненко нанесение

потерпевшей ударов (см. Приговор и Обвинительное заключение).

б) В Приговоре суда имеется ссылка на то, что якобы в момент насилия "Надолинская царапала его руки и лицо. Степаненко получил легкие повреждения" (Приговор, стр. 4).

Это утверждение приговора на материалах дела не основано.

На лице и руках Степаненко действительно имелись царапины, которые (по его объяснениям) он получил *при ремонте трактора* (л. д. 164-об.).

Эти объяснения Степаненко не только не опровергнуты, а, наоборот, подтверждены имеющимся в деле заключением суд. мед. эксперта, констатировавшего, что "*повреждения эти не характерны для взаимной борьбы*" (л. д. 13).

В своих показаниях *Надолинская ничего не говорила о том, что она царапала Степаненко* (л. д. 2).

Не говорил об этом и ни один из допрошенных по делу свидетелей (см. их показания).

Даже в обвинительном заключении не имелось подобного категорического утверждения, а было лишь высказано *предположение*:

"Этими царапинами подтверждено, что *возможно, они были нанесены ему тогда, когда он изнасиловал Надолинскую*". (Обвинительное заключение, стр. 3).

Комментарии, думается, излишни.

в) Многочисленные свидетели, допрошенные на следствии и в суде, по-разному рассказывают о том, что говорила *Надолинская* перед смертью, на допросе 17/XI-68 г.

Объясняется это, видимо, тем, что все они — Гасанов, Меликова, Алиева, Гумбатов, Исмаилов *впервые были допрошены почти через 5-ть месяцев после случившегося, в апреле м-це 1969 г.* (л. д. 80, 81, 82, 84, 87), и их субъективным восприятием рассказа потерпевшей.

Очевидно, что при оценке показаний потерпевшей следует ориентироваться не на этот *вольный пересказ ее объяснений*, а на тот протокол допроса, который имеется в деле и в котором, по утверждению свид. *Меликовой*:

"Все слова Надолинской 17/XI я записывала с ее слов полностью и правильно" (л. д. 81).

И еще одно соображение.

Считаю необходимым особо обратить внимание на следующее.

Во всех своих объяснениях, начиная с первого допроса на следствии и до последнего допроса в суде, подсудимый Степаненко, категорически отрицая свою вину, утверждал, что он перед отъездом домой *подвез Надолинскую на мотоцикле к Сельсовету:*

"Она попросила подвезти ее к Сельсовету, села на заднее сиденье мотоцикла и я ее подвез" (л. д. 21, 42, 49, 101, 163)

Эти объяснения Степаненко нашли полное подтверждение в материалах дела.

В частности, в судебном заседании свид. Чернова Е. показала (дословно).

"Я видела, как мотоцикл поехал в сторону их дома (Надолинских).

Примерно через два часа я видела, как он (Степаненко) поехал обратно, и за ним на мотоцикле сидела Надежда" (Протокол суд. заседания, л. д. 170-об.).

Аналогичные показания дала свид. Чернова и на следствии:

"Я видела, как по дороге к дому Надолинских на мотоцикле проехал Степаненко.

Потом видела, как на сиденье мотоцикла Степана проехала Надежда. Куда они ездили, я не знаю". (л. д. 38-об.)

Говорила об этом и свид. Алюкова Р.:

"Я 17/XI зашла в дом к Надолинской после того, как мне сообщили, что она подождлась.

Когда зашла, мне соседи сказали, что вчера она ездила с Эдиком на мотоцикле, и я ее поругала и ушла.

Я ей сказала, зачем тебе нужен Степаненко Эдик". (л. д. 37-об.)

Подтвердила данный факт в судебном заседании и свид. Драчева Светлана, которая на вопрос председательствующего пояснила:

"16/XI, я не знаю во сколько часов, я видела, что Эдуард на своем мотоцикле на заднем сиденье везет Надежду. Куда он ее повез, не знаю" (Протокол суд. засед., л. д. 175-об.).

Не вызывает сомнения, что Светлана Драчева рассказала бы об этом факте и на следствии, если бы допрос этой малолетней свидетельницы не был произведен с серьезным нарушением ст. 175 УПК, т. е. в отсутствие педагога. Правда, на допросе присутствовала мать Светланы, свид. Драчева Александра. Но что она могла сказать о показаниях дочери, если следователь поручил 10-ти летней девочке, спустя 3,5 месяца после случившегося, самой, *собственно-ручно*, записать свои показания, а мать была лишена возможности их проверить по той простой причине, что она *неграмотная и умеет лишь расписываться* (см. Протокол допроса Драчевой С. — л. д. 59 и анкетные данные протокола допроса Драчевой Александры — л. д. 24).

Переоценить значение всех этих показаний трудно, так как они свидетельствуют о том, что после случившегося Надолинская не только не подняла никакого шума, не только не обратилась никуда за помощью, а, наоборот, спокойно поехала кататься с "насильником" на мотоцикле по селу.

Не вызывает сомнения, что подобное поведение потерпевшей сразу же после происшедшего никак не вяжется с изнасилованием.

Нельзя не обратить внимание и еще на одно обстоятельство.

По утверждению следственных органов (и это вытекает из материалов дела) Степаненко приехал к Надолинской в два часа дня 16/XI-68 г. (Обвинительное заключение стр. 5). По мнению следствия и суда примерно в это время Надолинская была изнасилована.

Однако не только в этот день, но и на следующий день она никому не сообщила об изнасиловании и не просила задержать насильника.

Мало этого. *Даже после того, как ее, обгоревшую вытащили из колодца, Надолинская тоже ничего не говорила об изнасиловании.*

Свид. Чернова Е. по этому поводу показала:

"Я спросила Надежду, почему она себя сожгла, но она мне ничего не ответила. (Протокол суд. засед. л. д. 170-об.).

Это же вытекает из показаний свид. Алюковой (л. д. 37-об.).

И только тогда, когда приехала мать, оправдываясь перед ней, Надолинская стала говорить и о Степаненко, и о насилии. Это же она, естественно, вынуждена была повторить и на допросе.

Суммируя изложенное, следует признать, что в материалах дела не только нет никаких доказательств изнасилования потерпевшей, а наоборот, имеются определенные противоулики, свидетельствующие о том, что если 16/XI между потерпевшей и Степаненко и были близкие отношения, то не в результате насилия, а по обоюдному согласию.

По вполне понятным причинам (он человек семейный, двое детей) рассказывать об этом Степаненко не может.

3. О бесспорности предсмертных объяснений Надолинской

Как указано выше, объяснениям Надолинской о причинах, побудивших ее покончить жизнь самоубийством, суд придал бесспорный характер.

С такой оценкой показаний потерпевшей согласиться нельзя:

а) Прежде всего, обращает на себя внимание надуманный характер объяснений Надолинской. Вряд ли мыслимо, чтобы она, женщина, имеющая определенный жизненный опыт, уже давно жившая половой жизнью, так, вдруг, без всяких оснований, поспешно решилась на самоубийство, не убедившись досконально в том, что она действительно беременна.

Уже одно это, само по себе, внушает серьезные сомнения в достоверности объяснений Надолинской.

б) Ни в процессе следствия, ни в суде не были надлежащим образом исследованы обстоятельства, относящиеся к образу жизни потерпевшей, ее поведению, уровню умственного развития и проч.

Между тем, и это совершенно очевидно, тщательное исследование и анализ этих обстоятельств могли пролить

свет на истинные причины случившегося. Все это тем более необходимо было проверить, так как в материалах дела имелись отдельные данные, свидетельствующие о не совсем нормальном образе жизни и поведении потерпевшей.

Так:

Установлено, что в детстве Надолинская перенесла тяжелое мозговое заболевание — менинго-энцефалит и что до последних дней жизни у нее отмечались стойкие остаточные явления этого заболевания, астеническое состояние (л. д. 140).

Очевидно, что если бы болезнь Надолинской заключалась только в параличе правой руки и ноги, она могла бы быть трудоустроена. Однако, Надолинская всю жизнь нигде не работала. Причина этого абсолютно не исследованна, хотя еще на следствии свид. Драчева Александра пояснила:

“Надежда была матерью одиночкой и сама была несколько слабоумной” (л. д. 26).

Писала об этом накануне слушания дела и свид. Архипенко, жена обвиняемого, в своей жалобе, адресованной Председателю Верховного суда республики.

“Эта женщина с явной недоразвитостью ума. Она неоднократно порывалась покончить самоубийством, прыгала в колодец, откуда ее вытаскивали” (л. д. 130).

Писали об этом в своем заявлении, адресованном Прокурору района, и односельчане Надолинской (более 20-ти человек), люди, на глазах которых проходила вся ее жизнь. Хотя следователь и не приобщил к делу этого заявления и не принял никаких мер к его проверке, но факт этот бесспорен и косвенно подтверждается находящимся в деле заявлением Архипенко, в котором, в частности, значится:

“В деле имеется заявление 20-ти человек, граждан с. Владимировка, которые дают отрицательную характеристику Надолинской”. (л. д. 130).

Вместо проверки всех этих фактов, следственные органы и суд ограничились истребованием справки о том, что “Надолинская по вопросам душевного заболевания в больницу не обращалась” (?!) — л. д. 141, 145, и на этом поставили точку.

А граждане эти писали и пишут во все инстанции, что Надолинская систематически пьянствовала, неоднократно пыталась покончить жизнь самоубийством, прыгала в колодец, откуда ее вытаскивали, и бегала по улице с ножом, грозилась повеситься, зарезаться, покончить с собой, говорила всем, что она инвалид и жить не хочет, все равно покончит с собой (см. прилагаемые заявления гр. Мамедова, Драчева А., Воронина, Гаджиева, Зеленского и др. — прилагаются).

Очевидно, что в данном случае следовало не только приобщить к делу указанное заявление, но и расширить на следствии круг свидетелей, тщательно исследовать все эти обстоятельства.

в) Надолинская была доставлена в больницу 16/XI в 21 ч. (л. д. 82). Находилась она в это время в тяжелом состоянии (см. показания свид. Гумбатова — л. д. 84), через несколько часов она умерла.

— Как могла сказаться полученная ею тяжелая травма на ее психическом состоянии, способна ли она была в это время давать правильные показания?

— Не могла ли эта тяжелая травма в совокупности с имевшимся мозговым заболеванием вызвать у нее расстройство психики, появление бредовых мыслей?

Очевидно, что на все эти и другие подобные вопросы могла и должна была ответить не справка из больницы, а посмертная судебно-психиатрическая экспертиза, проведение которой в данном деле следует признать безусловно необходимым.

Полагаю, что при наличии столь серьезных пробелов, допущенных при расследовании дела, у суда не было никаких оснований к тому, чтобы на голословных, абсолютно ничем не подтвержденных объяснениях Надолинской строить обвинение Степаненко, чтобы придавать ее показаниям бесспорный характер.

— " —

Степаненко Э. К. 1939 г. рождения. По работе характеризуется положительно (л. д. 92). На иждивении его находится двое малолетних детей.

В силу изложенного и полагая, что указанный судебный приговор основан на недостаточно полно и всесторонне исследованных материалах, прошу Вас истребовать настоящее дело и внести протест на предмет его отмены и возвращения дела по обвинению Степаненко Э. К. на новое

рассмотрение со стадии предварительного следствия.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

1. Копия Приговора коллегии Верховсуда Аз.ССР на 3-х листах.
2. Заявления граждан с. Владимировка — на " " листах.

Адвокат
г. Москва
"28" июля 1971 г.

МОВЕ А. Л.

...

Решение, которое было принято по этой жалобе, поданной на личном приеме было не совсем обычным.

Документ

== ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР ==

При ответе сослаться на наш № 02-711-69

12 . августа 1971.

АДВОКАТУ МОВЕ А. Л.

гор. Москва, ул. Баррикадная, дом 8,
Московская областная юридическая
консультация

Сообщая, что поскольку по обстоятельствам, изложенным в поданной на личном приеме жалобе в отношении Степаненко Э.К., осужденного Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР по ст. 109 ч. 3 УК Азербайджана, требуется проведение дополнительной проверки, — жалоба направлена в Прокуратуру СССР.

И.О. Председателя Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда
С С С Р

Г. Назим

Только почти через 10 месяцев из Верховного суда СССР поступил окончательный ответ на эту жалобу, но ответ был, увы, неутешительным.

Документ

== ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР ==

При ответе сослаться на наш №02-Д-126-72
впреля 1972.

Гор. Москва, ул. Баррикадная, дом 8

Мособлпроконсультация.

Адвокату тов. Мове А.Л.

Сообщаю, что в связи с Вашей жалобой в Верховном Суде СССР в порядке надзора проверено уголовное дело Степаненко С.К., осужденного Верховным Судом Азербайджанской ССР по ст. 109 ч. II УК Азербайджанской ССР.

Показаниями потерпевшей Недолинской, допрошенной в больнице 17 ноября 1968 года, показаниями свидетелей Меликовой, Недолинской, Алиевой и других установлено, что Недолинская покончила жизнь самоубийством в связи с изнасилованием ее осужденным Степаненко, боясь забеременеть. При этих обстоятельствах действия Степаненко судом правильно квалифицированы по ч. II ст. 109 УК Азербайджанской ССР.

Суд, оценив собранные по делу доказательства, а также исследование обстоятельств, на которые содержится ссылка в Вашей жалобе, пришел к обоснованному выводу о том, что Степаненко изнасиловал Недолинскую.

Оснований к отмене или изменению приговора не найдено.

Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

Документы на 14 листах возвращаются.

Председатель Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда СССР

Г. Анашкин

В Прокуратуре СССР, куда теперь мне вновь пришлось обратиться с жалобой, отнесли к этому делу по-иному. Дело вновь было истребовано в Прокуратуру СССР, и по указанию руководства Прокуратуры Заместителем Прокурора Азерб. ССР был принесен протест.

25 мая 1973 г. Президиум Верховного суда Азерб. ССР принял решение об отмене судебного приговора и направлении дела на дополнительное расследование, о чем мною было получено соответствующее уведомление.

ССРИ ПРОКУРОРЛУГУ

Азәрбајҹан Совет Социалист Республикасы
ПРОКУРОРЛУГУ

ПРОКУРАТУРА СССР

ПРОКУРАТУРА

Азәрбајҹан Совет Социалист Республикасы

№/басы

Отдел

Паны ш., Палуан дучеси, ес № 11.

г. Баку, ул. Палуаня, дом № 11.

7/5215

Чалыб ырданыла басыш № по тарихи дистернали
Пря отыже ысталыла на ыш № и дату

29 МАЯ 1973 г.

гор. Москва, ул. Баррикадная дом 8
Мособлпроконсультация, Адвокату Мове А.

Сообщаем, что приговор Судебной коллегии по I инстанции Верховного суда Азерб. ССР от I/УП-1969г. по делу Степаненко К.Э., по нашему протесту 25/У-1973г. Президиум Верховного суда Азерб. ССР отменила, дело направлено на дальнейшее расследование.

Прокурор отдела по надзору за
рассмотрением в судах уголовных дел
советник встпции

Самедов САМЕДОВ

***

Дополнительное расследование длилось семь месяцев и завершилось полным прекращением дела и полной реабилитацией Степаненко Э. К.

Из досье адвоката
Копия

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА:

3 октября 1973 года в городе Сабирабاده

Следователь Прокуратуры Сабирабадского района юрист II класса Н. Кязимов, рассмотрев материалы уголовного дела по обвинению гр-на Степаненко Эдуарда Константиновича по ч. III ст. 109 УК Азерб. ССР,

Установил:

Гр-нин Степаненко Эдуард Константинович был привлечен к уголовной ответственности по ст. 109 ч. III УК Азерб. ССР за то, что он 16 ноября 1968 года поехал в село Владимировка Сабирабадского р-на к бывшей соседке Ксении Надолинской, которой дома не оказалось.

Степаненко, воспользовавшись отсутствием посторонних лиц в доме, с применением физической силы вступил в половое сношение с ее двоюродной сестрой Надеждой Надолинской.

Надежда Надолинская после изнасилования опасаясь в будущем беременности, 17 ноября 1968 года облилась керосином и сожгла себя.

После чего была доставлена в больницу. Несмотря на оказанную необходимую медицинскую помощь, Надолинская Н. 18 ноября 1968 г. скончалась.

По указанному факту 17 ноября 1968 года против Степаненко Э. К. было возбуждено уголовное дело по признакам ст. 109 ч. III Азерб. ССР и начато предварительное следствие, а он взят под стражу.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Азерб. ССР 1 июля 1969 года в открытом судебном заседании рассмотрела уголовное дело по обвинению Степаненко Э. К. и приговорила его к 12 годам лишения свободы.

Зам. Прокурора Азерб. ССР тов. Барыкин по вновь открывшимся обстоятельствам 15 мая 1973 года внес протест в Президиум Верховного суда Азерб. ССР на предмет отмены вынесенного приговора в отношении Степаненко Э. К.

Президиум Верховного суда Азерб. ССР 25 мая 1973 года рассмотрел протест, и удовлетворил его, отменил приговор и вернул дело с некоторыми указаниями на доследование.

Президиум Верховного суда Азерб. ССР в своем определении от 25 мая 1973 года указал, что жители села Владимировка, обращаясь к органам Прокуратуры, сообщили, что потерпевшая Надолинская ранее оклеветала несколько человек в ее изнасиловании, далее они сообщили, что данные ее показания против Степаненко неправдоподобны.

При проведении повторного следствия по вновь открывшимся обстоятельствам на допросе по делу свидетели В. Чикунова, В. Воронина, В. Штефан, М. Архипенко, А. Лепского, Б. Штефан, П. Воронина, В. Ермоленко, А. Мамедова, Н. Гаджиева и А. Попова показали, что Надолинская систематически занималась развратом, пьянством, несколько раз пыталась покончить с собою, в нетрезвом состоянии бросалась в колодец, и соседи несколько раз спасали ее от смерти.

Кроме этого работница больницы и записывающая показание Надолинской Б. Меликова при допросе показали, что 17 января 1968 года, когда допрашивалась Надолинская, она теряла сознание, не могла говорить хорошо, на заданные вопросы не имела возможности отвечать правильно.

С целью установления правильности показаний Н. Надолинской была назначена и проведена посмертная судебно-психиатрическая экспертиза.

Из полученного заключения усматривается, что Надолинская до самосожжения в связи с болезнью центральной нервной системы страдала слабоумием, являлась психопатической личностью.

Больные, страдающие подобными заболеваниями всегда имеют склонность к лжи, клевете и подобным действиям.

Таким образом, при проведении предварительного следствия по вновь открывшимся обстоятельствам установлено, что Н. Надолинская не была изнасилована Степаненко Э. К., а под воздействием своего психического заболевания, ввиду склонности к лжи и клевете, она показала, что ее изнасиловал Степаненко Э. К. При даче показаний в больнице Надолинская находилась в крайне тяжелом состоянии, часто теряла сознание и не совсем отдавала отчет в своих показаниях.

Потому за отсутствием в действиях Степаненко Э. К. состава преступления, в отношении его уголовное дело подлежит прекращению и его следует немедленно освободить.

На основании изложенного руководствуясь п. 2 ст. 10 УПК Азерб. ССР

Постановил:

1. За отсутствием в действиях Степаненко Эдуарда Константиновича состава преступления, прекратить уголовное дело, имеющиеся на него по ст. 109 ч. III УК Азерб. ССР. Избранную в отношении него меру пресечения отдельным постановлением изменить, из-под стражи освободить.

2. Указанное постановление предоставить надзирающему Прокурору и прекращенное уголовное дело оставить в прокуратуре Сабирабадского района.

Следователь Прокуратуры Сабирабадского р-на, юрист II класса:

КЯЗИМОВ

Верно:

...

(А. Мове)

Эдуард Константинович Степаненко безвинно находился в местах лишения свободы около 5-ти лет.

Дело В. Д. Балакирева: за взятку в 100 рублей — 8 лет лагерей

Очень горько писать об этом деле. Особенно горько еще и потому, что дикость эта была проявлена не где-нибудь в дальнем глухом захолустье, а в самом центре государства, в столице, в нашем Московском областном суде под председательством члена Облсуда Марченко Михаила Тихоновича.

При первичном слушании дела в суде, а длилось оно две недели, защиту Балакирева осуществлял наш маститый многоопытный адвокат Мирон Семенович Мельниковский.

Это дело буквально потрясло его, и после того как суд по ходатайству адвоката обратил дело к доследованию, он обратился ко мне с просьбой: "Ты помоложе, силенок побольше, попробуй, может у тебя что-нибудь получится. А я уже буквально иссяк, dokonает оно меня".

Так оказался я в роли защитника Василия Даниловича Балакирева в процессе, который на сей раз длился уже около месяца. Только тут я в полной мере понял своего старшего коллегу.

Следствие по делу длилось месяцами, дело разбухло до 7-8 томов, страшное нагромождение улик и контрлик, — все это вкупе с нескрываемым обвинительным уклоном председательствующего могло потрясти кого угодно. Описывать все перипетии борьбы в судебных инстанциях по этому делу, конечно, невозможно, поэтому позволю себе предать гласности только свою пространную кассационную жалобу с краткой справкой о результатах завершения дела.

Из досье адвоката

В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР

Адвоката Мове А. Л., г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 8 Мособлюрконсультация

По делу

Балакирева Василия Даниловича, осужденного
Приговором коллегии Мособлсуда от 27/III-70 г.
по ст. 173 ч. II УК к 8 годам лишения свободы с
конфискацией имущества

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА (дополнительная)

Приговор суда, которым заслуженный участник Отечественной войны, бывший офицер Советской армии, Председатель рудничного комитета Подмосковского Горнохимического комбината Балакирев В. Д. признан виновным и осужден к длительному лишению свободы, является неправильным и подлежит безусловной отмене.

Уже сам по себе *размер* взятки (100 руб.), которую якобы путем вымогательства получил Балакирев, человек вполне обеспеченный (среднемесячный доход его семьи составлял около 500 руб.), за предоставление дружкоймнатной благоустроенной квартиры — свидетельствует об *искусственности и надуманности* обвинения.

Осуждение Балакирева — это, прежде всего, результат не критической оценки судом материалов предварительного следствия.

I. О нарушениях законности, тенденциозности и необъективности расследования

Учитывая особенности дел о взяточничестве, Пленум Верховного суда СССР в своем Руководящем Постановлении от 31 /VII-62 г. прямо ориентировал суды на необходимость предъявления *повышенных требований к качеству предварительного следствия* по подобным делам.

Этими указаниями Верховного суда СССР суд пренебрег. Суд прошел мимо тех грубейших нарушений законности, которые были допущены в процессе следствия и которые свидетельствуют не только о тенденциозности и необъективности расследования, но и о прямом сговоре отдельных работников следствия с лицами, заинтересованными в осуждении Балакирева, о подлогах и провокациях, направленных на искусственное создание обвинения.

Прежде чем перейти к конкретным фактам, необходимо обратить внимание на следующее:

а) Из материалов дела явствует, что работник уголовного розыска Кравцов являлся близким приятелем подсудимого Ситникова, они нередко вместе выпивали (см. их показания), и именно он, Кравцов, сообщил Ситникову о том, что в отделение милиции поступил материал на Балакирева. Данное обстоятельство Ситников тщательно скры-

вал, но в конечном итоге вынужден был признать (см. показания Ситникова в суде).

б) Установлено, что Ситников — это ближайший друг (а вернее — собутыльник) родного брата Злобиной, Симикина, и что работник милиции Кравцов был близок не только к Ситниковым, но и со Злобиной.

Далеко не случайно свекор Злобиной, Злобин Георгий, в своем заявлении, сообщая о том, что Злобина занимается воровством, пьянствует, ссылается на то, что она близка к Кравцовым и что последний ее покрывает (т. 1 л. д. 5-7).

в) В судебном заседании Злобина объяснила, что накануне допроса в милиции, 23/III-69 г., к ней домой приходил какой-то работник милиции (фамилию его Злобина назвать отказалась), который вел с ней переговоры о деле. На всех предыдущих допросах Злобина этот факт скрывала (см. любые ее показания).

По свидетельству сотрудника милиции Пахалюка, который с 19/III-69 г. занимался проверкой этого материала, он никого из работников милиции на дом к Злобиной не направлял и о данном факте ничего не знает (см. показания Пахалюка в суде).

г) Известно, наконец, что Злобина и Ситников также являлись довольно близкими между собой людьми.

По этому поводу брат Злобиной, Симикин в суде показал:

“Когда не хватало денег на выпивку, то мы с Ситниковым шли к моей сестре занимать деньги... Возможно, что мы выпивали на квартире Злобиной помимо этого раза...” (т. 5 л. д. 237-об.).

Подтвердил это и Ситников:

“Злобина — сестра Симикина, а с Симикиным я дружу. Я ходил на квартиру к Симикину, раньше жила с ним и Злобина” (т. 5 л. д. 74-об.).

Не отрицала этого обстоятельства и Злобина:

“С Ситниковым у меня были самые хорошие товарищеские отношения” (т. 5 л. д. 144).

И далее:

“На квартире у Беловой решили выпить, т. к. Ситникова хорошо знали...” (т. 5 л. д. 153-об.).

О близких отношениях, существовавших между Злобиной и Ситниковым, свидетельствуют и факты:

2/IV-69 г. Ситников и Симикин пошли на квартиру к Злобиной и, конечно, захватили с собой бутылку водки, там ее распили.

9/IV-69 г., по свидетельству Злобиной, она с Ситниковым распивала вино в квартире своей сестры, Беловой. (См. показания Злобиной — протокол суд. засед. т. 5 л. д. 153).

О близости этих людей говорила в суде и свид. Богданова (см. ее показания — т. 5 л. д. 237-об.0).

Все изложенное свидетельствует о том, что *главные свидетели обвинения — Злобина и Ситников — находились в приятельских отношениях и были довольно близки с отдельными работниками Воскресенского Горотдела милиции.*

Ниже будет показано, как отразилось все это на объективности расследования и к чему привело.

1. Прежде всего, об одном “случайном” совпадении.

9/IV-69 г., буквально через 5-10 минут после того, как Ситников якобы передал Злобиной 30 руб., он был задержан работником милиции Украинцевым и доставлен в Городской отел милиции (см. показания Ситникова в суде — т. 5 л. д. 83).

Невзирая на то, что никаких 110 руб. в это время у Ситникова дома не было, он на допросе следователю т. Пахалюку заявил:

“Балакирев мне дал для возврата Злобиной 40 руб. Я их отдавал Злобиной, но она их не взяла. Тогда Балакирев дал мне еще 70 руб. и велел возвратить Злобиной. Всего он передал 110 руб. Я взял эти деньги, но Злобиной их отдать *не успел*(?!), и они в настоящее время *находятся у меня дома.*”

И далее:

“Эти деньги я *хочу передать органам Внутренних дел как вещественное доказательство*” (т. 1 л. д. 21)

Нетрудно понять, что подобные показания Ситников мог дать при одном условии — при уверенности в том, что, несмотря на отсутствие у него дома 110 руб., сотрудниками милиции будет составлен акт об изъятии этих денег.

И самое удивительное, что такой подложный акт изъятия денег (под протокол допроса Ситникова) в деле появился (т. 1 л. д. 39), и именно он, в совокупности с показаниями Ситникова, явился основанием для задержания и ареста Балакирева (т. 1 л. д. 106).

Но главное даже не в этом.

2. На многочисленных допросах в процессе следствия, Ситников, выгораживая отдельных сотрудников милиции, тщательно скрывал, что 50 руб. (из 110 руб., фигурирующих в акте выемки) были изъяты не у него, а у его матери.

Так, на допросе 14/V-69 г., через месяц после изъятия денег, Ситников показал:

“Я всего получил у Балакирева 110 руб... С этими деньгами я к Злобиной не пошел, вернее не успел, так как в этот день, когда я хотел пойти к Злобиной, ко мне на работу приехал сотрудник милиции, которому я отдал эти деньги”. (т. 2 л. д. 12)

Об этом же говорил Ситников и на очной ставке с Балакиревым 24/VI-69 г., через 2,5 месяца после изъятия денег:

“Отдавая 70 руб. Балакирев велел отдать их Злобиной. Я хотел отдать деньги, но не успел. 9/IV меня вызвали на допрос и изъяли деньги”. (т. 2 л. д. 115)

Следует отметить, что на этой очной ставке Балакирев разоблачил Ситникова, уличил его в том, что 50 руб. для выдачи органам милиции он брал у своей матери.

Вопрос Балакирева и ответ Ситникова следователь в протоколе очной ставки не отразил, в связи с чем Балакирев отказался от подписи показаний Ситникова в указанном протоколе (т. 2 л. д. 120).

Тот факт, что все обстояло именно так, подтверждается показаниями Ситникова на допросе 30/VI-69 г. (допрос вела следователь Шутова), где он заявил:

“Я сегодня явился к следователю Шутовой, чтобы уточнить свои показания на очной ставке с Балакиревым (?!). Балакирев мне не случайно задал вопрос, брал ли я у своей матери 50 руб. Действительно, мать принесла 50 руб. и т.д. (т. 2 л. д. 177-178)

— Почему, на каком основании следователь не отразил в протоколе очной ставки вопрос Балакирева и ответ Ситникова?

Очевидно, что сделано это было не случайно и лишь потому, что это *грозило разоблачением* подложности акта выемки денег у Ситникова, т. е. того самого документа, который послужил основанием для ареста Балакирева.

Через 2,5 месяца после изъятия денег Ситников вынужден был изменить свои показания и признал, что 110 руб. были изъяты не у него дома, *не из ящика его стола*, как значится в акте изъятия, что часть этих денег, 50 руб., принесла его мать.

Вслед за Ситниковым изменили свои показания его жена, Валентина, и его мать, Ситникова Глафира (т. 2 л. д. 165 и 169).

Мать Ситникова, его жена — люди, близкие Ситникову. И понять их поведение, путаницу в их показаниях в какой-то степени можно. Удивляет не это, а то, что в то же время сразу изменил свои объяснения и сотрудник милиции Украинцев, который показал:

“В протоколе я указал, что все деньги лежали в столе, но фактически часть денег, которые *ему вернула мать*, лежали у него в кармане...” (т. 2 л. д. 159).

— Почему в течение 2,5 месяцев сотрудник ОБХСС Украинцев *скрывал* данное обстоятельство, почему ничего не говорил об этом?

— Почему *скрывали* это следователи Пахалюк и Нач. ОБХСС Воскресенского ГОМ Левин, которому Украинцев еще до составления акта сообщил, что у Ситникова всех денег нет, что часть денег находится у его матери (см. показания Украинцева — т. 4 л. д. 68 и Протокол судебного заседания — т. 6 л. д. 193-193-об.)?

В своих показаниях на следствии Ситников утверждал, что Балакирев передал ему 40 руб., купюрами по 10 руб. и 70 руб. — купюрами: 2 шт. по 25 руб. и 2 шт. по 10 руб., т. е. всего *8 купюр* (см. показания Ситникова).

А из протокола выемки денег у Ситникова явствует, что у последнего были изъяты 110 руб. купюрами 33 шт. по 1 руб., 14 шт. по 3 руб. и т. д., а всего *52 купюры* (т. 1 л. д. 39).

Даже не искушенному в юриспруденции человеку ясно, что у Ситникова были изъяты не те деньги, которые (если доверять Ситникову) были переданы ему Балакиревым, и

что эти деньги никак не могут являться *вещественным доказательством по делу*.

Естественен вопрос: на каком основании следователь т. Пахалюк приобрел указанные деньги к делу в качестве вещественного доказательства, на каком основании вынес постановления, находящиеся на л. д. 40 и 42 т. № 1?

3. Через 2,5 месяца после выемки денег Ситников вынужден был признать, что 50 руб. (из 110 руб., изъятых у него) принесла его мать.

“Остальные 60 руб., — утверждал Ситников, — хранились у меня дома, были изъяты у меня. Злобиной денег не передавал”.

Этих показаний Ситников придерживался на всем протяжении следствия, это утверждал он и в первом судебном заседании (см. Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 83-86).

Такие же показания по данному вопросу давала и Злобина. В частности, на допросе 14/V-69 г. Злобина показала:

“Ситников пытался мне отдать деньги от Балакирева. Я сообщила об этом в милицию. Мне сказали, чтобы я без их ведома этих денег у Балакирева не брала” (т. 2 л. д. 26-об.).

Свои показания Злобина подтвердила и в первом судебном заседании:

“После встречи с Ситниковым я пошла в ОБХСС. Мне сказали там, чтобы без них деньги не брать...” (т. 3 л. д. 34-об.).

Ничего не говорила Злобина о получении денег от Ситникова и на первом допросе после возвращения дела к доследованию (т. 4 л. д. 22).

Только через 8 месяцев после выемки денег, 25/XI-69 г., Ситников вдруг “признался”:

“Утром 9/IV-69 г. я передал Злобиной 30 руб. После прихода Украинцева ко мне домой я ездил к Злобиной за деньгами на милицейской машине, она приехала ко мне, в присутствии Украинцева выложила деньги и т. д.” (т. 4 л. д. 86).

Вслед за Ситниковым, через 8 месяцев, изменила свои показания Злобина (т. 4 л. д. 25), изменили свои объясне-

ния жена Ситникова и его мать. Всех их в какой-то степени можно понять, ибо все они — люди, близкие Ситникову.

Удивительно не это, а то, что вслед за Злобиной и Ситниковым, через 8 месяцев, изменил свои показания и сотрудник ОБХСС Украинцев, тот самый, который и на следствии, и в первом судебном заседании ничего не говорил о том, что Злобина в момент изъятия денег заходила в дом к Ситникову, приносила ему какие-то деньги (см. показания Украинцева — т. 2 л. д. 159, т. 3 л. д. 157-158).

Теперь, через 8 месяцев, 8/XII-69 г., Украинцев показал:

“Ситников заходил к матери, брал у нее деньги. Потом мать ушла в комнату и здесь Ситников мне вновь сказал, что деньги у него опять не полностью. Я доложил об этом по телефону Нач. ОБХСС Левину... Минут через 10-15 Ситников пришел со Злобиной и она сказала, что Ситников утром ей приносил деньги, сколько она не знает и из хозяйственной сумки высыпала на стол деньги”. (т. 4 л. д. 68)

— Почему Украинцев ничего этого не отразил в акте? Почему указал, что деньги изъяты из ящика стола Ситникова, в то время как 80 руб. (50 + 30) из 110 руб., изъятых, принесли Ситникову другие лица?

— Чем объяснить, что на протяжении 8 месяцев Украинцев ничего не говорил об этом, совместно с Ситниковым и Злобиной вводил в заблуждение следственные органы и суд?

— Почему ничего не заявляли об этом Нач. ОБХСС Воскресенского ГОМ Левин и следователь Пахалюк, которые не могли не знать о фиктивности акта выемки денег, о его подложности?

— Наконец, как получилось, что в самый разгар следствия, уже после того, как на квартире у Злобиной была организована засада, после того, как Злобину неоднократно вызывали в милицию, допрашивали и 24/Ш-69 г. (т. 1 л. д. 57, т. 1 л. д. 2-3) и 31/III-69 г. (т. 1 л. д. 8), и 2/IV-79 г. (т. 1 л. д. 19), после того, как ее предупредили, чтобы она “без ведома милиции денег от Ситникова не брала” (и она, по ее показаниям, упорно отказывалась брать у Ситникова деньги, даже тогда, когда он предлагал вернуть ей 70 руб.), Злобина вдруг 9/IV-69 г. стала настаивать на том, чтобы Ситников вернул ей 30 руб., в течение целого часа ждала

его и согласилась взять от него 30 руб. И как случилось, что буквально через 5-10 минут после "возврата" денег Злобиной, Ситников уже был задержан, а через 2-3 часа в деле появился подложный акт изъятия у него денег?

Если вспомнить, что вскоре после всего этого, в тот же день, 9/IV-69 г., Балакирев был арестован, многое станет понятным.

Вольно или невольно, создается впечатление, что после провала с провокацией и т. н. засадой 2/IV-69 г. (об этом ниже), нечто подобное было предпринято и 9/IV-69 г. К сожалению, никакой оценки всему этому суд в Приговоре не дал.

4. Возвращая на дополнительное расследование указанное дело, коллегия Мособлсуда в своем определении указала:

"Из материалов дела усматривается, что Ситников длительное время настойчиво предлагал Балакиреву вернуть деньги Злобиной, сообщал, что он в хороших отношениях с работниками милиции и т. д. Тщательное выяснение указанных выше вопросов необходимо для установления, не было ли в данном случае *провокации* со стороны заинтересованных лиц" (См. Определение от 17/IX-69 г.)

В процессе доследования Определение суда в этой части выполнено не было.

Между тем:

а) Из показаний Балакирева усматривается, что в конце марта — начале апреля 1969 г. Ситников настойчиво предлагал ему вернуть деньги Злобиной, ссылаясь на то, что дело будет после этого "закрыто". Не отрицал по сути этого и Ситников.

б) В это же время, 2/IV-69 г., следователем Пахалюк на квартире Злобиной была организована т. н. засада с целью задержания лиц, которые будут возвращать ей деньги.

Организация этой засады с Прокурором г. Воскресенска согласована не была.

в) Хотя засада была устроена с целью задержания того, кто будет передавать Злобиной деньги, однако после того как выяснилось, что Ситников предложил Злобиной лишь 37 руб. (3 руб. он израсходовал на водку), последний задержан не был.

На протяжении последующих дней Ситников продолжал провоцировать Балакирева на передачу денег Злобиной, а в это время, в течение *нескольких дней* на квартире у Злобиной устраивались засады (см. показания свид. Булычевой и Богдановой — т. 1 л. д. 117, 119, т. 5 л. д. 237-об.).

5. В связи с серьезными нарушениями законности, допущенными по данному делу, коллегия Мособлсуда в своем Определении от 17/IX-69 предложила при доследовании *“проверить объективность ведения следствия”* (см. стр. 4 Определения).

Указание коллегии в этой части выполнено не было.

В частности:

а) В первом судебном заседании Ситников показал:

“30/VI вызвали на допрос мою жену, меня не вызывали. Следователь Шутова допросила ее, потом пригласила меня. Она сказала, чтобы я говорил о 50 руб. так же, как жена, так будет лучше. И я согласился и дал такие показания”. (т. 3 л. д. 214-об. — 215).

На это заявление Ситникова обращено внимание и в Определении коллегии Облсуда:

“В судебном заседании Ситников подтвердил свои первоначальные показания, утверждая, что 30/VI-69 г. изменил свои показания по просьбе следователя Шутовой с той целью, чтобы его показания совпали с показаниями его жены”. (Определение, стр. 3)

Не взирая на все это, Шутова при доследовании допрошена не была.

В результате остался невыясненным не только данный вопрос, но и вопрос о том, почему Шутовой необъективно велся протокол очной ставки между Балакиревым и Ситниковым, состоявшейся 24/VI-69 г.

Обоснованное ходатайство защиты о вызове и допросе в суде свид. Шутовой судом было безмотивно отклонено (т. 5 л. д. 11).

б) В первом судебном заседании Злобина показала:

“2/IV утром я возвращалась из ОБХСС, встретила Ситникова, который рассказал мне о 40 руб. и

предложил их взять, но я деньги не взяла. В этот же день, после встречи с Ситниковым, я пошла в ОБХСС и сказала об этом... Была организована засада" (т. 3 л. д. 34-об., 35).

Свои показания Злобина подтвердила и в настоящем судебном заседании:

"2 апреля меня вызвали на допрос в милицию, и когда я оттуда возвращалась, примерно в час дня, меня встретил Ситников и т. д. (т. 5 л. д. 124-об.)

И далее:

"2/IV я поехала в милицию утром. Допрашивал меня в течение часа утром Пахалюк. Когда возвращалась с допроса, меня встретил Ситников". (т. 5 л. д. 145-об.)

И далее (после предъявления Злобиной протокола допроса от 2/IV-69 г.)

"Допрашивали меня днем, примерно в 10-11 ч. Я точно помню, что меня допрашивали днем. Вечером 2/IV меня никто не допрашивал...

И далее:

"Я утверждаю, что вечером 2/IV (после засады — А. М.) меня не допрашивали" (т. 5 л. д. 146-об., 147).

Указанный протокол допроса Злобиной из дела изъят. Вместо него в деле появился другой протокол допроса Злобиной от 2/IV-69 г., в котором помечено, что допрос этот длился с 21 ч. до 21 ч. 40 мин. (т. 1 л. д. 19).

В судебном заседании свид. Пахалюк подтвердил, что подчистку и исправление в протоколе часов допроса учинил он. (т. 5 л. д. 187).

Приобщенный к делу протокол допроса не мог быть составлен утром 2/IV, поскольку в нем идет речь о событиях, происшедших вечером 2/IV:

"Вечером, примерно в 19 ч., ко мне пришел Ситников и т. д." (т. 1 л. д. 19-об.)

Вопрос об изъятии из дела протокола допроса Злобиной от 2/IV-69 г., об обстоятельствах и причинах подлога в протоколе, находящемся на л. д. 19 т. 1, вопрос о том,

каким образом в указанном протоколе допроса появилась подпись Злобиной (ведь вечером 2/IV, после засады, ее не допрашивали) — остался невыясненным, хотя очевидно, что все это вряд ли свидетельствует об объективности следствия.

Тенденциозность и необъективность, подлоги и прямой сговор с лицами, заинтересованными в осуждении Балакирева — вот что характеризует следствие по этому делу.

И приходится лишь сожалеть, что суд никак на это не реагировал, пошел на поводу материалов, собранных в таких ненормальных условиях.

II. Об искажении судебной перспективы

Известно, что неправильное определение места лица в процессе неминуемо влечет к искажению судебной перспективы.

Именно это случилось в настоящем деле. Злобина, которая (если доверять ее показаниям) явилась *инициатором* дачи взятки, с самого начала была поставлена в привилегированное положение свидетеля, что не могло не сказаться на объективности расследования.

Обращает на себя внимание тот факт, что поначалу вопрос об уголовной ответственности Злобиной следственными органами вообще *не был решен* и только впоследствии, после возвращения дела к доследованию, через 9 месяцев, было вынесено Постановление об освобождении ее от уголовного преследования (т. 4 л. д. 100).

Таким образом, с самого начала следствие пошло по пути выгораживания Злобиной.

Мотивы, положенные в основу постановления об отказе возбуждения дела против Злобиной, не выдерживают серьезной критики.

1. Утверждение о том, что Злобина *добровольно* заявила о даче взятки, является несостоятельным, поскольку из материалов дела усматривается, что Злобина не сама явилась в органы милиции, а была туда вызвана 24/III-69 г. в связи с заявлением свекра, поступившим в Воскресенский Горотдел милиции 19/III-69 г. (т. 1 л. д. 5).

Это обстоятельство подтвердила и сама *Злобина*:

"24 марта меня вызвали в милицию по поводу заявления отца мужа. Милиция меня спросила,

давала ли я взятку за квартиру, и я рассказала всю правду..." (т. 2 л. д. 26).

Не трудно понять, что ни о какой добровольной явке в органы милиции здесь не может быть речи и сам факт отказа в привлечении Злобиной к уголовной ответственности по мотивам добровольности заявления является лишним свидетельством необъективности следствия.

2. Несостоятельна ссылка и на имевшее место *вымогательство*.

Из указанного Постановления и из Приговора суда можно понять, что вымогательство взятки заключалось в том, что Балакирев, "несмотря на законное обращение Злобиной с просьбой о предоставлении ее семье другой жилплощади, заявил, что жилплощадь ее семье Подмосковным ГХК (Горно-химическим комбинатом) не может быть предоставлена ввиду того, что ни она, ни ее муж на комбинате не работают". И именно поэтому, явствуя далее из приговора, Злобина была вынуждена дать взятку (см. копию Приговора, стр. 2).

Здесь все является неправильным:

а) Прежде всего, необходимо отметить, что Злобина прекрасно знала, что в связи со сносом барака ее семье квартира будет предоставлена, это ей неоднократно разъяснял и Балакирев.

По этому поводу *Злобина* показывала:

"Я знала, что дом снесут и на улице не оставят. Пришло время сносить дом, людям дали новые квартиры и т. д. (т. 1 л. д. 57).

И далее:

"При подаче заявления мне Балакирев сказал, что ваш дом снесут и всем жильцам предоставят площадь" (т. 2 л. д. 24).

И далее:

"Мне Балакирев сказал, что предоставят жилье в благоустроенном доме..." (т. 1 л. д. 8-об.).

б) Решение о том, что квартиры лицам, не работающим на комбинате, будет предоставлять не ГХК, а СМУ № 1 треста "Мособлстрой — 5", т. е. та организация, в которой эти лица работали, в счет 10%, выделяемых строительной

организации, было принято не Балакиревым, а администрацией ГХК по согласованию с руководством треста № 5.

Это обстоятельство подтвердил директор ГХК Андрес, председатель жилищно-бытовой комиссии Марков, Нач. СМУ Смирнов, председатель Завкома СМУ Ильясов и др. (см. их показания на следствии и в суде).

Подтверждается это и имеющимися в деле гарантийными письмами СМУ, адресованными рабочим Бокову и Гусеву (т. 4 л. д. 42, 43) 28/III-68 г.

Такое же письмо было направлено 28/III-68 г. и Злобиной, что подтверждается не только копией этого письма, но и *отметкой в журнале исходящих писем СМУ-1* (т. 2 л. д. 47, т. 2 л. д. 48).

Очевидно, что при таких обстоятельствах действия Балакирева, который объяснял Злобиной, что квартира ей будет предоставлена не ГХК, а трестом № 5, никак нельзя рассматривать, как действия, направленные на вымогательство взятки.

в) Абсолютно неправильно утверждение Приговора о том, что якобы в конце 1967 г. и начале 1968 г. жильцы барака, в котором проживала Злобина, были переселены в благоустроенные квартиры, а семье Злобиных до мая м-ца 1968 г. квартира не предоставлялась (см. копию Приговора, стр. 2).

Из имеющихся в деле документов видно, что жители барака № 10 по ул. Советской пос. Лопатинский рудник (вторая очередь), переселялись в новые квартиры в д. № 7а по ул. Комсомольской не в начале 1968 г., а в период с 16 — 22 апреля 1968 г. (см. документы — т. 5 л. д. 14).

Таким образом, утверждение Злобиной о том, что все жители барака были переселены в новые квартиры, а она в течение *длительного* срока продолжала проживать в бараке и именно поэтому вынуждена была дать взятку, является несостоятельным, т. к. документально подтверждено, что со времени переселения жильцов барака до того дня, когда Злобина стала принимать меры к тому, чтобы передать взятку Балакиреву (в конце апреля), прошло всего 7 — 8 дней.

г) В своих объяснениях на следствии и в суде Злобина неоднократно подтверждала, что она *сама решила* дать взятку Балакиреву для того, чтобы получить квартиру.

Так, в своем объяснении от 24/III-69 г. (написано собственноручно) Злобина отмечала:

“Пришло время сносить дом, людям дали новые квартиры, а мне счастье не улыбнулось, мне везде отказывали. И я решила дать ему взятку, какую сумму я еще не знала” (т. 1 л. д. 57).

Об этом же говорила Злобина и на очной ставке с Балакиревым:

“В руднике ходили разговоры, что Балакирев берет взятки. Я тоже решила дать взятку Балакиреву... Дать взятку решила через зав. магазином Першину и т. д.” (т. 1 л. д. 31-об.).

Об этом же говорила Злобина и на допросе 14/V-69 г. (т. 2 л. д. 24).

Подтвердила это и Першина, которая в суде заявила:

“Злобина мне все время говорила, как получить квартиру. Однажды спросила знаю ли я Балакирева, как бы с ним поговорить... Когда Балакирев ушел из магазина, Злобина сказала, что хочет его отблагодарить”. (т. 5 л. д. 167-об. — 168-об.)

И далее:

“Злобина мне все уши прожужжала, что ей нужна квартира”. (т. 5 л. д. 171-об.).

Следует еще раз подчеркнуть, что все это происходило в конце апреля месяца (см. Приговор, стр. 2), т. е. в то время, когда Злобину ничто не понуждало так поступать.

д) Тот факт, что Злобина являлась инициатором дачи взятки подтверждается и всем ее поведением: Злобина искала встречи с Балакиревым, она упростила Першину организовать эту встречу, пыталась через Першину передать взятку и пр. (см. Приговор).

е) Возвращая дело к доследованию, коллегия Облсуда в своем Определении, в частности указала:

“Если будет установлено, что Злобина находилась в списках для предоставления ей жилплощади 15 марта 1968 г., то следует четко при предъявлении Балакиреву обвинения указать, в чем именно выразались его действия, которые

свидетельствовали о вымогательстве взятки".
(См. Определение, стр. 4)

Смысл этого указания совершенно очевиден: если взятка дана *после того*, как Злобина уже была внесена в списки на предоставление жилья — *то в чем же здесь вымогательство?*

К сожалению, это указание коллегии Облсуда следственными органами выполнено не было. И это не случайно. Из Приговора суда можно понять, что в списках, утвержденных 15/III, Злобина не фигурировала. Однако не вызывает сомнения, что главное состоит не в этом, а в том, что в конце апреля — начале мая 1968 г. вопрос о предоставлении Злобиной жилья был решен, Злобина об этом знала и, таким образом, взятка была ею дана (по ее же показаниям) после выделения жилья, в знак благодарности, что, само по себе, исключает вымогательство.

В том, что это так не составляет труда убедиться.

Из имеющихся в деле документов видно, что еще 7 мая 1968 г. на жилищно-бытовой комиссии Горисполкома вопрос о предоставлении Злобиной квартиры (в которой ранее проживала Мещерякова) был решен — т. 2 л. д. 12-17.

Характерно, что еще в конце апреля Злобина совместно с секретарем жилищно-бытовой комиссии Мушниковой ходила смотреть квартиру Мещеряковой и дала согласие на переселение в эту квартиру.

По этому поводу свид. *Мещерякова* показала в суде:

"Накануне 1 мая, в конце апреля 1968 г., ко мне на квартиру приходила Злобина с Мушниковой. Она сказала, что ей дают мою квартиру, а нас переселяют в новый дом. Когда пришла Злобина смотреть нашу квартиру, тогда мы узнали, что нам дают новую квартиру. Я хорошо помню, что это было перед 1 мая, мы еще готовились к празднику, убирали квартиру". (Протокол суд. засед. т. 5 л. д. 239-об.)

Это же подтвердила и *Мушникова*:

"Я ходила со Злобиной к Мещеряковой. Это было в конце апреля месяца". (Протокол суд. засед. т. 5 л. д. 241).

— Но если все это так, если уже в конце апреля Злобиной предложили квартиру, она ходила ее смотреть, то что понудило ее 14-15 мая давать взятку?

Мало того.

Из объяснений самой Злобиной явствует, что до того, как ею была дана взятка, она уже была включена в список на предоставление квартиры.

По этому поводу Злобина показала:

“Я была дома у Балакирева, он сказал, что если хочешь меня отблагодарить, то это надо делать наедине...”

И далее:

“В этот же день, часов в 6-7 вечера, я встретила Мушникову, которая мне сказала, что я уже в списке на получение жилплощади. Придя домой, я усомнилась, хотя и обрадовалась. На следующий день я пошла к Балакиреву в кабинет, передала деньги...” (т. 2 л. д. 25).

Тот факт, что Злобина была включена в список на получение жилья задолго до дачи взятки, нашел отражение и в *Обвинительном заключении*:

“Балакирев сказал Мушниковой, что у Злобиной есть гарантийное письмо, и она включила Злобину на получение жилья в начале мая 1968 г.” (Обвинительное заключение, стр. 3)

И вновь возникает вопрос: если все это так, если вопрос о предоставлении Злобиной жилья уже был решен, если она уже была внесена в списки на получение квартиры, если 7/V-68 г. списки эти уже были утверждены в Исполкоме — в чем же здесь вымогательство? Что понуждало Злобину 14-15/V-68 г., т. е. после того как вопрос о выделении жилья был уже решен, давать взятку?

Нельзя не обратить внимание на то, что в процессе следствия вымогательство взятки увязывалось с тем, что якобы Балакирев требовал от Злобиной представления гарантийного письма (Обвинительное заключение, стр. 7). В судебном заседании, однако, выяснилось, что вопрос об этом возник уже после передачи взятки (см. показания Злобиной — т. 5 л. д. 148), в связи с чем суд молчаливо отверг это обвинение (см. Приговор).

Все это свидетельствует о том, что никакой речи о вымогательстве здесь не было и не могло быть. А это в свою очередь доказывает, что Злобина *искусственно* была поставлена в этом деле в привилегированное положение свидетеля. Это развязало ей руки, дало возможность безбоязненно оговаривать Балакирева.

В этом так же проявилась необъективность и тенденциозность следствия.

Обоснованное ходатайство защиты о возвращении дела к рассмотрению для привлечения Злобиной к уголовной ответственности суд безмотивно отклонил.

III. О показаниях Злобиной

На эти показания суд сослался как на одно из главных доказательств вины Балакирева. При этом суд не учел следующего:

1) Из показаний Злобиной явствует, что она положила конверт с деньгами на стол Балакирева в тот момент, когда последний находился к ней спиной (открывал форточку). Балакирев, таким образом, судя по показаниям Злобиной, *не видел*, как она положила деньги. Взял ли он их впоследствии, Злобиной так же неизвестно, т. к. она сразу же из кабинета вышла.

“Он подошел к окну, видимо, открыть форточку, — объясняла Злобина. — Я в это время положила на стол, стоящий перпендикулярно его рабочему столу, конверт со 100 рублями и сразу вышла из кабинета”. (т. 2 л. д. 25-25-об.)

Аналогичные показания дала Злобина и на очной ставке с Першиной 30/VI-69 г.:

“Он встал, подошел к окну, стал открывать форточку. Я в это время положила конверт с деньгами к нему на стол и ушла” (т. 2 л. д. 167-об., 168).

Об этом же говорила Злобина и в первом суд. заседании (т. 3 л. д. 28 — 28-об.).

Аналогичные показания дала Злобина в данном судебном заседании:

“Когда я Балакиреву положила деньги на стол, то он стоял спиной ко мне, т. к. открывал форточку,

и мне не известно, взял ли он эти деньги" (т. 5 л. д. 151-об.).

Таким образом, Злобина не уличает Балакирева в получении взятки.

2) Не уличает Злобина Балакирева и в том, что он получил от нее взятку в виде угощения спиртными напитками.

И на следствии, и в суде Балакирев объяснял, что его угостила у себя в кабинете зав. магазином Першина. О том, что спиртное покупала Злобина (которая, кстати, в этом магазине даже не работала) он не знал. Балакирев также показал, что Злобиной он здесь ничего не обещал, что как только она завела разговор о квартире, он ушел (см. показания Балакирева).

Эти показания Балакирева подтвердила Злобина:

"Мы с Першиной решили пригласить Балакирева. Я купила пол-литра коньяку (Злобина нигде не говорит о том, что Балакирев знал, что именно она купила спиртное).

И далее:

"Я заговорила о квартире. Балакирев сказал, что есть жилищно-бытовая комиссия, туда и обращайся, что он ничего сделать не может". (т. 5 л. д. 112).

Нетрудно понять, что расценивать все это, как получение взятки, никак нельзя.

3) Из материалов дела усматривается, что Злобина питала злобу к Балакиреву. По ее представлению, он в свое время был несправедлив к ее матери — предоставил ей вместо двухкомнатной квартиры — однокомнатную. Он был несправедлив и к ней: из 12 семей, проживавших в бараке № 10, все, за исключением Злобиной, были переселены в новые благоустроенные квартиры и лишь семье Злобиных была предоставлена квартира в старом доме.

По этому поводу Злобина показывала:

"Ситников сказал, что Балакирев обещал, что матери даст квартиру" (т. 4 л. д. 129).

И далее:

"После ареста Балакирева мать получила новую квартиру" (т. 5 л. д. 149).

И далее:

“В бараке, где я проживала, проживало еще 12 семей. Первая половина была переселена из барака в декабре 1967 г. ... Эти семьи были переселены в новые квартиры. Оставались я, Долбиков, Горностаевы. В апреле 1968 г. эти семьи были переселены в *новый дом...*” (т. 5 л. д. 136).

Парируя этот довод защиты, суд, основываясь на *головном* заявлении Злобиной, в приговоре записал:

“Как установлено материалами дела, Злобина на квартиру в новом доме не претендовала, а согласилась сразу же на предложенную ей квартиру в старом доме”. (Приговор, стр. 7)

Это утверждение суда опровергается следующими доказательствами:

а) Першина, с которой Злобина все время вела разговоры о жилье, в суде показала:

“Злобина, когда говорила о квартире, то говорила о новом доме” (т. 5 л. д. 171-об.)

б) Тот факт, что все жители барачных (в том числе и не работавшие на ГХК) претендовали на переселение в новые дома подтвердили в суде свид. Смирнов и Ильясов.

Они показали:

Смирнов: (Нач. СМУ — 1):

“Директор ГХК обращался к нам, чтобы мы забрали из этих барачных лиц, не работавших на комбинате. В числе этих лиц были Боков, Гусев, Злобин. Разговор этот происходил неоднократно” (т. 5 л. д. 254).

И далее:

“Бокову и Гусеву комбинат предлагал выселиться в старые квартиры, но они не соглашались, т. к. боялись, что им потом не дадут квартиры в новом доме. И я дал им гарантийные письма”. (т. 5 л. д. 254-об.)

Ильясов (Пред. Постройкома):

“Гарантийные письма выдавал я. Речь шла о предоставлении нового жилья. Бокову и Гусеву

была предоставлена жил. площадь в новом доме". (т. 5 л. д. 214)

в) Тот факт, что Бокову, Гусеву и Злобиной было гарантировано выделение жилплощади в новом доме, подтверждается и текстом гарантийных писем (т. 2 л. д. 47, т. 4 л. д. 42, 43).

г) И на следствии, и в суде Балакирев объяснял, что Злобина отказывалась переезжать в старый дом (и в частности, в квартиру Мещеряковой), согласилась на это лишь после того, как ей гарантировали предоставление квартиры в одной из первых новостроек, в счет 10%, выделяемых тресту (а не в д. № 5, строительство которого затягивалось).

"Для комбината гарантийное письмо имело значение, что при наличии письма она (Злобина) согласна переехать в старую квартиру. В новом доме не хватало квартир, и поэтому организация была вынуждена дать гарантийные письма. При наличии таких писем жильцы переезжали в старые дома". (т. 5 л. д. 52 — 52-об.)

Эти объяснения Балакирева подтверждены показаниями Смирнова, Ильясова, Маркова, имеющимися в деле гарантийными письмами, показаниями Злобиной, которая, зная о предоставлении ей квартиры в старом доме (Мещеряковой), ходила к Ильясову и настаивала на получении другого гарантийного письма о предоставлении ей квартиры в новом доме, "в счет 10% *вводимых домов*" (т. 2 л. д. 46).

После получения этого гарантийного письма Злобина дала согласие на переезд в квартиру Мещеряковой, в связи с чем Балакирев (после согласования вопроса с администрацией и жилищно-бытовой Комиссией — см. показания свид. Андрес и Маркова) дал указание Мушниковой включить ее в списки на переселение (см. показания Балакирева и Мушниковой).

Все изложенное свидетельствует о том, что Злобина претендовала на получение квартиры в новом доме. А это, в свою очередь, говорит о том, что показания Балакирева, что Злобина мстит ему за предоставление квартиры в старом доме, оговаривает его, не только не опровергнуты, а, наоборот, находят подтверждение в материалах дела.

Очевидно, что при таких условиях суду надлежало чрезвычайной осторожно, критически оценивать показания Злобиной. Этого, к сожалению, не произошло.

Нетрудно заметить, что в показаниях Злобиной имеются существенные разногласия по главным вопросам: *когда, из каких денег, за что передала она взятку.*

Так:

а) Первоначально Злобина утверждала, что она дала взятку в конце мая 1968 года.

"Квартира мне была выделена на следующий день после того, как я передала взятку, — показала Злобина — т. 1 л. д. 11.

И далее:

"Я положила ему конверт. На другой день мне была назначена квартира Мещеряковых" (т. 1 л. д. 3).

Если учесть, что ордер на квартиру был получен Злобиной 30 мая 1968 г. (т. 1 л. д. 89), станет понятным, что Злобина вела речь о передаче взятки в конце мая.

Впоследствии, когда выяснилось, что вопрос о выделении ей квартиры был решен на заседании Исполкома 17 мая 1968 г. (т. 2 л. д. 9), Злобина изменила свои показания и стала утверждать о передаче взятки до 17 мая.

б) Первоначально Злобина утверждала, что дала взятку из денег, которые она *лично накопила:*

"Я решила дать ему взятку, — показала Злобина. — И вот я накопила 100 руб., разменяв их у себя в магазине на 10-рублевые купюры, ибо я слышала, что Балакирев не любит мелкие купюры и т. д." (т. 1 л. д. 57).

Об этом же говорила Злобина и в других показаниях (т. 1 л. д. 2, т. 1 л. д. 8 и др.).

Такие показания давал по этому вопросу и муж Злобиной (т. 1 л. д. 13).

Только через 1,5 месяцев после возбуждения дела, 14/V-69 г., Злобина стала показывать что якобы, 50 руб. она одолжила у своей сестры (т. 2 л. д. 24).

Вслед за Злобиной изменил свои показания, естественно, и муж Злобиной (т. 3 л. д. 52-об.), примерно в это же

время появились в деле и показания сестры Злобиной, свид. Крайник (т. 1 л. д. 15).

Никакой критической оценки всему этому суд не дал.

в) Первоначально Злобина утверждала, что *она знала* о том, что ей будет предоставлена квартира в связи со сносом барака (т. 1 л. д. 57, 8, 31 и др.).

А после того, как возник вопрос о том, за что же она в таком случае дала взятку, Злобина, через 1,5 месяца, изменила свои показания и заявила:

“Я *не знала*, что обязательно получу квартиру. Я была уверена, что все это целиком зависит от Балакирева” (т. 2 л. д. 27).

Серьезные противоречия имеются и между показаниями Злобиной и Першиной.

В частности:

а) В первом судебном заседании Злобина утверждала:

“При второй встрече с Балакиревым в магазине он мне сказал, что без кошелька не обойтись. Я об этом сказала Першиной. Она сказала: “Черт с деньгами, а то будешь без квартиры” (т. 3 л. д. 25 — 25-об.).

Этих показаний Злобиной *Першина* не подтвердила:

“Угощали Балакирева в магазине только *один раз* (т. 5 л. д. 170, 171). Злобина не говорила мне, что Балакирев намекает на взятку, разговор о кошельке мне неизвестен”. (т. 5 л. д. 172)

Только после этих показаний Першиной, изменила свои показания *Злобина*:

“Да, я не говорила Першиной о кошельке. Почему в прошлом судебном заседании так говорила, не знаю”. (т. 5 л. д. 174).

б) Злобина утверждает, что якобы Першина после того, как Балакирев не взял денег, заявила ей, что

“он этих денег не взял, т. к. идет в сад и боится их потерять, что возьмет в следующий раз” (т. 5 л. д. 115-об.).

Эти показания Злобиной свид. Першина опровергла:

“Таких слов, что Балакирев не берет деньги, т. к. идет в сад и может их потерять, Балакирев не говорил...” (т. 5 л. д. 172-об.).

И далее:

“Я подала Балакиреву сверток, сказала, что от Злобиной. Балакирев взял в руки сверток, швырнул его и ушел”. (т. 5 л. д. 171, 171-об.)

Тот факт, что Злобина оговаривает Балакирева, подтверждается так же и тем, что на протяжении 8 месяцев Злобина по сговору с Ситниковым, с отдельными работниками милиции вводила в заблуждение следственные органы и суд, *утаивала*, что в момент изъятия денег у Ситникова она передала ему 30 руб.

На протяжении 8 месяцев ничего не говорила Злобина и о том, что якобы Ситников предлагал ей возратить 70 руб. (см. любые показания). Надуманность ее показаний в этой части, появившихся после возвращения дела к доследованию, совершенно очевидна.

При оценке показаний Злобиной нельзя не учитывать и данных, характеризующих ее. Из письма свекра (человека близкого к семье Злобиных) явствует, что Злобина систематически пьянствует, ворует, живет не по средствам и пр. (т. 1 л. д. 5-7).

В том, что Злобина способна оговаривать, суд имел возможность убедиться на примере ее показаний в отношении Прокурора г. Воскресенска Барчукова (т. 5 л. д. 134-об., 154). Характерно, что ни на одном допросе в процессе следствия, при допросе в первом судебном заседании Злобина ничего подобного не говорила. Об этом она “вспомнила” лишь через год после происшедшего.

Все это лишний раз свидетельствует о надуманности показаний Злобиной, о ее стремлении любыми средствами добиться осуждения Балакирева.

Очевидно, что на подобных показаниях Злобиной строить обвинение недопустимо.

IV. О показаниях Ситникова

Эти показания, по мнению суда, так же являются одним из главных доказательств вины Балакирева.

Между тем, еще при возвращении дела к рассмотрению, коллегия Облсуда в своем Определении подчеркнула:

“Имея в виду, что Ситников длительное время работал в подчинении Балакирева, после инвентаризации материальных ценностей у него оказалась недостача в 5,5 тыс. руб., необходимо проверить нет ли здесь какой-либо заинтересованности Ситникова, оказавшегося активным участником в раскрытии преступления” (Определение, стр. 3).

Это указание коллегии Облсуда следственными органами выполнено не было. Суд же ограничился тем, что указал в Приговоре, что якобы “на апрель 1969 г. у Ситникова была выявлена первоначально незначительная недостача спорт. инвентаря” (копия Приговора, стр. 7) и что, таким образом, у Ситникова не было и нет мотивов для оговора Балакирева.

Этот довод суда является несостоятельным.

1) И на следствии, и в суде подс. Балакирев утверждал, что с конца 1968 г. у него испортились отношения с Ситниковым в связи с тем, что он отказывал последнему в списании материальных ценностей. “Еще на 1 ноября 1968 г. (в связи с выявленной у Ситникова недостачей) стоял вопрос о том, принимать ли от Ситникова расписки (вместо спорт. инвентаря), — показал Балакирев. С 1 января 1969 г. стоял вопрос об освобождении Ситникова от работы” (т. 5 л. д. 252).

Эти показания Балакирева подтвердил и Ситников:

“Акты Балакирев не подписывал... Иногда у меня с Балакиревым были стычки”. (т. 3 л. д. 87 — 87-об.).

И далее:

“Недостачу с 4 до 2 тыс. руб. списал с меня Пред. завкома Сафронов уже после ареста Балакирева. Я обращался к Балакиреву по поводу списания ценностей по актам, но он *не списывал*, а почему мне не известно.

И далее:

“Я знал, что меня снимают с работы и на мое место подобран новый работник, Калабушкин. О том, что меня намереваются освободить от работы Балакирев намекнул мне в сентябре-октябре 1968 г.” (т. 5 л. д. 90-91).

Говорил об этом и свид. Певчев:

“Уже в октябре 1968 г. стоял вопрос об освобождении Ситникова, подобрали Калабушкина...” (т. 5 л. д. 248).

Все изложенное свидетельствует о том, что уже в конце 1968 г. у Ситникова была обнаружена недостача, что он неоднократно обращался к Балакиреву по поводу ее списания (в чем последний ему отказывал), что уже в конце 1968 г. было принято решение об увольнении Ситникова.

Очевидно, что при таких условиях Ситников мог быть заинтересован в том, чтобы убрать Балакирева. И как факт: после ареста Балакирева более половины имевшейся у Ситникова недостачи было с него списано.

2) Обращает на себя внимание и следующее.

Еще в конце 1968 г. у Ситникова была выявлена крупная недостача материальных ценностей. При инвентаризации в апреле 1969 г. эта недостача выразилась в сумме около 5 тыс. руб., в связи с чем весь материал был направлен в Воскресенский Горотдел милиции.

Целый год потребовался работникам Горотдела для того, чтобы провести повторную ревизию ценностей у Ситникова, и хотя ревизия была закончена 12/1-70 г. почти 2 месяца указанный материал лежал (и лежит) в Горотделе без движения.

По заявлению сотрудника милиции Пахалюка, около двух месяцев потребовалось для того, чтобы два человека подписали акт ревизии (т. 5 л. д. 244-об.).

Создается впечатление, что кое-кто просто заинтересован в том, чтобы до завершения данного дела держать Ситникова в положении лица, подозреваемого в хищении, что, естественно, не может не сказываться на его показаниях.

— Не этим ли вызвано то, что Ситников так активно выгораживал работника милиции Украинцева, что он шел на поводу отдельных сотрудников Воскресенского Горотдела и по сговору с ними скрывал от следствия и суда правду? Не этим ли объясняется то, что Ситников выступает в данном деле в качестве “активного участника в раскрытии преступления”?

Всего этого не учел суд при оценке показаний Ситникова.

О противоречиях в показаниях Ситникова можно было бы писать очень много, тем более что сам Ситников не отрицает, что нередко на следствии и в суде он лгал:

“Да, я действительно *скрыл* на допросе 30 июня, что 30 руб. были переданы Злобиной”. (т. 5 л. д. 85)

Или:

“Эти показания в суде были даны мной *неправильно*, а почему объяснить не могу”. (т. 5 л. д. 89)

Это же подчеркнула в своем Определении от 17/IX-69 г. и коллегия Облсуда:

“Показания Ситникова должны быть всесторонне, глубоко и тщательно проверены... *Ситников систематически не только на следствии, но и в суде менял свои показания*” (стр. 2)

Таким образом, повторяю, о разноречиях в показаниях Ситникова можно было бы говорить очень много.

Считаю необходимым обратить внимание лишь на *главное*:

а) По заявлению Ситникова Балакирев передал ему 110 руб. купюрами 2 x 25 руб. и 6 x 10 руб., т. е. всего *8 купюр* (см. любые показания). А следственным органам Ситников выдал 110 руб. купюрами в основном по 1 и 3 руб., т. е. всего 52 купюры (т. 1 л. д. 39).

Естественно, встает вопрос: *зачем и для чего Ситников разменял переданные ему деньги?*

В первом судебном заседании Ситников не мог дать внятных объяснений по этому важному вопросу. На это обратила внимание в своем Определении от 17/IX-69 г. и коллегия Облсуда:

“Ситников стал утверждать, что *разменял эти купюры, не объяснив, зачем он это сделал*” (стр. 3).

Этот пробел в показаниях Ситникова в данном судебном заседании восполнен не был.

На вопрос о том, *зачем он разменял деньги*, Ситников ответить так и не смог:

“Злобиной я передал 30 руб. мелкими купюрами. Эти деньги я разменял. Взял, да и разменял их. *Я не могу объяснить, почему разменял их.* Раз-

менял рублей 30 на рубли и трешки. Разменял и все". (т. 5 л. д. 92-об., 93).

Защита не случайно обращает внимание на это обстоятельство, т. к. тот факт, что Ситников передавал 50 руб. матери и 30 руб. Злобиной, по сути, ничем не подтвержден. Зато доподлинно установлено, что и мать Ситникова, и Злобина (по его просьбе) ссудили его деньгами, которые он сдал сотрудникам милиции. Кстати, по роду своей работы (продавец овощного магазина) Злобина могла располагать мелкой купюрой денег.

б) На протяжении многих месяцев Ситников *скрывал* от следствия и суда, что 80 руб. (из изъятых у него 110 руб.) были переданы ему его матерью и Злобиной.

По этому поводу Ситников давал очень путанные, ложные показания.

в) На допросе 9 апреля и 14 мая 1969 г. (т. 1 л. д. 21, т. 2 л. д. 22) Ситников утверждал, что Балакирев передал ему деньги, 40 руб., 2 апреля *вечером*.

Впоследствии, когда Злобина показала, что *днем* 2 апреля Ситников уже предлагал ей деньги, последний стал утверждать, что Балакирев дал ему 40 руб. *вечером* 1 апреля 1969 г.

г) Ситников первоначально утверждал, что якобы Балакирев *позвонил* к нему на работу, попросил его зайти в библиотеку, где передал ему 40 руб. (т. 1 л. д. 21).

Впоследствии Ситников изменил эти показания и объяснил:

"Показания 9 апреля частично неправильные. Балакирев мне *не звонил* и не приглашал..." (т. 5 л. д. 80).

д) В первом судебном заседании Ситников показал:

"В тот день, когда Балакирев мне дал 40 руб., в библиотеку я зашел случайно". (т. 3 л. д. 89-об.).

Об этом же говорил *Ситников* и на следствии:

"Я зашел в библиотеку случайно, *обменять* книгу. Жена Балакирева сидела в кабинете, я зашел к ней, чтобы попросить книгу получше". (т. 2 л. д. 115-об.).

А после того как выяснилось, что в первых числах апреля 1969 г. Ситников в библиотеке книг не менял (см.

Протокол осмотра абонеента Ситникова — т. 4 л. д. 99), Ситников сразу изменил свои показания и стал утверждать:

“Я говорил, что заходил в библиотеку, чтобы поменять книгу, но ее не поменял. Я вообще зашел без книги (?!)”. (т. 5 л. д. 82)

е) Если верить Ситникову, Балакирев еще 3 апреля передал ему 70 руб.

— Что мешало Ситникову передать эти деньги Злобиной, почему он держал их у себя до 9 апреля?

На эти вопросы Ситников вразумительного ответа дать не мог. И только в последнем судебном заседании он придумал (иначе это назвать нельзя), что с 3 до 9 апреля не выходил из дому, т. к. подвернул ногу. Эти голословные показания Ситникова абсолютно ничем не подтверждены.

ж) Ничего вразумительного не мог сказать Ситников и о том, почему он 9 апреля передал Злобиной лишь 30 руб., в то время как у него было в наличии 60 руб. Его заявление о том, что он забыл, что Альмашев вечером 8 апреля возвратил ему долг, является малоубедительным.

Полагаю, что на подобных путанных показаниях Ситникова строить обвинение недопустимо.

1. При оценке показаний Ситникова нельзя не учесть его личности.

“Ситников не в меру пьет, — показал в суде свид. Андрес. — Я говорил о том, что его нельзя держать на работе. Мне известно, что Балакирев беседовал с Ситниковым, что нельзя так опускаться”. (т. 5 л. д. 101-об., 102)

Это же подтвердила и жена Ситникова:

“Муж мой злоупотреблял спиртными напитками”. (т. 5 л. д. 178-об.).

2. В конце 1968 г. уже был решен вопрос об увольнении Ситникова, на его место был подобран другой человек. Об этом Балакирев предупредил Ситникова.

Логика подсказывает, что накануне увольнения, Балакирев вряд ли обратился бы к Ситникову за помощью, вряд ли посвящал бы его в свои секреты.

3. И на следствии, и в двух судебных заседаниях Балакирев, категорически отрицая факт передачи Ситникову денег для передачи Злобиной, показывал, что в первых числах апреля давал ему *взаимы* 40 руб.

Эти показания Балакирева подтвердила на следствии и в двух судебных заседаниях свид. Зеленова.

Отвергая ее показания, суд в *Приговоре* записал:

"Что касается показания свид. Зеленовой, вызванной в суд. заседание по ходатайству адвоката и подсудимого, то эти показания судебная коллегия находит недостоверными". (Копия Приговора, стр. 8-9)

С этим утверждением суда согласиться нельзя.

а) Вопрос о том, что Балакирев давал Ситникову *взаимы* 40 руб. и что при этом присутствовала Зеленова, возник впервые не в суде, а на следствии, во время допроса Балакирева 15 июля 1969 г. На этом допросе *Балакирев* показал:

"Я давал Ситникову в долг 40 руб. Мне кажется, что еще при этом кто-то присутствовал, кажется, два человека. Один из них еще сказал: "Он вам деньги не вернет". (т. 2 л. д. 190-об.)

В первом судебном заседании Балакирев уточнил, что при даче Ситникову в долг денег, присутствовала Зеленова, которую и попросил допросить в качестве свидетеля.

Свид. Зеленова полностью подтвердила показания Балакирева, уточнила, что именно она говорила Балакиреву, что

"он вам денег не вернет". (т. 3 л. д. 168-об.)

И в судебном заседании, и при допросе на следствии *Зеленова* утверждала:

"Балакирев потребовал от меня списки детей, которые должны посещать детский комбинат. Я этим занималась 1-2 апреля 1969 г. в кабинете Балакирева. В это время зашел Ситников и т. д.". (т. 4 л. д. 55, т. 3 л. д. 167)

Эти показания Зеленовой подтверждены справкой, приобщенной к делу следственными органами, из которой усматривается, что, действительно, 2 апреля 1969 г. на

заседании Профкома утверждались списки, о которых говорила Зеленова (т. 4 л. д. 57).

Обозрев указанную справку, Зеленова в суде заявила:

“Да, в т. 4 л. д. 57 идет речь о тех списках, которые я подытоживала в первых числах апреля. Это было 1 или 2 апреля 1969 г.”. (т. 5 л. д. 199-об.)

— Как же можно после всего этого не доверять показаниям Зеленовой?

— Допустимо ли отвергать эти показания на том лишь основании, что свидетель этот был вызван в суд по ходатайству подсудимого?

— На каком, наконец, основании суд утверждает в Приговоре, что “алиби (!) Балакирева о том, что он дал Ситникову 40 руб. в долг, а не для передачи Злобиной, судебная коллегия рассматривает как его попытку уйти от ответственности за содеянное” (Приговор, стр. 8)?

V. О других доказательствах

Неосновательна ссылка суда и на другие доказательства, якобы подтверждающие вину Балакирева.

1. О показаниях Злобина Георгия.

Свидетель этот ничего не знает и не показывал о передаче взятки Балакиреву. Из его письма явствует, что Злобина Зоя выживала его и старуху из дома и что при этом она ссылалась на то, что квартира принадлежит лично ей, что она ее купила за 100 руб. (т. 1 л. д. 5).

Не трудно понять, что в подобном заявлении, использованном для того, чтобы выжить стариков из квартиры, могло не быть и крупицы правды.

2. О показаниях Злобина Сергея и Крайник.

Эти — люди близкие Злобиной (муж и родная сестра). Ничего конкретного о передаче денег Балакиреву они не знают. В своих показаниях они во всем поддерживают Злобину. Показания свид. Крайник впервые появились спустя месяц после возбуждения дела.

3. О показаниях свид. Першиной.

Она не только не уличает Балакирева, а, наоборот, подтверждает, что Злобина буквально навязывала Балакиреву взятку, а он ее упорно отказывался брать.

4. О показаниях свид. Исьянова

Свидетель этот не только не уличает Балакирева, а, наоборот, подтверждает его показания о том, что Злобина не желала переезжать в старый дом и требовала гарантии (повторной) о предоставлении квартиры в новом доме.

Утверждение суда о том, что якобы Исьянов подтвердил, что "текст гарантийного письма ему продиктовала сама Злобина" (Приговор, стр. 6) не соответствует действительности.

Исьянов в суде показал:

"Текст писем составлял я сам" (т. 5 л. д. 214—об.).

И далее:

"Выдача гарантийных писем была согласована с нач. СМУ. Я понял, что это согласовано и с Управляющим трестом" (Там же).

5. О показаниях свид. Смирнова.

Утверждение суда о том, что свид. Смирнов подтвердил, что выдавать гарантийное письмо Злобину он не мог, т. к. Злобин в СМУ-1 не работает (Приговор, стр. 6), не соответствует действительности.

Свид. Смирнов в суде показал:

"Директор ГХК обратился к нам, чтобы мы из этих барачков забрали лиц, не работающих на комбинате. В числе этих лиц были Боков, Гусев, Злобин... Разговор этот происходил неоднократно". (т. 5 л. д. 254)

И далее:

"Письмо Злобину на л. д. 47 я подписывал..." (там же, л. д. 255-об.)

И далее:

"С директором ГХК шел разговор о трех семьях: Гусева, Бокова, Злобина" (там же, л. д. 256-об.)

6. О показаниях свид. Мушниковой.

Она не только не уличает Балакирева, а наоборот подтверждает, что уже в конце апреля вопрос о переселении Злобиной в квартиру Мещеряковой был решен, что Балакирев дал указание в начале мая 1968 года включить Злобину

в список, после того как последняя, получив гарантийное письмо, согласилась на переезд в старый дом.

7. Об отсутствии в протоколах заседания Профкома и жилищно-бытовой комиссии записей о выделении квартиры Злобиной.

Ссылка суда на данное обстоятельство, как на одно из доказательств, изобличающих Балакирева, несостоятельна.

Вопрос о законности выделения жилья Злобиной тщательно проверялся, и было установлено, что квартиру она получила на законном основании. Именно поэтому Балакирев и не обвиняется в том, что он выделил Злобиной квартиру незаконно (см. Обвинительное заключение).

Решение о выделении Злобиной квартиры было согласовано с директором комбината и жилищно-бытовой комиссией (см. показания в суде и следствии свид. Андрес и Маркова).

В протоколах ЖБК и Профкома нет записей не только о выделении квартиры Злобиной, но и всем другим лицам, фигурирующим в списке, утвержденном Горисполкомом (т. 2 л. д. 11).

Следуя логике суда, можно было бы поставить под сомнение законность выделения квартир не только Злобиной, но и всем лицам (9 семей), перечисленным в указанном списке. Однако, повторяем, законность выделения жилья всем указанным лицам проверялась и не вызывает никакого сомнения.

Отсутствие записей в протоколах объясняется не злоупотреблением Балакирева, а небрежностью ведения протокола, тем, что зачастую в нем не перечислялись фамилии всех тех, кому выделялось жилье, а делались ссылки на утверждение целого списка лиц, которым выделены квартиры (см. показания под Балакирева и свид. Маркова — т. 5 л. д. 218-об., 221).

8. О показаниях работников милиции Пахалюка, Украинцева и Чаплева.

Ссылка на показания указанных свидетелей вряд ли доказывает прочность обвинения. На протяжении всего следствия и в суде они давали путанные показания, они причастны к составлению ряда подложных документов, длительное время скрывали от следствия и суда правду.

На следствии свид. Пахалюк дошел до того, что лично допросил Чаплеева по вопросу о том, как они с ним сидели в засаде, что слышали, и при этом внес в протокол допроса то, чего Чаплеев не говорил (см. т. 1 л. д. 108 и Определение коллегии Облсуда от 17/IX-69 г.).

Таким образом все перечисленные доказательства не подтверждают вины Балакирева.

Полагаю, что с учетом всего изложенного у суда не было оснований для вынесения Балакиреву обвинительного приговора.

VI. О личности осужденного

Балакирев В. Д. вышел из простой рабочей семьи.

До призыва в армию работал учителем. С 1938 по 1947 г. служил в Советской армии. Участник Великой Отечественной войны, на фронте был контужен и ранен. За боевые заслуги награжден орденом "Отечественной войны" II ст., орденом "Красной Звезды", медалью "За отвагу" и другими боевыми медалями (см. Приговор).

По окончании войны Балакирев, будучи офицером, продолжал служить в армии, в Берлине, работая по заданию Политуправления группы советских оккупационных войск при ЦК Компартии Германии (см. документы — представлялись суду для обозрения).

За время службы в армии Балакирев показал себя не только как мужественный воин, но и как исключительно дисциплинированный, выдержанный, энергичный командир, пользовавшийся большим авторитетом среди личного состава (см. характеристики — в деле).

После демобилизации из армии, с 1947 по 1948 год, работал инструктором Воскресенского Горкома партии, а с 1948 г. по день ареста, свыше 22 лет — Балакирев работал на Воскресенском Горнохимическом комбинате в качестве зам. нач. цеха, нач. цеха ядохимикатов, избирался председателем Рудничного комитета, членом партбюро, являлся депутатом Городского и Поселкового Совета.

За добросовестный труд на производстве неоднократно поощрялся, награжден медалью "За трудовое отличие", значком "Отличник химической промышленности".

По свидетельству всех, кто знал Балакирева в течение многих лет жизни, он — человек чуткий, отзывчивый, спиртными напитками не злоупотреблял (см. показания свид. Андрес, Бояринова и др. — т. 5 л. д. 103, 107-об. и др.). В прошлом не судим.

На иждивении Балакирева находится несовершеннолетний сын.

— * —

В силу изложенного и учитывая, что обвинительный Приговор основан на материалах, нуждающихся в тщательной дополнительной проверке, исходя из того, что следственными органами при доследовании не были выполнены указания Определения коллегии Мособлсуда, Прошу указанный Приговор отменить и дело по обвинению Балакирева В. Д. возвратить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Адвокат
23 мая 1970 г.
г. Москва

Мове А. Л.

***

После того, как кассационная инстанция оставила судебный приговор без изменения, я обратился с жалобой в порядке надзора в Прокуратуру РСФСР.

В дополнение к этой жалобе я решил использовать не совсем традиционный прием — направить заявление в наградной отдел Президиума Верховного Совета СССР.

Из досье адвоката

**В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
(Наградной отдел)**

Адвоката Мове А. Л.
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Мособлюрконсультация)

Защитника Балакирева Василия
Даниловича

Приговором коллегии Московского областного суда от 27 марта 1970 г. Балакирев В. Д. признан виновным и осужден по ст. 173 ч. II УК РСФСР. Этим же приговором суд постановил возбудить ходатайство перед Президиумом

Верховного Совета СССР о лишении Балакирева правительственных наград.

В этой связи считаю необходимым обратить внимание Президиума Верховного Совета СССР на следующее:

1. По приговору суда Балакирев признан виновным в том, что он, работая председателем профсоюзного комитета Подмосковского горнохимического комбината, 14-15 мая 1968 г. получил от гр. Злобиной взятку в сумме 100 руб. за предоставление ее семье квартиры.

За это преступление суд приговорил Балакирева к 8 годам лишения свободы с конфискацией имущества и дополнительно поставил вопрос о лишении Балакирева боевых орденов и медалей.

На всем протяжении следствия и в суде Балакирев свою вину категорически отрицал, и, с точки зрения защиты, судебный приговор построен на весьма сомнительных доказательствах. О том, что это так свидетельствует тот факт, что первоначально, в связи с возникшими сомнениями в виновности подсудимого, дело Балакирева Определением коллегии Мособлсуда от 17 сентября 1969 г. было возвращено на дополнительное расследование. Это подтверждается и тем, что при слушании дела в кассационной инстанции Верховного суда РСФСР докладчик, член Верхсуда Федерации, остался при *Особом мнении*, полагая, что приговор суда следует отменить и дело обратиться к доследованию.

Именно поэтому, в связи с наличием самых серьезных сомнений в виновности Балакирева, защитой в настоящее время возбуждается вопрос перед высшими судебными-прокурорскими инстанциями о пересмотре этого дела в порядке надзора.

2. Балакирев В. Д. вышел из простой рабочей семьи.

До призыва в армию работал учителем. С 1938 года по 1947 год служил в Советской армии. Участник Великой Отечественной войны, на фронте был контужен и ранен. За боевые заслуги награжден орденом "Отечественной войны" II степени, орденом "Красной Звезды", медалью "За отвагу" и другими боевыми медалями (см. Приговор).

По окончании войны Балакирев, будучи офицером, продолжал служить в армии, в Берлине, работая по заданию политуправления группы советских оккупационных войск

при ЦК Компартии Германии (документы представлялись суду для обозрения).

За время службы в армии Балакирев показал себя не только как мужественный воин, но и как исключительно дисциплинированный, выдержанный, энергичный командир, пользовавшийся большим авторитетом среди личного состава (характеристики — в деле).

После демобилизации из армии, с 1947 по 1948 год, работал инструктором Воскресенского Горкома партии, а с 1948 г. по день ареста, свыше 22 лет — на Воскресенском Горнохимической комбинате в качестве зам. нач. цеха, нач. цеха ядохимикатов, избирался Председателем Рудничного комитета, членом партбюро, являлся депутатом Городского и поселкового Совета.

За добросовестный труд на производстве неоднократно поощрялся, награжден медалью "За трудовое отличие", значком "Отличник химической промышленности".

Все изложенное прошу Президиум Верховного Совета СССР принять во внимание при разрешении ходатайства суда о лишении Балакирева орденов и медалей.

Адвокат
23 мая 1970 г.

(Мосе А.)

...

Это заявление в Президиум Верховного Совета СССР, перед которым суд поставил вопрос о лишении Балакирева (за взятку в 100 р.) многочисленных боевых орденов — сыграло впоследствии не последнюю роль в объективном разрешении дела и реабилитации Балакирева.

Справка

Кассационная инстанция, как указывалось, оставила приговор суда без изменения.

Однако 14 апреля 1971 г. Президиум Верховного Суда РСФСР по протесту Зам. прокурора РСФСР т. Чернышова, принесенному в связи с жалобой адвоката, приговор отменил и дело направил на дополнительное расследование. Длилось оно 10 месяцев, и только 14 февраля 1972 г. Прокуратурой Московской области дело было производством прекращено и Балакирев полностью реабилитирован..

В. Д. Балакирев безвинно находился под стражей около 3 лет.

Дело М. К. Агрба: покушение на изнасилование, повлекшее самоубийство

Описывать фабулу дела считаю излишним, ибо она в достаточной степени освещена в жалобе. Скажу лишь, что при всех условиях (по вине ли Агрба или без его вины), случилась страшная трагедия, которая на всех нас, участников процесса, произвела жуткое впечатление и потребовала крайнего напряжения всех наших нервных и психических сил.

Впрочем, судите сами.

Из досье адвоката

**В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР**

Адвоката МОВЕ А. Л.,
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8,
Мособлюрконсультация

По делу

АГРБА МУШНИ КУКУНОВИЧА,
осужд. приговором коллегии облсуда
Карачаево-Черкесской автономной
области Ставропольского края
от 20/VI-74 г.

по ст. 15-117 ч. III УК на 15 лет
лишения свободы

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

В момент, предшествовавший случившемуся, в квартире гр. Махова находилось четверо: Рыкалова Зоя, Агрба Мушни, Балиев Эдуард и Татьяна Олейникова.

Рыкалова З. погибла.

Что касается остальных троих, то не трудно убедиться, что они никогда и нигде не говорили того, что значитися в Обвинительном заключении и Приговоре суда. А именно, что:

"...Агрба с целью изнасилования напал на Рыкалову Зою и, преодолевая ее сопротивление, поднял подол ее платья, расстегнул на ней женский пояс и пытался снять с нее трусы.

Оказавшись в безвыходном положении и не желая быть изнасилованной, Рыкалова, доведенная до отчаяния, решила покончить жизнь самоубийством. Она вырвалась от подсудимого и через окно кухни выбросилась с восьмого этажа..." (Приговор, стр. 3, Обвинительное заключение стр. 3)

Мало того. Двое из них, Агрба и Балиев, и на следствии, и в суде утверждали, что в момент случившегося Агрба не находился с Рыкаловой, что в это время он был не на кухне, а в комнате, вместе с Балиевым и Олейниковой.

"Мы были все в комнате, — объяснял на следствии и в суде Балиев, — и Зое стало плохо. Миша (Агрба) посадил Зою на кровать и помог снять туфли. Зоя сидела и смотрела в одну точку. Ей снова стало плохо, она начала рвать.

Миша снова повел Зою на кухню и через некоторое время пришел к нам."

И далее:

"Таня спросила как самочувствие Зои. Миша сказал, что сейчас придет... И в это время мы услышали звук или шум, как будто открывали или закрывали окно, и Миша побежал на кухню и сразу начал кричать: "Все, она сбросилась и т. д." (т. 1 л. д. 199, 221; т. 2 л. д. 253, Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 91-92-об.).

К этому же сводились и показания Агрба на следствии (т. 1 л. д. 41, 46, т. 2 л. д. 182 и др.)

И хотя свид. Олейникова, которая на всем протяжении следствия и в суде давала весьма путанные и противоречивые показания, по вполне понятным соображениям (на ранней стадии расследования она сама была привлечена к

уголовной ответственности по обвинению в убийстве Рыкаловой и заключена под стражу — т. 1 л. д. 139, 155) не подтвердила указанных показания Агрба и Балиева, однако и она пояснила, что Миша (Агрба) накануне случившегося находился с погибшей *считанные минуты*:

"Миша вернулся на кухню и *через минуту* как закричит, и т. д., — показала Олейникова на следствии — т. 2 л. д. 47.

И далее:

"Эдик (Балиев) разговаривал с Мишей в комнате. Зоя осталась на кухне. Потом Миша пошел на кухню и сразу же закричал: "Все и т. д." — т. 2 л. д. 172, 182).

И далее:

"Он закричал через 3-5 минут" (т. 2 л. д. 253).

Об этом же говорила Олейникова и в суде:

"Миша пошел за ней на кухню и тут же закричал". (Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 81)

И далее:

"Миша вышел за ней на кухню и там находился 1, 2, 3, 4, но не более 5-ти минут, и крикнул...

За это время, что он был на кухне, мы *никакого шума и крика не слышали*" (Там же, л. д. 86).

Ничего не сказала о покушении на изнасилование и проведенная по делу *судебно-медицинская экспертиза*. Наоборот, из заключения суд. мед. эксперта усматривается, что *каких-либо повреждений в области половых органов потерпевшей не обнаружено*, признаков, указывающих на половое сношение, не имеется (т. 1 л. д. 24, т. 2 л. д. 141, т. 3 л. д. 48). Естественно, возникает вопрос:

— *Если ни один из свидетелей ни на следствии, ни в суде не уличал Агрба в покушении на изнасилование Рыкаловой, если не говорит об этом и суд. мед. экспертиза, на чем строится подобное обвинение?*

— *Чем доказано и подтверждено, что Агрба напал на Рыкалову, поднял подол ее платья, пытался снять трусы, что Рыкалова вырвалась от него и выбросилась из окна?*

Не составляет большого труда убедиться в том, что подобное обвинение целиком и полностью построено не на бесспорных доказательствах, а на абсолютно произвольных предположениях и умозаключениях.

Так:

I. Из протокола осмотра места происшествия и трупа Рыкаловой усматривается, что "платье погибшей было завернуто кверху и пояс для держания чулок расстегнут" (л. 1-12 т. 1).

На этом основании и с учетом заключения химико-биологической экспертизы и результатов следственного эксперимента, суд в приговоре сделал вывод:

"Все эти факты говорят о том, что потерпевшая Рыкалова выбросилась из окна в таком виде, что ее платье было поднято кверху, а пояс был расстегнут" (Копия приговора, стр. 5)

Между тем:

1. Утром 18/Х-73 г., т. е. практически сразу же после случившегося, следователем совместно с экспертом был произведен осмотр квартиры гр. Махова и, в частности, окна кухни.

"Поверхность рамы окна, — значит в протоколе осмотра, — осматривалась с помощью 7-ми кратной лупы. Каких-либо ворсинок, капель веществ не обнаружено". (т. 1 л. д. 18-18-об.)

Это же подтвердила допрошенная на следствии эксперт МВД т. Суворова (т. 2 л. д. 108-об.).

Только через 4,5 месяца, 5-го марта 1974 г., следователем был произведен повторный осмотр окна кухни и изъяты с рамы волокна ткани (т. 2 л. д. 74).

Если учесть, что все это время в квартире проживал ее владелец, который, как он заявил, сразу же после того, как ему возвратили ключи, сделал в квартире уборку (не исключено, что окна мылись тряпкой), — см. показания свид. Махова, т. 2 л. д. 10 — станет понятным, что вести речь о происхождении изъятых волокон с трусов потерпевшей никак нельзя.

Тем более, что по заключению химико-биологической экспертизы, той самой, на которую ссылается суд в приговоре:

"Решить вопрос в категорической форме о принадлежности ткани, обнаруженной на раме окна кухни квартиры № 42, к ткани трусов Рыкаловой не представляется возможным..." (см. Заключение экспертизы — т. 2 л. д. 161-об.)

2. При оценке результатов проведенного в процессе следствия эксперимента следственные органы и суд не учли следующего:

а) Из протокола следственного эксперимента усматривается, что при сбрасывании из окна чучела *платье на нем поднялось вверх гармошкой*. В этом же протоколе помечено, что эксперимент был *сфотографирован* (т. 2 л. д. 185-186).

Однако указанные в протоколе эксперимента *фото-снимки к делу не приложены* и, таким образом, судить о его результатах и, в частности, о том как поднялось на чучеле платье, и насколько соответствует это положению платья на трупе, не представляется возможным.

б) Эксперимент с сбрасыванием чучела — брезентового манекена — вряд ли может быть признан научно обоснованным, поскольку указанный манекен лишен присущей человеку подвижности.

В этом отношении нельзя не согласиться с показаниями в суде эксперта т. *Суворовой*:

"Спасаясь, человек делает движения, и таким образом добиться, чтобы чучело упало туда же и в таком же положении очень трудно". (т. 3 л. д. 123)

Очевидно, что и по этим соображениям, результаты подобного эксперимента, не подтвержденные никакими другими доказательствами, не могут быть признаны абсолютно достоверными.

Нельзя при этом не учитывать и того, что в отличие от брезентового чучела, на которое при эксперименте было надето платье, на потерпевшей под платьем имелась *эластичная нейлоновая комбинация, улучшающая скольжение платья* (т. 2 л. д. 33).

в) Из материалов дела усматривается, что вечером 17/IX потерпевшая пила водку и шампанское (показания Салан, Агрба, Балиева, Олейниковой — т. 2 л. д. 177, 178, 230 и др.), ей было очень плохо, ее рвало.

Не исключено, что в подобном состоянии, с целью облегчить дыхание, она могла несколько ослабить пояс, частично расстегнуть его.

Окончательно же он мог расстегнуться (при таком положении) при падении и ударе о козырек подъезда.

г) Нельзя не обратить внимание и на следующее.

Из показаний подруги погибшей, свид. Салан, явствует, что якобы, еще до того, как она с Батербиевым ушла из квартиры № 42, Агрба, как ей призналась Рыкалова, расстегивал у нее пояс.

— Застегнула ли после этого как следует Рыкалова пояс?

— Не остались ли незастегнутыми некоторые застёжки?

Никаких сведений об этом в материалах дела нет, хотя очевидно, что и в этом случае вероятность полного расстегивания пояса при падении намного увеличивается.

Все это, конечно, предположения, версии, но они имеют под собой определенную почву, и не считаются с ними нельзя.

д) Наконец, еще одно соображение.

Из протокола осмотра кухни усматривается, что расстояние от пола до подоконника равно 84 см. (т. 1 л. д. 18)

Каким образом могла потерпевшая взобраться на подоконник с поднятым кверху платьем (если она его, разумеется, не придерживала руками), понять из приговора невозможно.

Все это лишний раз свидетельствует о надуманности выводов суда и, в частности, вывода о том, что "потерпевшая выбросилась из окна в таком виде, что ее платье было поднято кверху..."

Так обстоит дело с основным, главным доказательством вины Агрба в том, что он напал на потерпевшую с целью изнасилования, поднял подол ее платья, расстегнул на ней пояс и т. д.

Не трудно понять, что, по сути, этот, главный вывод суда, абсолютно ни на чем не основан.

II. В качестве одной из улик обвинения суд ссылается в Приговоре на поведение Агрба, который в течение всего

вечера якобы домогался совершения с Рыкаловой полового акта, а затем, после того как последняя ему в этом отказала, закрыл дверь на ключ и отказывался выпустить девушек из квартиры.

Хотя подобное поведение Агрба, само по себе, не может являться бесспорным доказательством того, что впоследствии он пытался изнасиловать потерпевшую, считая, тем не менее необходимым остановиться на этом.

1. Утверждение о том, что Агрба домогался близости с потерпевшей, построено на показаниях *единственного* свидетеля — подруги погибшей — Салан Т., которой якобы об этом рассказала Рыкалова.

При оценке показаний Салан нельзя не учитывать следующего:

а) Салан — приятельница потерпевшей, заинтересованная в исходе дела.

б) На следствии и в суде, стремясь обелить подругу, Салан давала *неправдивые* показания, что она сама вынуждена была признать. В частности, поначалу Салан утверждала, что и она, и Рыкалова *водку не пили*.

Впоследствии, однако, Салан вынуждена была *признать*:

"Зоя пила водку вместе с ребятами, и шампанское. Ранее в своих показаниях я скрывала, что Зоя пила водку, т. к. она была моей подругой, а когда девушка пьет водку, это говорит о ее безнравственности. (т. 2 л. д. 178)

И далее:

"Я стеснялась и боялась признаться, что мы с Зоей тоже пили водку. (т. 2 л. д. 230)

Ничего не говорила в своих первоначальных показаниях Салан и о том, что Агрба пытался расстегнуть пояс потерпевшей, снять трусы и пр.

В это время она утверждала:

"В процессе вечера мы периодически вставали, танцевали. Отношения с мужчинами были нормальные, и никто не приставал."

И далее:

“Примерно в 22 ч. Миша с Зоей ушли на кухню... Потом мы с Зоей вышли на балкон, и она мне сказала, что Миша к ней приставал. *Как приставал — она не рассказывала.* (т. 1 л. д. 35-35-об.)

Ничего не говорила об этом Салан и на других допросах. (т. 1 л. д. 86, 173 и др.)

И только через 8-мь месяцев после случившегося, в мае 1974 г., Салан впервые дала показания о том, что якобы Зоя ей жаловалась, что Агрба расстегивал у нее резинки на поясе — там, где пристегиваются чулки. (т. 2 л. д. 230-об.)

Очевидно, что на подобных путанных показаниях Салан строить обвинение нельзя.

в) Из имеющейся в деле характеристики Салан явствует, что она “твердых жизненных убеждений не имеет, *требует большой индивидуальной педагогической работы*” (т. 2 л. д. 239).

2. Из материалов дела усматривается, что Рыкалова пришла на свидание с Агрба потому, что *он ей нравился* (см. показания Салан — т. 1 л. д. 34, 86, 173-об. и др., показания свид. Токаревой — т. 1 л. д. 102-об.).

По свидетельству очевидцев, Зоя в этот вечер пила водку и шампанское, во время танцев вела себя довольно развязно.

“Зоя целовала Мишу, — показала Салан на очной ставке с Агрба, — а Миша целовал ее”. (т. 2 л. д. 178)

Об этом же рассказывала Салан и в суде:

“Когда Зоя с Агрба танцевали, они обнимались, целовались.

Зоя его от себя не отталкивала, между ними было все хорошо.

Агрба не вынуждал Зою делать это. Она это делала потому, что Агрба нравился Зое” (Протокол суд.засед., т. 3 л. д. 71-об.-72)

Аналогичные показания дал по этому вопросу и свид. Батербиев Мусса:

“Я видел, как во время танцев Зоя и Миша целовались. Это было постоянно” (т. 2 л. д. 169-об.).

И далее:

“Рыкалова и Агрба во время танцев при всех обнимались и целовались” (Протокол суд.заседания, т. 3 л. д. 105)

Хотя, как показала Салан, Агрба на кухне склонял Рыкалову к половому акту, однако на настроении Зои, на ее поведении и отношении к Агрба это не сказалось.

В частности, сама Салан вынуждена была еще на следствии признать:

“Когда у Зои упало настроение на кухне, то Зоя тоже при всех целовала Мишу, но я считала, что это вынуждено(?!)” (т. 2 л. д. 178)

И далее:

“Мы были на балконе, когда пришел Миша, пригласил нас в комнату.

Мы еще танцевали, Зоя танцевала с Агрба, а потом они снова ушли на кухню” (т. 2 л. д. 231-об.)

Об этом же говорил и свид. Батербиев:

“У Зои настроение было веселое, за исключением того, когда ей было плохо. Зоя и Миша один-два раза выходили на кухню минут на десять.

Настроение у Зои было прежнее, я видел как во время танцев они целовались...” (т. 2 л. д. 169-об.)

И далее:

“Я думал, что Агрба с Рыкаловой в хороших отношениях и Рыкалова сама хочет у него остаться, и поэтому пошел домой, взяв Салан” (Протокол суд.засед., — т. 3 л. д. 105).

И далее:

“До прихода Олейниковой и Балиева Рыкалова не обращалась ко мне с просьбой помочь им уйти, наоборот они целовались и обнимались. У меня абсолютно не создается никакого впечатления, что Агрба пытается изнасиловать Рыкалову” (там же, л. д. 107).

К этому же сводились и показания свид. Олейниковой и Балиева, которые пришли в квартиру № 42 уже после

того, как Рыкалова была на кухне с Агрба (см. показания Салан — т. 1 л. д. 35-об. и др.).

После их прихода, как известно, вся компания (в том числе и Зоя) распила две бутылки шампанского.

“Мусса (Батербиев), — показал Балиев, — танцевал с рыжей, у которой золотые зубы (Салан). Миша танцевал шейк.

Рыкалова громко разговаривала с Таней, говорила, что любит Баку, что у нее там есть любимый парень.

Миша приблизился к ней и сказал: “А меня любишь?” И они начали при нас целоваться страстно... Потом ей стало плохо” (т. 1 л. д. 199, 223, Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 90-90- об.).

Об этом же написала в своем объяснении Прокурору области и Олейникова:

“У всех было очень хорошее настроение, девочки ставили пластинки.

Зоя рассказывала анекдоты, сидя с Мишей в обнимку на диване.”

И далее:

“Мы принесли шампанское, все выпили. Потом сидели, рассказывали анекдоты, Зоя рассказывала о Баку...” (т. 1 л. д. 145-об., 147).

Аналогичные показания дала Олейникова и на допросе у следователя:

“Когда мы пришли, то прошли на кухню. Там Зоя говорила, что ей надо уйти, т. к. у нее свидание с армянином. Зоя не говорила, что Агрба домогается вступить в половую связь... Зоя с Мишей целовались, когда сидели на диване... Изменений в настроении Зои я не заметила” (т. 2 л. д. 171-171- об.).

И далее:

“Мы выпили две бутылки шампанского. Потом еще немного потанцевали.”

К этому же сводились показания Олейниковой в суде:

“После того, как Рыкалова и Салан сказали мне, что хотят домой, *они еще танцевали, обнимались, целовались, и обстановки такой, чтоб выхода, кроме как выброситься из окна, не было*”. (Протокол суд. засед., т. 3 л. д. 85)

Все изложенное свидетельствует о том, что обстановка в квартире была абсолютно не угрожающей, что и после инцидента на кухне (если он имел место) Рыкалова не восприняла притязания Агрба, как покушение на изнасилование.

3. В своих показаниях на следствии и в суде свид. *Салан и Батербиев* объясняли, что якобы они ушли из квартиры № 43 домой к Батербиеву, в связи с тем, что имелась об этом договоренность с Олейниковой и Балиевым.

“Мы договорились, что пойдём к Батербиеву в комнату, — показала Салан, — и после того, как уложат Мишу спать, Зоя должна была прийти к Муссе и *мы должны были уйти домой*” (т. 1 л. д. 35-об., 94 и др.).

Эти показания Батербиева и Салан не подтвердили Олейникова и Балиев (см. их показания).

Мало того. Обращает на себя внимание любопытная деталь.

Уходя из квартиры № 42 и решив идти домой прямо от Батербиева, Салан *оставила в квартире № 42 свой плащ и сумочку*.

Объяснить вразумительно это Салан никак не могла:

“Я ушла с Муссой, — показала она следователю, — *и почему-то оставила плащ и сумку в комнате*”. (т. 1 л. д. 35-об.)

Подобное поведение Салан и Батербиева, в совокупности с тем, что они (и в первую очередь Салан) не обратились за помощью к соседям, не позвонили в милицию и пр., лишний раз свидетельствует о том, что ничего угрожающего Рыкаловой не было, что обстановка в квартире № 42 к их уходу была нормальной.

4. И Обвинительное заключение, и судебный приговор многократно ссылаются на то, что якобы Агрба, несмотря на неоднократные просьбы и требования Рыкаловой уйти домой, закрыл дверь на ключ и не выпускал ее из квартиры.

Это утверждение является *неправильным*:

а) Действительно, где-то около 12 ч. ночи девушки, и прежде всего Рыкалова, сказали, что уже поздно и им надо идти домой.

“Мы их останавливали, — показал свид. Батерби-ев, — и уговаривали еще остаться. Агрба говорил, что уже поздно и куда они пойдут” (т. 2 л. д. 16)

И далее:

*“Кто-то из девушек сказал, что пора идти домой. Я и Миша сказали, что еще *немного посидим, потанцуем, а потом пойдём*”* (т. 2 л. д. 169-об.).

И далее:

*“Когда после 12 ч. ночи Рыкалова и Салан собрались идти домой, мы все сказали: *“давайте еще повеселимся, а потом пойдём”*. И они остались”*. (Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 104)

К этому же сводились и показания *Салан*:

*“Мы *настоячиво не требовали* у Михаила выпустить нас из квартиры, но *говорили, что нам пора домой*, и просили отпустить нас”* (Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 70-об.)

Об этом свидетельствовала и *Олейникова*:

“После ухода Муссы с Тamarой, Зоя неоднократно ходила в туалет, говорила, что ее тошнит.

Миша обходительно относился к ней, давал ей воду, предлагал лечь отдохнуть. Зоя говорила: “Я пойду домой”.

*Миша сказал: “*Никуда ты не пойдешь, отрезвешь, потом иди куда хочешь...*”* (т. 1 л. д. 147-об., т. 2 л. д. 47, 182)

И далее:

“Зоя говорила, что ей надо идти домой, т. к. придет парень и ее дома не окажется”. (Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 80-об.)

И далее:

*“Зоя сама *упорно не настаивала отпустить ее домой*”* (Там же, л. д. 83)

И далее:

"После того, как Рыкалова и Салан сказали мне, что хотят домой, они еще танцевали, обнимались, целовались.." Зоя говорила, что пойдет домой, а Миша говорил: "Ты пьяная, никуда не пойдешь". (Там же, л. д. 85)

Таким образом, никаких настойчивых просьб и требования отпустить домой, открыть дверь и пр. не было.

Была с одной стороны ссылка на позднее время, на необходимость быть дома, и возражение с другой стороны (и не только Агрба, но и других лиц) с просьбой остаться, еще повеселиться, потанцевать и пр.

б) Из показаний Салан явствует, что хотя они с Рыкаловой и приняли решение уйти домой, однако решили они это сделать *незаметно, без шума, не привлекая внимания Агрба.*

По этому поводу Салан объяснила:

"Мы не кричали, не звали на помощь, т. к. боялись себя скомпрометировать. Мы решили вести себя спокойно, не вызывая подозрений у Михаила. Зоя должна быть ласковой с Мишей! (т. 2 л. д. 232).

И далее:

"Я подтверждаю показания Олейниковой в той части, что мы хотели уйти так, чтобы не знали ребята, но это говорила не я лично, а Зоя.

Сделать так мы хотели, чтобы не было никакого шума". (Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 88)

Показания Салан подтвердила Олейникова:

"Девочки сами не говорили Мише, чтоб отпустил их домой, поэтому я и не говорила Мише отпустить девочек". (Там же, л. д. 81-об.)

И далее:

"Зоя сама упорно не настаивала отпустить ее домой..."

Девочки говорили, что они хотят уйти незаметно". (Там же, л. д. 83)

— Как же можно после всего этого утверждать, что Агрба насильно удерживал Рыкалову в квартире, что он спрятал от нее ключ, не открывал дверь и пр.?

— Как можно вести речь обо всем этом, если установлено, что Рыкалова и Салан *"настоячиво не требовали"* отпустить их домой, если установлено, что они *"решили уйти незаметно"*, тайком от Агрба?

Беспочвенность такого утверждения совершенно очевидна, как очевидно и то, что никаких оснований к тому, чтобы кончать жизнь самоубийством, у Рыкаловой не было.

И именно поэтому ее ближайший родственник, *родной брат*, Рыкалов В. Г., прямо заявил суду:

"Я не верю тому, что Зоя сама выбросилась из окна. У нее на это причин не было". (Протокол суд. заседания, т. 3 л. д. 115-об.)

Полагаю, что *версия о самоубийстве Рыкаловой так же беспочвенна, как и выдвинутая в свое время версия о ее убийстве Агрба совместно с Олейниковой*.

Эта версия должна быть так же отмечена, как была в свое время отмечена версия об убийстве (см. Постановление о прекращении дела по ст. 103 УК — т. 2 л. д. 274).

III. Неосновательна ссылка суда на то, что *"подсудимым были приняты меры к сокрытию преступления"* (Приговор, стр. 6).

а) Ссылку суда на показания свид. Балиева, который высказал *предположение*, что Агрба *"стоял у окна и или закрывал окно, или открывал"* — понять невозможно.

б) Кто вынес плащ и туфли Рыкаловой из квартиры — не установлено. Агрба так же, как и Балиев, и Олейникова, это отрицают.

в) Сам факт выноса вещей Рыкаловой из квартиры ни в коей мере не доказывает покушения на изнасилование. Он может быть объясним потрясением того, кто это сделал, случившимся, желанием избежать огласки интимных подробностей встречи в чужой квартире и пр.

В этом, еще в большей степени, чем Агрба, были заинтересованы Олейникова и Балиев (см. их показания).

IV. И еще одно соображение.

В процессе рассмотрения данного дела не была в достаточной степени исследована версия о возможности *неосторожного падения* потерпевшей из окна (с учетом ее

состояния опьянения и относительно невысокого подоконника — 84 см).

Не была исследована и другая версия.

Из объяснений свид. Салан явствует, что, находясь в состоянии опьянения и решив уйти *незаметно* из квартиры, они с Рыкаловой обсуждали вопрос о возможности спуститься в другую квартиру *через люк балкона, по веревке* и пр.

“Зоя предлагала уйти через люк балкона, — показала на следствии Салан, — но мы его не обнаружили. *Она предлагала мне спуститься веревкой* на следующий балкон, но веревки были тоненькие”. (т. 1 л. д. 91-об.)

Об этом же говорила Салан в суде:

“Когда мы стояли с Зоей на балконе, то говорили, что спустимся с 8-го этажа *с помощью веревки*, но веревка была очень тонкая, слабая, и мы побоялись это сделать”. (Протокол суд. заседания — т. 3 л. д. 68)

Не исключено, что при таких обстоятельствах, желая незаметно покинуть квартиру, Рыкалова могла открыть окно, встать на подоконник и попытаться перебраться на балкон квартиры 9-го этажа или в окно соседней квартиры, находящиеся на небольшом расстоянии от окна кухни квартиры № 42. (См. фото дома — т. 2 л. д. 77, рост Рыкаловой — 172 см — т. 1 л. д. 21)

Очевидно, что в этом случае, будучи в нетрезвом состоянии, Рыкалова просто могла не удержаться и сорваться с окна.

Исключать такую возможность, думается, нельзя.

Полагаю, что с учетом всех этих обстоятельств следователь вполне обоснованно 21/XII-73 г. вынес Постановление о прекращении данного дела (т. 1 л. д. 229).

В заключение считаю необходимым сказать несколько слов о прошлых судимостях Агрба, которые сыграли не последнюю роль в том, что он был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Судимость по ст. 1 ч. II Указа 4/VI-47 г. (кража) относится к тому периоду, когда Агрба был *несовершеннолетним* (1955 г.). Наказание — 1 год лишения свободы (т. 3 л. д. 14).

По ст. 241 ч. III УК ГССР (*автоавария*) Агрба был судим свыше 12-ти лет тому назад (1961 г.). В приговоре отмечается *смешанная вина шофера и пьяного пешехода* (т. 2 л. д. 206).

В 1967 г. Агрба был судим по ст. 207 ч. 1 УК ГССР (*угроза убийством*). Наказание — 6 м-цев ИР с удержанием 10% зарплаты (т. 2 л. д. 214).

Все эти судимости по закону погашены.

Что касается судимости 1974 г. по ст. 196 ч. III УК РСФСР — за использование трудовой книжки с подложной подписью, относящейся к 1963 году (Приговор вынесен в процессе расследования данного дела, 6/V-74 г. — т. 2 л. д. 219), то хотя этот приговор суда и не отменен, думается, что он является далеко не бесспорным.

О НАРУШЕНИИ НОРМ УПК

1. В судебном заседании подс. Агрба заявил *отвод* суду, ссылаясь на то, что данный суд не может быть объективен и осуждение его *предрешено*.

Это ходатайство судом было отклонено, в связи с чем подсудимый Агрба *отказался давать в суде показания* (т. 3 л. д. 37).

Между тем, из материалов дела усматривается, что отвод, заявленный Агрба, имел под собой определенную почву, т. к. если не осуждение, то, по крайней мере, *предание его суду* было коллегией Карачаево-Черкесского облсуда *предрешено*, о чем свидетельствует тот факт, что еще до разрешения вопроса о предании суду, 3/VI-74 г. (т. 3 л. д. 2-3), судом была направлена ему для вручения копия Обвинительного заключения (31/V-74 г.) — т. 3 л. д. 9-12.

2. В своей кассационной жалобе осужденный Агрба ссылается на то, что он в достаточной степени *не владеет русским языком и нуждается в переводчике*. Этот вопрос в процессе следствия совершенно не исследовался (Агрба по национальности абхазец). Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в протоколе допроса Агрба в качестве обвиняемого имеется *не подтвержденная подписью Агрба дописка* о том, что он якобы русским языком владеет хорошо и в переводчике не нуждается (т. 2 л. д. 264).

3. В процессе расследования, 30/Х-73 г., Агрба было предъявлено обвинение по ст. 103 УК в убийстве Рыкаловой (т. 1 л. д. 69).

Указанное Постановление о предъявлении обвинения по ст. 103 УК никем не отменено.

Полагаю, что при таких обстоятельствах следователь не в праве был предъявлять Агрба обвинение в покушении на изнасилование, повлекшее *самоубийство* потерпевшей, т. е. по ч. III ст. 117 УК (т. 2 л. д. 261), т. к. обвинение в *доведении до самоубийства* и обвинение в *убийстве* взаимоисключающи (ст. 154 УПК).

Агрба М. К. 1937 г. рождения. С 1956-го по 1959 год служил в Советской армии. По работе характеризуется положительно (т. 2 л. д. 196).

В силу изложенного прошу указанный приговор отменить и дело в отношении Агрба М. К. направить на новое рассмотрение со стадии *предварительного следствия*.

Адвокат

"4" ноября 1974 г.

Мове А. Л.

***

Справка

Определением коллегии Верховного Суда РСФСР от 21-го октября 1974 г. приговор был отменен и дело возвращено на дополнительное расследование. При новом рассмотрении дела в Карачаево-Черкессии участия я не принимал.

Дело Прахина Юрия Кимовича. Легко ли быть частным предпринимателем?

И вновь и без того сложное дело, которое на сей раз привело меня на Украину, в родной для меня в некотором роде г. Харьков, осложнялось тем, что еще до меня, в течение 3 лет, и родители осужденного, и его жена, и адвокат Прахина буквально бомбили вышестоящие инстанции своими жалобами. Их, конечно, можно понять. Но поймите, уважаемые читатели, и меня. Одно дело — *убеждать* ответственных работников суда и прокуратуры в необоснованности или несправедливости приговора, и совсем другое дело — *переубеждать* их, т. е. заставлять менять решение, уже однажды (а иногда и не единожды) принятое по деду. В особенности тогда, когда жалобы направлялись не непосредственно им, а, скажем, в президиум съезда Коммунистической партии Украины или Союза или в иные высочайшие инстанции. Это безумно осложняло работу, поскольку о принимаемом решении извещался не только жалобщик, но и ставились в известность эти высокие инстанции.

“Ваша жалоба, адресованная XXVII съезду КП Украины, рассмотрена и оставлена без удовлетворения” — гласил ответ, полученный жалобщиком с одновременным извещением о результатах рассмотрения жалобы вышестоящей инстанции, из которой она поступила. Легко ли после всего этого изменять принятое решение, признаваться в ошибочности этого решения?

Вот почему так не любил я и не люблю клиентов, несущих в юридическую консультацию свои объемистые папки, наполненные “самодельной” перепиской с судебными-прокурорскими инстанциями.

А здесь был именно такой случай, и деваться от него, увы, было некуда.

Вот полюбуйтесь на эту коллекцию отписок.

Прокуратура СРСР
ПРОКУРАТУРА

УКРАЇНСЬКОЇ РАДЯНСЬКОЇ
СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕСПУБЛІКИ

252601, м. Київ-11, Радянська, 13/15

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА

УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

252601, г. Киев-11, Радянская, 13/15

15 XII.86 г. № I2-8943-84

На № _____ от _____

гор.Харьков.
ул.Ньютонa,141, кв.33
Плотниковой Т.А.

Ваша жалоба, поданная на приеме в Прокуратуре УССР, рассмотрена.

Уголовное дело в отношении Вашего мужа Прахина Д.К. проверялось прокуратурой УССР. Осуждение Прахина за хищение государственного имущества в особо крупных размерах, занятие запрещенным промыслом, причинение государству имущественного ущерба путем обмана и за соучастие в подделке документов признано законным и обоснованным.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда доводы о неправильном определении размера хищения, совершенного Прахиным, проведены. Необходимые изменения в приговор внесены.

Оснований к опротестованию судебных решений в отношении Прахина не усматривается.

Прокурор управления по надзору за
рассмотрением уголовных дел в судах

М.А.Ильина

Прокуратура СРСР
ПРОКУРАТУРА
УКРАЇНСЬКОЇ РАДЯНСЬКОЇ
СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕСПУБЛІКИ
252601, м. Київ-11, Рішницька, 13/15

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА
УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
252601, г. Киев-11, Решницкая, 13/15

№ 01, 86 г. № 12-8943-84

На № _____ от _____

г. Харьков,
ул. Ньютона, дом 141, кв. 33
Плотниковой Т.А.

Ваша жалоба рассмотрена и оставлена без удовлетворения за отсутствием оснований к опротестованию судебных решений в отношении Прахина Ю.К.

Проверкой уголовного дела установлено, что Прахин Ю.К. за хищение государственного имущества в особо крупных размерах, занятие запрещенным промыслом, причинение государству имущественного ущерба путем обмана и за соучастие в подделке документов осужден обоснованно.

Необходимые изменения в приговор Верховным Судом УССР внесены.

Нарушений закона, влекущих отмену или изменение судебных решений, не установлено.

Зам. начальника управления по надзору
за рассмотрением уголовных дел в судах

старший советник юстиции

С. И. Черный

Прокуратура СРСР
ПРОКУРАТУРА
УКРАЇНСЬКОЇ РАДЯНСЬКОЇ
СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕСПУБЛІКИ
258601, м. Київ-11, Радянська, 13/18

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА
УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
258601, г. Киев-11, Радянська, 13/18

25.02.86 г. № 12-8943-84

На № _____ от _____

г.Харьков, 75,
ул.Фрунзівська Крайа,
д.29 кв. 59
Прахино К.Н.
Прахиной Б.Я.

Ваша жалоба, адресованная XXVI съезду КП Украины, рассмотрена.

Проверкой уголовного дела установлено, что его материалами вина Прахина Д.К. в хищении государственного имущества в особо крупных размерах и др. преступлениях, указанных в приговоре, подтверждена.

Необходимые уточнения в приговор в части, касающейся размера похищенного, внесены кассационной инстанцией Верховного Суда СССР.

Оснований к опротестованию судебных решений в отношении Прахина зам.прокурора СССР не усматривает.

Начальник управления по надзору
за рассмотрением уголовных дел
в судах

А.А.Болябольшенко

Прокуратура СРСР
ПРОКУРАТУРА
УКРАЇНСЬКОЇ РАДЯНСЬКОЇ
СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕСПУБЛІКИ
258601, м. Київ-11, Радянська, 13/18

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА
УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
258601, г. Киев-11, Радянська, 13/18

25.02.86 г. № 12-8943-84

На № _____ от _____

г.Харьков,
ул.Ньютон, 141, кв. 33
Плотниковой Т.А.

Ваша жалоба по делу Прахина Д.К. рассмотрена и заместителем прокурора СССР оставлена без удовлетворения за отсутствием оснований и опротестованию судебных решений в отношении Прахина, о чем Вам ранее сообщалось.

Вина Прахина материалами дела подтверждена. Все доказательств за судами I-ой и II-ой инстанций проверены, и приговор необходимые изменения внесены кассационной инстанцией Верховного суда СССР.

Начальник управления по надзору
за рассмотрением уголовных дел
в судах

А.А.Болябольшенко

Прокуратура СРСР
ПРОКУРАТУРА
УКРАЇНСЬКОЇ РАДЯНСЬКОЇ
СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕСПУБЛІКИ
252601, м. Київ-11, Радянська, 13/15

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА
УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
252601, г. Киев-11, Радянская, 13/15

№ 03.1986г. № 12/8943-84

На № _____ от _____

гор. Харьков, 75
ул. Фронтисека Крада 29, кв. 59

Прахию К.Н.
Прахиной Б.Б.

Ваша кассовая, адресованная 27 съезду КПСС, рассмотрена.
Установлено, что Прахин Юрий Климович за хищение в особо
крупных размерах государственного имущества и совершении других
преступлений осужден обоснованно.

Суд дал надлежащую оценку доказательствам и правильно квали-
фицировал действия осужденного.

Назначая наказание, суд учел тяжесть преступления и данные
о личности осужденного.

Оснований к опротестованию судебных решений по делу не
имеется.

Заместитель Прокурора УССР

В.Н. Прук

Прокуратура СРСР
ПРОКУРАТУРА

УКРАЇНСЬКОЇ РАДЯНСЬКОЇ
СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕСПУБЛІКИ

Київ 252601, м. Київ-11, Радянська, 13/15

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА

УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Київ 252601, м. Київ-11, Радянська, 13/15

198 (рок)

310075
г. Харьков-75
ул. Фрейтшика Крад
д. 29 кв. 59
Прахину Н.Н.

Ваша жалоба рассмотрена и оставлена без удовлетворения по основаниям, о которых Выше неоднократно сообщалось.
Заместитель Прокурора УССР в опротестовании приговора отказал.

Прокурор управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах

[Signature]
Д.Н.Кулишенко

Друк 336 Том 1766 10000 1981 р.

Шевалеву
Прокуратура СРСР
ПРОКУРАТУРА
УКРАЇНСЬКОЇ РАДЯНСЬКОЇ
СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕСПУБЛІКИ
252601, м. Київ-11, Радянська, 13/15

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА
УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
252601, м. Київ-11, Радянська, 13/15

14.08.84 № 12-8943-84
На № _____ от _____

г. Киев,
ул. Артема, 10
ЕК Шевченковского района
Адвокату Шевалеву А.М.

Ваша жалоба в защиту интересов осужденного Прахина В.К. проверяется. О результатах Вам будет сообщено дополнительно.

Прокурор управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах

[Signature]
Л.С. Петрохалко
202
24.08.84

Прокуратура СРСР
ПРОКУРАТУРА
 УКРАЇНСЬКОЇ РАДЯНСЬКОЇ
 СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕСПУБЛІКИ
 252601, м. Київ-11, Ризницька, 13/15

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА
 УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
 СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
 252601, г. Киев-11, Рязницкая, 13/15

109.87, №12-8943-84

На № _____ от _____

г. Киев,
 ул. Артема, 10
 Юридическая консультация
 Шевченковского района
 Адвокату Шевелеву А.М.

Ваша жалоба в порядке надзора в защиту интересов осужденного Прахина Ю.К., адресованная Прокуратуре УССР, рассмотрена.

Установлено, что за лишение государственного имущества в особо крупных размерах и другие указанные в приговоре суда преступления Прахин осужден обоснованно. Его вина подтверждается совокупностью собранных по делу доказательств, в т.ч. показаниями осужденных, свидетелей, выводами документальной ревизии и проведенных экспертиз, приобщенными к делу документами и др. доказательствами.

Изложенные в жалобе доводы о неправильной квалификации действий Прахина по ст. 86-1 УК УССР являются несостоятельными и не основаны на материалах дела. Вместе с тем, в жалобе обоснованно указано, что при подсчете общей суммы похищенного Прахиным судом допущена ошибка в сторону увеличения ее на 591 руб. 99 коп. В связи с этим, Харьковскому областному суду предложено своим определением устранить арифметическую ошибку.

Действия осужденного дана правильная юридическая оценка.

Назначенная ему мера наказания соответствует общественной опасности содеянного и данным о личности.

Заместитель Прокурора УССР не находит оснований для опротестования приговора.

Приложение: копии приговора и определения.

Прокурор управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах

Л.С. Петрохалко
 Л.С. Петрохалко

Вот и скажите после этого, с чего начинать и куда обращаться? Хотя дело, в чем я был уверен уже после ознакомления с приговором, было решено, на мой взгляд, в корне неправильно и несправедливо. Это убеждение еще более окрепло после изучения в Харьковском облсуде этого многотомного хозяйственного дела.

Составив тут же, в Харькове, обстоятельную жалобу, решил обратиться в ту самую инстанцию — Прокуратуру Украинской ССР, из которой до этого поступили все 8 отрицательных ответов.

Так и сделал.

И как это не парадоксально, но эта первая моя жалоба, как говорится, с первого же захода, пробила дотоле непробиваемую каменную стену, и из Прокуратуры УССР поступили обнадеживающие ответы.

Документ

<p>Прокуратура СРСР ПРОКУРАТУРА УКРАЇНСЬКОЇ РАДЯНСЬКОЇ СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕСПУБЛІКИ 252601, м. Київ-11, Розицька, 13/15</p>		<p>Прокуратура СССР ПРОКУРАТУРА УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 252601, г. Киев-11, Розицькая, 13/15</p>
<hr/>		
9 04.88 г. № 12-8943-84	г. Москва, ул. Баррикадная, 8	
На № _____ от _____	Мособлпроконсультация, адвокату Нове А.Л.	

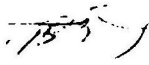
Ваша жалоба по делу Прахина В.К. рассмотрена.

Прокуратурой Украинской ССР приговор в отношении Прахина опротестован в Пленум Верховного Суда Украинской ССР. В протесте поставлен вопрос о снижении Прахину наказания до 10 лет лишения свободы.

О результатах рассмотрения протеста Вы будете уведомлены.

Приложение: на 4 листах.

Прокурор управления по
надзору за рассмотрением
уголовных дел в судах

И.В. Селенко

Вслед за ним через два месяца поступил и документ № 2.

Прокуратура ССРС
ПРОКУРАТУРА

УКРАЇНСЬКОЇ РАДЯНСЬКОЇ
СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕСПУБЛІКИ
252601, м. Київ-11, Радянська, 13/15

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА
УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
252601, г. Киев-11, Радянская, 13/15

27 06.88 г. № 12-8943-84

На № _____ от _____

г. Москва, ул. Баррикадная, 8
Мособлпроконсультация,
адвокату Мове А. Л.

Сообщаю, что протест заместителя Прокурора УССР по делу Прахина Ю. К. удовлетворен. Судебные решения по делу изменены. Назначенное Прахину по ст. 86-1 УК УССР основное наказание смягчено до 10 лет лишения свободы. На основании ст. 42 УК УССР ему определено 10 лет лишения свободы в ИТК усиленного режима с конфискацией имущества, со штрафом в сумме 400 рублей. Исключено из судебных решений указание о взыскании госпошлины в сумме 263 руб. 70 коп. с Прахина.

Прокурор управления по надзору за
рассмотрением уголовных дел в судах

В. Е. Шелудько

И хотя 10 все же лучше, чем 13, я решил не останавливаться на достигнутом и отправился в Верховный суд СССР.

Из досье адвоката

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

Адвоката Мове А. Л.
123242 г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8,
Московская областная юридическая консультация

по делу

Прахина Юрия Кимовича, осужденного приговором коллегии Харьковского областного суда от 6 марта 1985 г. по ст. 86-1, 87, 148 ч. II и 19-194 УК УССР на 13 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

Определением коллегии Верховного суда УССР от 28 мая 1985 г. приговор оставлен без изменения с уменьшением размера похищенного на 426 руб. 20 коп. Постановлением Пленума Верховного суда УССР от 20/V-88 г. наказание снижено до 10 лет лишения свободы.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Все состоявшиеся по делу решения представляются явно неправильными и несправедливыми по следующим основаниям:

1. О справедливости судебного приговора

Общеизвестно, что суд определяет наказание осужденному не произвольно, а по справедливости. При этом *социальная справедливость* судебного приговора по делам групповым заключается не только в назначении наказания в соответствии со степенью вины и личности подсудимого, но и в *соразмерности* этого наказания той мере наказания, которую суд определяет *другим участникам группы*.

Представляется, что только по одним этим соображениям данный приговор, которым Прахин Ю. К. признан виновным и осужден по ст. 86-1 УК УССР на 10 лет лишения свободы, вряд ли может быть признан справедливым, соответствующим требованиям закона и руководящих Постановлений пленума Верховного суда СССР № 3 от 29 июня 1970 г. "О практике применения судами общих начал назначения наказания" (п. 2) и № 15 от 5 декабря 1986 г. "О дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия" (п. 12).

И действительно:

Прахин Ю. К.

Благодетелев А. В.

1. Признан виновным в хищении гос. имущества на сумму *11194 руб.* (см. копию приговора, л. 32 и копию определения, л. 26).

2. Не являлся должностным лицом. Занимался индивидуальной трудовой деятельностью.

3. Являлся соучастником хищения. Служебным положением не злоупотреблял.

1. Признан виновным в хищении гос. имущества на сумму *14077 руб.* (см. копию приговора, л. 32, копию определения, л. 25).

2. Являлся должностным лицом, занимал ответственное должностное положение.

3. Совершил хищение гос. имущества, связанное со злоупотреблением своим служебным положением и должностными подлогами.

4. Не являлся инициатором или организатором хищения.

5. Не принимал непосредственного участия в хищении гос. имущества, а лишь заранее обещал купить похищенное Благодетелевым и другими лицами. Его действия в этой части надлежало квалифицировать не как хищение, а как соучастие в хищении (через ст. 19 УК УССР) — см. Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 11 от 31.7.62 г. "О судебной практике по делам о заранее обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного", п. 2.

6. Приобретал заведомо похищенное сырье в связи с невозможностью его покупки в установленном в настоящее время законном порядке (см. "Закон об индивидуальной трудовой деятельности", п. п. 4, 5).

7. Мера наказания по ст. 86-1 УК УССР — сначала 13, а теперь 10 лет лишения свободы.

4. Так же, как и Бабенко-Цинковский, являлся инициатором хищения вверенного ему гос. имущества.

5. Принимал непосредственное участие в хищении: договаривался с другими должностными лицами о создании излишков продукции, об оформлении фиктивных документов на отпуск продукции (заказов, нарядов, накладных и пр.), принимал активные меры к сокрытию похищенного (см. приговор).

6. Хищение и сбыт похищенного Благодетелевым обуславливалось только одним — корыстной заинтересованностью.

7. Мера наказания по ст. 86-1 УК УССР — 10 лет лишения свободы.

Комментарии, думается, излишни.

Вольно или невольно, но получилось так, что Прахин, занимавшийся кустарно-ремесленным промыслом и *вынужденный* приобретать за свои деньги похищенное сырье в связи с отсутствием возможности его приобрести законно, оказался в числе главных виновников случившегося, понес такое же наказание, как и ответственные должност-

ные лица, принимавшие непосредственное участие в хищении вверенного им государственного имущества. Представляется, что только по одному этому, в связи с явной несправедливостью назначенного Прахину наказания по ст. 86-1 УК УССР, данный приговор не может быть оставлен в силе.

II. О занятии запрещенным промыслом

1. В отличие от Благодетелева, Кучерова, Авдеева и других осужденных должностных лиц, к которым суд при определении окончательной меры наказания по совокупности преступлений (ст. 43 УК УССР) применил принцип *поглощения* менее строгого наказания более строгим, по отношению к Прахину (*единственному* из все осужденных) суд применил принцип *частичного сложения* наказания.

В результате, несправедливость избранной в отношении Прахина меры наказания была усугублена, и он был наказан не 11, а 13 годами лишения свободы и штрафом в сумме 400 рублей — см. приговор.

Это свое решение суд мотивировал весьма сомнительной ссылкой на то, что Прахин

“основным средством получения доходов избрал кустарно-ремесленный промысел” (?! — А. М.)
(копия приговора л. 37)

Представляется, что и по этим соображениям, в связи с необоснованным применением принципа *частичного сложения* наказаний, усугубившего и без того явную социальную несправедливость назначенного Прахину наказания, данный приговор, хотя и частично впоследствии измененный, не может быть оставлен в силе.

2. По ч. II ст. 148 УК УССР, за занятие *запрещенным* промыслом при отягчающих обстоятельствах, суд определил Прахину *максимальное* наказания, предусмотренное указанным законом — 4 года лишения свободы (в этой части приговор не изменен). И это при том, что объем изготовленной Прахиным продукции составил 3000 шт. заколок для волос, на что ушло *несколько килограммов медной проволоки* (см. обвинительное заключение, с. 44, 67 и постановление о предъявлении обвинения — т. 24, л. д. 121).

Мало того. Известно, что законом СССР “Об индивидуальной трудовой деятельности”, введенным в действие Постановлением Верховного Совета СССР, опубликованным

21 декабря 1986 г., установлен *новый перечень* запрещенных видов кустарно-ремесленных промыслов (статья 13), которым *не предусмотрен запрет* на кустарное изготовление изделий из *цветных металлов* (или с применением цветных металлов).

Таким образом, действия, за которые Прахин наказан и отбывает наказание в виде лишения свободы, не только потеряли в настоящее время общественную опасность, но и признаны "Законом об индивидуально-трудовой деятельности" *общественно-полезными*, поощряемыми государством.

Очевидно, что при таких обстоятельствах и с учетом того, что закон, *исключающий* наказуемость деяния, имеет *обратную силу* и распространяется на действия, совершенные до его издания, приговор суда в части признания Прахина виновным по ч. II ст. 148 УК подлежит отмене с *прекращением дела производством* (основание: ст. 6 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик, ст. 6 УК УССР).

III. О квалификации действий Прахина ст. 86-1 УК УССР

По приговору суда, с изменениями, внесенными кассационной инстанцией, Прахин признан виновным в хищении гос. имущества на сумму *11194 руб.*

С определенным судом *размером* похищенного согласиться нельзя:

1. В процессе следствия Прахину было предъявлено обвинение в хищении гос. имущества на сумму 14254 руб. 53 коп. (см. обвинительное заключение и постановление о предъявлении обвинения).

Своим приговором суд исключил из обвинения Прахина хищение гос. имущества на сумму *3225 руб. 42 коп.* (1029,55 + 1651,35 + 544,52) по эпизодам №№ V, VI, IX. Следовательно, общая сумма похищенного Прахиным *по приговору* должна была составить *11029 руб.* (14254 — 3255), а не *11621 р., б.*, как ошибочно указал суд в приговоре (с. 32).

С учетом исключения из обвинения Прахина кассационной инстанцией хищения на сумму 426 руб. 20 коп. (копия определения, л. 26), общую сумму похищенного Прахиным надлежало считать не 11194 руб., а 10603 руб. (11029 — 426), т. е. на 591 руб. 93 коп. менее, чем значится в приговоре.

2. Невозможно согласиться с выводом суда о хищении Прахиным совместно с Бабенко-Цинковским из магазина "Химия" 2000 кг полиэтиленовой пленки производства Борисовского завода пластиковых изделий на сумму 6062 руб. (эпизод № IX).

Действительно, Прахин вел речь с Бабенко-Цинковским о покупке у него 2 тонн указанной пленки за 2400 руб., и последний дал свое согласие на продажу этого количества пленки, полагая, что в излишке она у него имеется.

"Как видно из накладных Борисовского завода пластмассовых изделий № 58572, 58576, 44396, 25490 (т. 12 л. д. 63-76), — указал суд в приговоре, — в оптовый магазин "Химия" в течение сентября-ноября 1983 г. было завезено свыше 60 тонн пленки, причем 1997 рулонов на бабинах из обрезков пропиленовой трубы" (копия приговора, л. 26).

И далее:

"Товароведческой экспертизой в суде установлено, что средний вес этих бабин 1,03 кг, тем самым объективно подтверждаются показания Бабенко-Цинковского о создании излишков пленки за счет обвеса на них, весом 2000 кг (там же).

Эти же обстоятельства подтверждены выводами документальной бухгалтерской ревизии по магазину "Химия" (т. 10, л. д. 1-5), которыми установлено, что *недостач, излишков пленки не было*, однако имели место случаи, когда в накладных об отпуске пленки не учитывались бабины, как тара, что также свидетельствует о правдивости показаний Бабенко-Цинковского о механизме создания излишков пленки" (там же).

Таким образом, при исчислении похищенного, суд исходил из того, что все 1997 рулонов пленки на бабинах были отпущены Бабенко-Цинковским покупателям, и за счет обвеса их на 1,03 кг по каждой бабине пленки у него (Бабенко) образовался излишек пленки в 2000 кг (1997 x 1,03), который и был похищен.

Между тем:

а) Из того же судебного приговора следует, что

"в соответствии с данными протокола обыска в доме № 14 по въезду Котовского (т. 1 л. д. 58-60) у Прахина Ю. К. было изъято 25 рулонов пленки полиэтиленовой размером 900 x 0,08 и 32 пустые бабины из-под этой пленки. О том, что пустые бабины именно из-под этой пленки, свидетельствует их размер и данные товароведческой экспертизы в суде" (копия приговора, л. 26).

Данный вывод суда прямо *противоречит* другому выводу суда в приговоре (о создании излишков 2 тонн пленки за счет реализации *всех* 1997 рулонов пленки на бабинах), поскольку из него следует, что 57 рулонов пленки на бабинах (25 + 32) были реализованы не сторонним организациям, а Прахину.

Уже одно это свидетельствует о том, что в магазине "Химия" *механизмом* указанным в приговоре, не могло быть создано излишков пленки в количестве 2-х т.

Только за счет пленки на бабинах, отпущенных Прахину, размер похищенного уменьшается на 60 кг (57 x 1,03) стоимостью 180 руб.

б) Установлено, что с 4 ноября 1983 г. по 3 декабря 1983 г. Бабенко-Цинковский находился в очередном *отпуске* (см. прилагаемую справку). За этот период магазином "Химия" было реализовано 12 290,5 кг пленки Борисовского завода, намотанной, согласно накладных, на 378 бабинах (см. накладные "Ведомость движения пленки" — т. 12 л. д. 1-2, т. 2, л. д. 28).

В период своего отсутствия на работе, Бабенко-Цинковский пленку не отпускал и обвешивать получателей и создавать излишки пленки не мог. Это подтверждается сообщениями организаций, получавших пленку в магазине "Химия" в указанный период (т. 2 л. д. 221, 232; т. 12 л. д. 4, 7, 11, 23, 30, 33).

За счет пленки, реализованной в период отпуска Бабенко-Цинковского, размер похищенного должен быть уменьшен на 390 кг (378 x 1,03) стоимостью 1100 рублей.

Защита особо обращает внимание на изложенное, поскольку только за счет исключения из обвинения Прахина хищения 450 кг пленки на сумму 1280 руб. размер похищенного снижается до суммы менее 10 тыс. руб., что

должно повлечь изменение квалификации действий Прахина со ст. 86-1 на ст. 84 ч. III УК УССР.

При оценке доводов защиты нельзя не учесть и следующего: Бабенко-Цинковский передал пленку Прахину без взвешивания. Это вытекает не только из показаний Прахина и Бабенко-Цинковского, но и из показаний Благодетелева, который пояснил в суде:

“Бабенко-Цинковский спрашивал, сможет ли покупатель перевешивать пленку. Я сказал, что нет, т. к. у него нет весов” (т. 29, л. д. 215).

К этому же сводились и показания Бабенко-Цинковского в суде:

“Вес рулонов я определял приблизительно, отдал около 50-ти рулонов” (т. 27, л. д. 102-об.)

Тот факт, что Прахиным было получено не 2000 кг, а примерно 1500 кг — 1700 кг пленки подтвержден и заключением в суде эксперта-товароведа, основанном на обнаруженной у Прахина во время обыска пленки на бабинах (т. 30, л. д. 37).

Ссылка суда на то, что расчеты эксперта, основанные на среднем весе рулонов пленки, изъятых у Прахина, не могут быть приняты во внимание в связи с тем, что “приведенными доказательствами достоверно установлено хищение 2 т пленки” (копия приговора, л. 27), является необоснованной.

В данном случае свое несогласие с заключением эксперта суд мотивировал не ссылкой на его научную (специальную) несостоятельность, а на несоответствие этого заключения субъективной оценке судом каких-то других материалов дела, что прямо противоречит руководящему постановлению Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 16 марта 1971 г. “О судебной экспертизе по уголовным делам”.

в) Из прилагаемой справки Борисовского завода пластмассовых изделий от 25 января 1986 г. № 02/430у усматривается, что при отпуске пленки заводом была учтена надбавка 0,5%.

Это обстоятельство не было учтено ревизором Сухачевой, которая в своей справке об оптовой стоимости пленки вторично применила указанную 0,5% надбавку (т. 12, л. д.

187), в результате чего стоимость похищенного судом была завышена на 288 руб.

3. К дополнительной кассационной жалобе были приложены справки Госкомцен СССР от 26 апреля 1985 г. № 30-37/81 и магазина № 4 "Юный техник" (т. 32, л. д. 146, 147), из которых усматривается, что в магазин № 4 г. Харькова в 1981-82 гг. поступил для продажи *некондиционный полистерол*, стоимость которого на 30% ниже стоимости полистерола кондиционного.

Только за счет этого размер похищенного подлежал уменьшению на 183 руб. 44 коп., тем более что суд в приговоре признал, что "полистерол был в гранулах и в нескольких мешках был присыпан отходами пластмассы" (приговор, л. 25).

В нарушение требований закона и руководящих постановлений Пленума Верховного Суда СССР № 10 от 7 июня 1971 г. "О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке" (п. 2) и № 15 от 5 декабря 1986 г. "О дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия" никакой критической оценки этот довод защиты в определении кассационной инстанции не получил.

4. По приговору суда Прахин был признан виновным в хищении 20000 шт. цветных вкладышей на сумму 1391 руб. (копия приговора, л. 22-24).

Кассационной инстанцией размер похищенного был уменьшен до 1348 руб. (копия определения, л. 19).

Однако вместе с этим кассационная инстанция никак не реагировала и оставила без рассмотрения довод защиты о необоснованном зачислении в оптовую цену вкладышей не только бумаги, но и работы по изготовлению вкладышей.

В соответствии с п. 3 Указания Госкомцен СССР № 1372 от 29 декабря 1981 г. "О порядке начисления цен для определения ущерба..." коэффициенты применяются лишь на оптовые цены, а не на себестоимость продукции.

Совершенно безосновательно отклонив законное ходатайство защиты о проведении товароведческой экспертизы (т. 29, л. д. 194), суд определил оптовую стоимость вкладышей, исходя из *себестоимости* продукции, а не из стоимости бумаги, к которой и применил коэффициент 1,5. В результате стоимость похищенного была искусственно завышена на 284 руб.

Таким образом, только за счет необоснованного завышения стоимости похищенного по фактам, перечисленным в п. п. 3, 4 и 2 "в" настоящей жалобы Прахин был безосновательно признан виновным в хищении 761 руб. (189 + 284 + 288).

Исключение из судебного приговора этой суммы (безотносительно к изложенному в п. 1 и 2 "а" и "б" жалобы) также влечет уменьшение общей суммы похищенного до 9842 руб. (10.603 — 761), а следовательно, к переквалификации действий Прахина на ч. III ст. 84 УК УССР.

— " " —

Прахин Ю. К. 1956 г. рождения. Вышел из простой рабочей семьи. С 1973 г. по 1974 г. работал на Харьковском тракторном заводе учеником токаря, а затем — токарем. По окончании Харьковского института железнодорожного транспорта, с 1978 года по 1981 г. работал в качестве мастера в Шевченковском РБК, а с 1981 г. по 1983 г. — слесарем на других предприятиях (см. "Сведения о работе" — т. 21, л. д. 29-30).

По работе зарекомендовал себя исключительно положительно (см. характеристики — т. 21, л. д. 36, 40).

С 1981 по 1984 г. занимался индивидуальной трудовой деятельностью.

В прошлом не судим. В нелегких условиях заключения Прахин находится около 5 лет.

По изложенным соображениям прошу Вас истребовать настоящее дело и внести протест на предмет внесения в приговор следующих изменений:

1. *Отмены* приговора суда в части признания Прахина Ю. К. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. II ст. 148 УК УССР, и *прекращения* дела производством за отсутствием в его действиях состава преступления.

2. *Исключения* из приговора обвинения Прахина в хищении гос. имущества на общую сумму 2.527 руб. (п. 1-4 жалобы) с переквалификацией действий Прахина на ч. III ст. 84 УК УССР.

3. *Снижения* Прахину Ю. К. наказания до фактически отбытого с освобождением его из-под стражи.

Приложение:

1. Копия приговора суда на 47 л.
2. Копия определения Верховного Суда УССР на 27 л.
3. Копия Постановления Пленума Верховного суда УССР от 20.05.88 г. на 3 л.
4. Справка Борисовского завода пластмассовых изделий от 25.08.86 г. № 02/4304 на 1 л.
5. Справка об отпуске Бабенко-Цинковского (№ 29/11-504 от 11.08.86 г.) на 1 л.
6. Другие документы на л.
7. Ордер юрконсультации на ведение дела.

Справка: Прахин Ю. К. отбывает наказание по адресу: УССР, г. Дрогобыч, учреждение ВЛ-315/40.

Адвокат

5. 10. 1988 г.

Мове А. Л.

***

Приняли меня в Верховном суде СССР очень любезно, и здесь же я получил следующий ответ.

Документ

ВЕРХОВНЫЙ СУД СССР

121260, г. Москва, ул. Воровского, 15

5. 10. 88. № 02-1205-88

На № _____

Московская областная
придическая консультация
адвокату тов. Мове А. Л.

123242, Москва, ул. Баррикадная,
д. 8-в

Ваша жалоба по делу Прахина Ю. К., осужденного 6 марта 1985 г. Харьковским областным судом, в Верховном Суде СССР проверяется. О принятом решении Вам будет сообщено дополнительно.

Член Верховного Суда СССР

Л. В. Чистякова

А еще через некоторое время я получил из Верховного суда СССР следующее сообщение за подписью Заведующего секретариатом Пленума А. Г. Мазаловым.

Документ

ВЕРХОВНЫЙ СУД СССР

121240, г. Москва, ул. Воровского, 15

№ 03.89 № 02Д-750-88

На № _____

123242, г. Москва,
ул. Боррикадная, д. 8а,
Московская областная
юридическая консультация

адвокату А. И. Мове

На Вашу жалобу сообщая, что постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 28 февраля 1989 г. приговор Харьковского областного суда от 6 марта 1985 г. и все последующие судебные решения в отношении Прахина Юрия Кирилловича - изменены.

Основное наказание, назначенное Прахину Д.К. по ст.86^I УК УССР, с применением ст.44 того же УК снижено до 8 лет лишения свободы.

По совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст.86^I, 87, ч.2 148, 19 и 194 ч.1 УК УССР, определено Прахину 8 лет лишения свободы с конфискацией имущества и штраф в размере 400 рублей.

На основании п."е" ст.9 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 июня 1987 г. "Об амнистии в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции" неотбытое Прахиным Д.Н. основное наказание по состоянию на 18 июня 1987 г. сокращено наполовину.

В остальной части судебные решения в отношении Прахина Д.Н. оставлены в силе.

Зав.секретариатом Пленума

А.Г.Мазалов

Вот так из 13 лет осталось без малого 4 года лишения свободы, которые Юрий Прахин фактически уже отбыл.

Только теперь можно было наконец с облегчением вздохнуть, считать работу завершенной.

Так однако, увы, бывает далеко не всегда. И примером тому может служить следующее публикуемое дело.

Дело студента Владимира Кравца, обвиняемого в убийстве Александра Кирпы

Из досье адвоката

ПРОКУРОРУ УКРАИНСКОЙ ССР
(лично)

Уважаемый тов. Прокурор Республики!

Я обращаюсь к Вам с жалобой по не совсем обычному делу и прошу Вас *лично* дать указание самым тщательным образом проверить каждый из ее доводов.

Речь идет о серьезной *судебной ошибке*, в результате которой 18-тилетний учащийся техникума Кравец Владимир Алексеевич осужден к 15-ти годам лишения свободы и уже свыше 5-ти лет содержится в тяжелых условиях тюремного режима.

Защита берет на себя смелость со всей ответственностью заявить: *Кравец не совершал тех тяжких преступлений, за которые он осужден. Более того, утверждаю: убийство Александра Кирпы совершил не Кравец, а Илларионов Владимир Евгеньевич.*

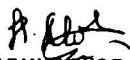
Ножевые ранения Вовченко нанес не Кравец, а Токарев Владимир Леонидович. Оба они от ответственности ушли. И то, что за их преступления сейчас расплачивается Кравец, вряд ли служит делу правосудия.

Для того, чтобы исправить эту *тяжелую ошибку*, требуется только одно: Ваше *личное* указание о самой серьезной проверке дела.

Прилагаю при этом жалобу в порядке надзора на 47 листах.

С уважением

Адвокат:

А. Л. Мове

г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8 юридическая консультация
"30" ноября 1968 г.

Вот такое письмо в адрес лично Прокурора Украинской ССР решил я предпослать своей жалобе по этому чрезвычайно сложному и удивительно профессионально интересному делу. Все остальное было изложено в прилагаемой жалобе.

Из досье адвоката

ПРОКУРОРУ УКРАИНСКОЙ ССР

Адвоката Московской областной
юридической консультации

А. Л. МОВЕ

г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8

По делу

КРАВЦА Владимира Алексеевича,
осужденного Приговором Коллегии
Днепропетровского Облсуда от
26/II-65 г. по ст. 81 ч. II, 101 ч. II
и 93 п. "б" УК УССР к 15-ти годам
лишения свободы. Определени-
ем Коллегии Верховсуда УССР от
17/VIII-65 г. приговор оставлен
без изменения.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

18-ти-летний учащийся 4-го курса Днепродзержинского металлургического техникума Владимир Кравец приговорен к 15-ти годам лишения свободы, из которых первые 10-ть лет он должен отбывать в тюрьме.

Несправедливость такого наказания совершенно очевидна. Но дело не только в этом. Кравец признан виновным *безосновательно*.

В совершении тяжких преступлений, за которые осужден Кравец, на всем протяжении следствия и в *трех* судебных заседаниях признавали себя полностью виновными совсем *другие лица* — Илларионов и Токарев. Кравец же свою вину всегда категорически отрицал.

Уже одно это обязывало суд к *особой* осмотрительности, *особой* осторожности при решении данного дела.

Но о каком серьезном рассмотрении дела, о каком вдумчивом его разрешении можно говорить, если суд,

вынося приговор, если Коллегия Верховного Суда УССР, оставляя в силе этот приговор, даже не обратили внимание на то, что из дела изъяты важнейшие процессуальные документы?

Из дела исчезли:

1. *Определение Распорядительного заседания Днепропетровского Областного суда от 1/II-64 г. о возвращении дела к доследованию.*

О содержании этого определения можно лишь догадываться по отдельным фразам Постановления следователя от 18/II-64 г. о продлении срока ведения следствия:

"16/1-64 г., — значит в этом Постановлении, — следствие по делу было закончено, и дело направлено в Днепропетровский Облсуд, который 1/II-64 г. возвратил его к доследованию, в связи с тем, что не установлено, кто конкретно совершил убийство Кирпы и нанес тяжкие повреждения Вовченко..."

И далее:

"По делу, согласно определения суда, необходимо выполнить следующее:

1) Суд считает необходимым подробно допросить обвиняемых...

2) Суд считает необходимым подробно допросить Токарева.

3) Суд считает необходимым... и т. д. и т. п. (т. 3 л. д. 121)

— Куда исчезло это Определение Облсуда? Кому понадобилось изымать его из дела?

Ниже будет показано, что отсутствие его в деле не является случайным.

2. Если дело было направлено 16/1-64 г. в суд, да к тому же являлось предметом рассмотрения Распорядительного заседания суда, очевидно, что к нему было приложено и обвинительное заключение. Этого обвинительного заключения в деле нет.

Таким образом, из дела изъято не только Определение Облсуда, но и первоначально составленное обвини-

тельное заключение, утвержденное прокурором г. Днепропетровска.

3. С самого начала ведения следствия обв. Илларионов полностью признал себя виновным в убийстве Кирпы. Вина его подтверждалась и другими доказательствами, вследствие чего он правильно был привлечен к уголовной ответственности за убийство, а ходатайство его адвоката о недоказанности обвинения, равно как и ходатайства представителя потерпевших, заявленные при окончании расследования, были следователем обоснованно отклонены.

Постановления следователя об отклонении этих ходатайств из дела исчезли.

Изъятие этих Постановлений из дела следователь Продан впоследствии объяснил так:

“Эти постановления не приобщены к делу, как противоречащие дальнейшему фактическому ходу следствия” (?!) (л. 5 л. д. 312)

4. *Изъятые из дела и некоторые другие документы, установить которые сейчас не представляется возможным.*

28/X-63 г. следствие по делу было закончено, и оно в соответствии со ст. 218 УПК УССР было предъявлено для ознакомления обвиняемым и их адвокатам.

В это время в томе № 1 был 271 лист, а в томе № 2 — 170 листов (т. 3 л. д. 41, 43).

В дальнейшем, после доследования, 11/1-64 г., дело было вновь предъявлено для ознакомления и в нем уже оказалось — в томе № 1 — 230 листов, в томе № 2 — 219 листов (т. 3 л. д. 94-103).

В связи с тем, что к этому времени следователем была пересоставлена и опись документов дела, установить, какие документы были еще изъятые из дела, невозможно.

Естественно встает вопрос: кому понадобилось изымать из дела документы? Для чего, с какой целью это делалось?

Анализ материалов дела дает защите основание утверждать, что все это не случайность, не упущение следователя, а результат самой явной предвзятости и тенденциозности, стремления во что бы то ни стало добиться торжества своей, пусть даже ошибочной, версии.

1. О ПРЕДВЗЯТОСТИ И ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ.

Как указывалось выше, с самого начала расследования дела, виновным себя в убийстве Кирпы А. признал Илларионов Владимир Евгеньевич.

Помимо признания вина его подтверждалась и другими доказательствами в связи с чем ему обоснованно было предъявлено обвинение в убийстве (т. 2 л. д. 167).

Что произошло в дальнейшем, почему — судить сейчас трудно. Однако, уже после окончания расследования, вдруг, появилась новая версия: убийство совершил Кравец, а несовершеннолетний, Илларионов, оговаривает себя, стремясь спасти совершеннолетнего Кравца, от грозящей ему смертной казни.

И хотя версия эта абсолютно ничем не подкреплялась, лица, причастные к расследованию, не только слепо уверовали в нее, но и поспешили громогласно уведомить об этом общественность.

Так задолго до суда, до окончания следствия, в газете "Флаг юности" от 12 февраля 1964 г. появилась статья заместителя начальника следственного управления прокуратуры УССР т. Скопенко под кричащим заголовком "Убийца найден" (см. газету — прилагается).

"Дополнительные материалы, — утверждал автор статьи, — достаточно изобличают Кравца в том, что именно он совершил убийство Кирпы..."

"В результате старательной перепроверки, — убеждал автор, — выяснилась невинность Илларионова..."

И далее:

"В ближайшие дни дело по обвинению Кравца будет закончено (?!) и дело направлено для рассмотрения в суд".

Насколько преждевременными и недопустимыми были подобные публичные заявления, сделанные еще до окончания расследования, можно судить хотя бы по тому, что, как известно, после этого дела трижды возвращалось к расследованию со ссылками на то, что не установлено кто именно повинен в этом убийстве.

В частности, уже после появления газетной статьи, Коллегия Днепропетровского облсуда в своем определении от 26-го мая 1964 г., возвращая дело к доследованию, сослалась на целый ряд конкретных доказательств, изобличающих Илларионова в убийстве, и предложила тщательно их проверить (см. Определение — т. 5 л. д. 300).

Принесенный Прокурором области протест на это Определение был Коллегией Верховного суда УССР 2/VIII-64 г. отклонен (т. 5 л. д. 325).

По этим же мотивам было возвращено к доследованию дело и после *вторичного* его рассмотрения.

В своем определении от 31/X-64 г. Коллегия Облсуда, выражая серьезные сомнения по поводу причастности Кравца к убийству, прямо записала:

“Несмотря на наличие доказательств, свидетельствующих о возможности совершения убийства Илларионовым, обвинение последнему в этом не предъявлено...” (т. 7 л. д. 269)

Четыре судебных состава Днепропетровского областного суда и Верховного Суда УССР считали, что доказательств виновности Кравца недостаточно, настаивали на самой серьезной проверке версии о причастности к этому преступлению Илларионова. Но все было тщетно.

Да и как можно было объективно вести расследование, верить эту версию, если задолго до всего этого авторитетно, через газету, было объявлено, что Кравец — убийца, а невиновность Илларионова — установлена?

Не трудно понять, что ни о какой объективности здесь речи быть не могло.

Для того, чтобы показать, в каких условиях велось расследование этого дела, защита позволит себе сослаться на несколько фактов.

1) Известно, что на всем протяжении следствия обв. Илларионов признавал себя виновным в убийстве и подробно рассказывал об обстоятельствах, при которых он его совершил.

Эти показания Илларионова никак не вязались с той версией, которая была избрана следователем.

И тогда сделано было следующее: 26/XII-63 г. в Прокуратуру г. Днепропетровска была вызвана свид. Зайцева

(девушка, с которой дружил Илларионов), директор школы, в которой обучался Илларионов, и отец обвиняемого. Туда же, в здание прокуратуры, без конвоя, в сопровождении следователя т. Продана, был доставлен из КПЗ и Илларионов.

Зайцева осталась сидеть в коридоре, а Илларионову был учинен допрос в присутствии директора школы и отца. На этом допросе Илларионов продолжал настаивать на своих показаниях (т. 2 л. д. 177).

Тогда следователем была предоставлена Илларионову возможность поговорить с Зайцевой, находившейся в коридоре прокуратуры. Затем ему было оглашено Постановление об освобождении из-под стражи (т. 2 л. д. 180), и лишь после этого, в отсутствие отца и директора школы, Илларионов дал угодные следователю показания (т. 2 л. д. 179).

Все это не плод фантазии защиты; а факты, основанные на материалах дела.

Так:

Свид. Зайцева в судебном заседании показала:

“Продан позвонил в школу, чтобы я пришла в прокуратуру 26-го декабря. Я пришла, сидела в коридоре на лавочке, в кабинете был директор школы, отец Илларионова и Илларионов. Затем Илларионов вышел, сел со мной на лавочке...

Мне Зам. прокурора Кузнецов сказал, что есть Постановление об освобождении Илларионова и мы пошли с Илларионовым домой. Позади нас шли Продан с отцом Илларионова” (См. протокол суд. заседания — т. 8 л. д. 268).

Это же подтвердил и Илларионов на следствии и в трех судебных заседаниях:

“26-го числа меня вызвали из КПЗ, я забрал все вещи, и повели в дежурку, без конвоя, с Проданом...

В присутствии отца и учителя я признавал себя виновным.

Сначала мне объявили Постановление об освобождении и я поменял свои показания” (т. 5 л. д. 159-оборот, п. 5 утвержденных замечаний на протокол суд. заседания — т. 8 л. д. 390).

И далее:

“Мне не хочется быть убийцей, но я совершил это убийство (т. 5 л. д. 158-об.).

И далее:

“Мне дали Постановление об освобождении, и я пошел на “сделку” (т. 8 л. д. 192).

Я не менял показаний, один раз только поменял показания, т. к. меня купили свободой” (т. 8 л. д. 194-об.).

И далее:

“Изменил свои первоначальные показания в связи с тем, что хотел погулять на свободе...

Если б меня не освободили, показания я бы не менял” (т. 3 л. д. 135-об.).

Подтверждено это и имеющимся в деле Постановлением об освобождении Илларионова из-под стражи, из содержания которого видно, что вынесено оно было до того, как Илларионов изменил свои показания (т. 2 л. д. 180).

Свидетельствует обо всем этом и Протокол допроса Илларионова от 26/XII-63 г., который был начат в присутствии отца Илларионова и директора школы (здесь Илларионов, так же, как и на других допросах, признавал свою вину в убийстве) и закончен в отсутствие этих лиц, после оглашения Постановления об освобождении из-под стражи (здесь Илларионов уже отказался от своих показаний) — см. т. 2 л. д 177-179.

Возникает вопрос: какова цена показаниям, полученным в такой обстановке? Кому и для чего все это понадобилось делать? С какой целью?

Если при этом вспомнить о газетной статье, об изъятии из дела важнейших процессуальных документов, станет понятным, что назвать нормальными те условия, в которых велось расследование дела, вряд ли мыслимо.

2) Вина Илларионова в убийстве подтверждалась не только его признаниями, но и рядом других доказательств (об этом см. ниже).

Что же касается обв. Кравца, то его обвинение покоилось на **единственном** доказательстве — опознании свид. Кирпы Станислава. Если к этому добавить, что “опознание” это было произведено с грубым нарушением установлен-

ных правил, что оно противоречило всем другим материалам дела (см. ниже), станет понятным, насколько непрочным было это обвинение.

И вот здесь, в подкрепление к Станиславу Кирпе, к делу был привлечен свид. *Говорун*.

Защита берет на себя смелость утверждать, что свидетель этот не был свидетелем убийства, он мог быть только недобросовестным свидетелем. И в том, что это так, убедиться не сложно.

Материалами дела установлено, и это нашло отражение и в обвинительном заключении, и в приговоре суда, что после получения ножевого ранения, Александр Кирпа *бро-сил* бежать, что в это время за ним гнались, что упал он лишь тогда, когда добежал до общежития.

По этому поводу в *Обвинительном заключении* сказано:

“Кравец одной рукой схватил Кирпу А. за подбородок, а другой нанес ему дар ножом в живот.

Когда Кирпа А. начал *убегать*, Кравец погнался за ним... Кирпа, *добежав до общежития* ЖКО № 1, потерял силы и вскоре скончался” (стр. 12)

Так же освещены события и в *Приговоре*:

“Кравец нанес ему (Кирпе) сильный удар в область живота.

Потерпевший Кирпа Александр *вскрикнул и бро-сил* бежать в сторону общежития, а за ним с ножом *погнался* Кравец...

Кирпа, *добежав до общежития*, упал и вскоре скончался” (стр. 4).

Таким образом, повторяем, тот факт, что после нанесения ранения, потерпевший *убежал* с места происшествия, не вызывает никаких сомнений.

А вот как выглядели эти события в устах “свидетеля” *Говоруна*:

“Кравец Владимир держал руку за бортом пиджака и спросил у одного из своих: кто бил? Тот сказал, что не он, а потом посмотрел на Кирпу Александра, но ничего не успел ответить, как Кравец ударил Кирпу ножом...

Кирпа ойкнул, хотел бежать, но не смог и упал. Кравец ударил и смешался среди своих" (т. 2 л. д. 113-об., 114).

В дальнейшем, как известно, Говорун изменил эти свои показания, его показания были полностью приспособлены к показаниям Кирпы С., в них исчезли противоречия с показаниями Кирпы С. не только по данному вопросу, но и по другим, не менее важным, вопросам (см. ниже). Думается, что вряд ли бы все это удалось Говоруну сделать, вряд ли бы с большим доверием суд отнесся к его путанным показаниям, если бы в процессе следствия не было скрыто одно обстоятельство.

Оказывается, в то время, когда Говорун давал свои показания на следствии и в суде, он сам привлекался к уголовной ответственности за ограбление, ему самому грозила тюрьма.

Было ли что-либо обещано Говоруну за дачу ложных показаний на Кравца, грозили ли ему чем-либо — защита такими сведениями не располагает.

Известно лишь, что факт этот от суда был скрыт (нигде в материалах следствия о нем не упоминается) и что Говорун вскоре после дачи своих показания по делу Кравца был осужден за ограбление к 2-м годам лишения свободы условно (его соучастник Плисюк, был осужден к наказанию, связанному с лишением свободы) — см. газету "Дзержинец" от 11/IV-64 г., стр. 4, статья "Грабители наказаны" — прилагается.

И вновь возникает вопрос: почему этот факт не нашел отражения в следственных материалах, почему он был скрыт от суда? Или, может быть, следователь, ведущий расследование по делу Кравца, не знал, что его коллега, работник той же прокуратуры, ведет следствие по делу Говоруна?

3) 26/XII-63 г. Илларионов был освобожден из-под стражи и в тот же день он изменил свои показания, заявив, что убийства он не совершал.

А через неделю, 3/1-64 г., Илларионов вновь возвратился к своим первоначальным показаниям и сознался, что убийство Кирпы совершено им (этих показаний Илларионов уже придерживался до конца, во всех судебных заседаниях).

Возвращение Илларионова к своим прежним показаниям суд в Приговоре сейчас увязывает с тем, что якобы

вечером 3/1-64 г. на Илларионова было совершено нападение, что ему угрожали за изменение показаний, в связи с чем он на следующий день, т. е. 4/1-64 г., вновь возвратился к прежним показаниям (см. Приговор, стр. 10).

Забегая вперед, скажем, что по факту нападения на Илларионова вечером 3/1-64 г. велось расследование (т. 3 л. д. 86), но факт этот не подтвердился. (т. 6 л. д. 60)

Сам Илларионов впоследствии признался, что ему никто не угрожал, что это он выдумал и что изменил он свои показания не в связи с этим (т. 8 л. д. 192-об.).

Но главное не в этом. Главное в том, что выяснилось, что Илларионов возвратился к своим прежним показаниям на 4/1-64 г., а еще утром 3/1-64 г., что никак не могло увязываться с дракой, которая якобы имела место вечером 3/1-64 г.

По этому поводу сам *Илларионов* в суде показал:

“3/1-64 г. я говорил на очной ставке с Токаревым, что убийство совершил я, но запись не велась. Это было до того, как меня ранили в руку” (т. 5 л. д. 248).

И далее:

“3/1-64 г. вечером меня порезали, днем был у следователя и сказал, что я совершил убийство” (т. 5 л. д. 163).

И далее:

“Следователь проводил очную ставку. Я сказал, что я убил. Следователь Продан сказал, что я дурачок и отправит меня на Игрень (психо-больница — А. М.) — т. 5 л. д. 248-об.

Подтвердил эти обстоятельства и подс. *Токарев*:

“Протокол очной ставки велся, а потом, когда Илларионов сказал, что он убил Кирпу, то следователь порвал протокол” (т. 8 л. д. 251-об. и п. 3 утвержденных замечаний на протокол суд. заседания — т. 8 л. д. 390).

Подс. *Илларионов*:

“Да, было так, как показал Токарев”. (т. 8 л. д. 251-об.)

— Но, может быть, подсудимые говорят неправду, клеветают на следователя?

— Нет. Допрошенный по этому вопросу свид. *Скубицкий*, начальник КПЗ Городского управления милиции, показал:

“После того, как Илларионова освободили из-под стражи, в комнате № 15 отделения милиции следователь производил очную ставку с Илларионовым...”

И далее:

“Была очная ставка у *Токарева* с *Илларионовым*. Числа не помню, но примерно в январе месяце. В этот же день у *Токарева* было свидание с *бабушкой*. *Токарев* мне говорил, что *Илларионов* берет на себя”. (т. 5 л. д. 247-об., 248).

Такие же показания дал свид. *Скубицкий* и в последнем суд. заседании:

“При выводе *Токарева* на очную ставку с *Илларионовым* я присутствовал. Не знаю, велся ли протокол”

“В этот же день у *Токарева* было свидание с *бабушкой*” (т. 8 л. д. 252-об.).

Следовательно, после освобождения *Илларионова* из-под стражи у него была очная ставка с *Токаревым*, была в тот день, когда у *Токарева* было свидание с *бабушкой*. А какого числа было это свидание, думается, точнее всего может ответить сам следователь т. *Продан*:

“3/1-64 г. никакой очной ставки между *Илларионовым* и *Токаревым* не было. 3/1-64 г. *Токареву* было предоставлено свидание с *бабушкой* и *братом*”. (См. Объяснение *Продана* — т. 5 л. д. 312).

Комментарии излишни. Но возникают вопросы: *Почему не приобщен к делу протокол этой очной ставки? Почему он был скрыт от суда, зачем понадобилось вводить суд в заблуждение?* Наконец, как можно было 3/1-64 г. выносить Постановление о прекращении дела в отношении *Илларионова* и ссылаться в нем на то, что *Илларионов* отрицает свою вину, что он себя оговаривал (т. 3 л. д. 69), зная, что 3/1-64 г. на очной ставке с *Токаревым*, *Илларионов* вновь признал свою вину в убийстве?

Все это отдельные детали, разрозненные факты. Но они неопровержимо свидетельствуют: следствие велось крайне необъективно, с определенной тенденциозностью и предвзятостью. К материалам, собранным в таких условиях, необходимо относиться очень осторожно.

II. О ПРИЧАСТНОСТИ ИЛЛАРИОНОВА К УБИЙСТВУ АЛЕКСАНДРА КИРПЫ.

Прежде чем перейти к изложению доводов о порочности доказательств, положенных в основу обвинения Кравца, считаю необходимым обратить внимание на то, что вина Илларионова в убийстве Кирпы А. материалами дела полностью доказана, что само по себе исключает виновность в этом Кравца.

1) На всем протяжении следствия Илларионов признавал себя виновным в убийстве.

Признавал он себя виновным не только на допросах, (т. 2 л. д. 174, т. 3 л. д. 131, т. 4 л. д. 4 и др.), но и на очных ставках с другими обвиняемыми и свидетелями (т. 2 л. д. 166, т. 3 л. д. 148, т. 2 л. д. 112 и др.), на допросах в присутствии адвоката (т. 2 л. д. 168), в присутствии матери (т. 2 л. д. 172), в присутствии отца и директора школы (т. 2 л. д. 177).

Признавал Илларионов себя виновным в убийстве и в трех судебных заседаниях (т. 5 л. д. 155-163, т. 7 л. д. 159, т. 8 л. д. 191-194).

Никаких противоречий во всех этих показаниях Илларионова не имеется, и ни на одно из них суд в приговоре сослаться не мог (см. Приговор).

Уже одно это, само по себе, не могло не внушить доверия к показаниям Илларионова.

Довод суда о том, что Илларионов оговорил себя с целью "увести Кравца от ответственности" (а точнее — спасая его от грозящей смертной казни — см. обвинительное заключение — стр. 16, 17), является голословным и на материалах дела не основан. Этот довод опровергается, в частности, кассационной жалобой Илларионова, которую он подал после оглашения приговора, зная, что Кравцу уже не грозит смертная казнь.

В этой жалобе Илларионов писал:

“Меня купили свободой... Убийство совершил я. Я не хочу, чтобы меня всю жизнь мучила совесть, что за преступление, совершенное мною, отвечает другой, ни в чем не повинный человек” (т. 8 л. д. 403).

2) Как на следствии, так и в трех судебных заседаниях, подс. Кравец, Токарев, Миклушов, Исаенко и Шариков, не отрицая своей определенной вины в случившемся, показывали, что убил Кирпу Ал-ра Илларионов (см. их показания). Никаких противоречий в показаниях всех этих 5-ти подсудимых по данному вопросу не имеется, и на это суд в приговоре сослаться не мог (см. Приговор).

Полагаю, что это обстоятельство, само по себе, не могло не внушать доверия к показаниям всех подсудимых.

Ссылка суда на то, что, находясь в КПЗ, Токарев договорился с Илларионовым, чтобы он взял вину на себя, так как Кравцу может быть применена высшая мера наказания и что “под влиянием Токарева подс. Илларионов решил взять вину на себя” (см. приговор, стр. 10), является безосновательной и ни в коей мере не объясняет и не опровергает показаний всех подсудимых.

а) Даже если допустить, что такой сговор имел место и в нем, как указывает суд, приняли участие Токарев, Кравец и Илларионов — это не объясняет и не опровергает показаний подс. Миклушова, Исаенко и Шарикова о том, что убийство совершил Илларионов.

— Почему суд не поверил им? Почему отверг их показания? Понять это из приговора нельзя. Общая ссылка в приговоре на то, что здесь “имеет место сговор подсудимых”, без соответствующей расшифровки (когда, где, с какой целью договорились) не может быть признана достаточной для того, чтобы начисто отвергнуть показания трех подсудимых. Тем более, что в материалах дела не имеется никаких данных о том, что Миклушов, Исаенко и Шариков принимали участие в каком-то сговоре, направленном на то, чтобы выгородить Кравца.

б) Утверждение суда, что, находясь в КПЗ, Токарев договорился с Илларионовым, чтобы он взял чужую вину на себя, является неправильным и из материалов дела не вытекает.

На всем протяжении следствия и в трех суд. заседаниях подс. Токарев этот факт категорически отрицал и объяснял,

— что он действительно в КПЗ разговаривал с Илларионовым, но разговор этот носил другой характер: он рекомендовал Илларионову чистосердечно признаться в совершенном им убийстве, поскольку обвиняют в этом Кравца и Кравец больше не выдерживает, т. к. ему грозит смертная казнь (см. показания Токарева — т. 2 л. д. 35, т. 5 л. д. 135-137 и др.).

Подтвердил это и подс. Шариков:

“Токарев сидел в 4-й камере и стуком вызвал нас на разговор. Илларионов мне сказал, что Токарев передал: “Взросляк больше не выдерживает, его подставляют под вышак, расскажи правду...” Илларионов сказал: “Придется рассказать все, как было 29/IX”. (т. 2 л. д. 75-об.).

Показания Токарева и Шарикова подтвердил и Илларионов (см. его показания).

Для того, чтобы правильно оценить эти показания подсудимых следует иметь в виду, что еще до водворения в КПЗ они договорились не выдавать Илларионова, рекомендовали ему принять необходимые меры для искусственного создания алиби (см. ниже).

в) Суд утверждает в приговоре, что “факт сговора между подсудимыми подтвердили на следствии подс. Илларионов и свид. Коржов, Влахов, Зайцева и др. Указанные свидетели подтвердили эти обстоятельства и в суд. заседании” (стр. 10).

О показаниях Илларионова на следствии, тех самых, где он стал отрицать свою вину, и о том, почему Илларионов изменил свои показания, сказано выше, и нет нужды вновь к этому возвращаться.

Что же касается показаний свид. Коржова и Влахова (сокамерников), то ссылка на подобных свидетелей, сама по себе, вряд ли говорит о прочности обвинения. Помимо этого, из показаний этих лиц вовсе не вытекает, что разговор в камере носил ту форму, которую придал ему суд, а не ту, о которой говорили Токарев, Шариков, Илларионов и др.

Вот их показания:

Свид. Коржов (в прошлом судим 6-ть раз, наркоман, показания его впервые появились в деле через 2 м-ца после случившегося):

“Я могу подтвердить, что они его уговорили взять на себя вину” (т. 3 л. д. 164).

Очная ставка между свид. Коржовым и Токаревым, который категорически отрицал его показания, завершилась тем, что Коржов схватил Токарева за горло и стал душить (т. 3 л. д. 307, 308).

“При мне, — показал здесь Коржов, — малолетку не уговаривали в камере, был только разговор, что взрослый убил”. (т. 3 л. д. 309)

Ни на следствии, ни в суде Коржов не мог подтвердить, что в его присутствии кто-либо уговаривал Илларионова взять на себя чужую вину (т. 8 л. д. 232)

А вот показания свид. *Влахова* (в прошлом трижды судим, показания его впервые появились в деле через 3 м-ца после случившегося):

“В разговоре между ними они говорили, что убил “Ларик” (Илларионов). Согласно их разговору я понял, что убийство сделал Боб, а они договорились, что Ларик возьмет на себя” (т. 3 л. д. 166).

Очных ставок с обвиняемыми этому свидетелю в процессе следствия не делалось.

В первом суд. заседании он показал:

“Илларионов мне говорил, что убийство совершил он. Показания на следствии не подтверждаю. Я такого не говорил и при подписке не читал”. (т. 5 л. д. 256-об.-28)

Илларионов:

“Я говорил ему, что убил”. (т. 5 л. д. 287)

Во втором суд. заседании Влахов объяснил:

“Илларионов рассказывал, что убийство совершил он. Я еще спрашивал: А может быть не ты? А он говорил: Нет, я.

О том, что убийство совершил взрослый, я, конечно, ни от кого не слышал. Это шел общий разговор, и я такой вывод сделал. (т. 7 л. д. 176-176-об.).

И далее:

“Чтобы кто-либо говорил Илларионову о том, чтобы он убийство взял на себя, я этого не слышал”. (т. 7 л. д. 177-177-об.).

Свид. *Влахов* (в третьем суд. заседании).

“Я сидел в КПЗ вместе с Илларионовым. Он мне говорил, что совершил убийство.

Токарев и Исаенко говорили, что убийство совершил малолетка, но я им не верил”. (т. 8 л. д. 232)

— Как же можно строить обвинение Кравца на показаниях свидетелей Коржова и Влахова? Как можно серьезно утверждать, что свидетели эти подтвердили “факт сговора между подсудимыми”?

Никогда не подтверждала этого и свид. *Зайцева*, на которую ссылается суд.

В суд. заседании в мае м-це 1964 г. *Зайцева* показала:

“Я дружу с Илларионовым 3 года. Я получила от него письмо. Он писал, что все они молчали, но Кравец очень просил, и он колонулся (т. е. признался)”.

И далее:

Он писал:

“Мы решили молчать, но начали убийство *приписывать* Кравцу, и Вова колонулся...” (т. 5 л. д. 250-об.).

— Разве все это противоречит объяснениям Токарева, Илларионова и Шарикова?

Подтвердила свои показания *Зайцева* и в последнем суд. заседании:

“В письме Илларионова были слова, что Кравец “шили” и я “колонулся...” (т. 8 л. д. 269).

Ни на следствии, ни в суде *Зайцева* не говорила о сговоре между подсудимыми (см. любые ее показания).

При оценке показаний *Зайцевой* о содержании полученного письма следовало учитывать, что еще до водворения Илларионова в КПЗ ей говорили о том, что убийство совершил он, что Илларионов просил ее подтвердить его алиби (см. ниже). В своем письме, таким образом, Илларионов объясняет ей, почему он, вопреки договоренности, вынуж-

ден был признать свою вину — ведь этим самым он и ее подводил. Все это совершенно очевидно.

в) Безосновательна ссылка суда и на то, что якобы "Зайцева, Варава и отец подсудимого подтвердили, что Илларионов им говорил, что убийство он не совершал, однако будет утверждать это" (Приговор, стр. 10).

Прежде всего следует иметь в виду, что все эти свидетели ссылаются на разговор с Илларионовым, состоявшийся после его освобождения из-под стражи 26/XII-63 г. В это время Илларионов и на следствии говорил, что убийства он не совершал.

Чем было вызвано такое поведение Илларионова — подробно освещено выше.

Таким образом, очевидно, что если в это время Илларионов говорил указанным свидетелям, что убийства он не совершал — это еще ничего не доказывает. При оценке показаний отца Илларионова и Зайцевой (девушки, с которой Илларионов дружил) необходимо учитывать, что это близкие Илларионову люди, стремящиеся любым путем добиться его оправдания.

Что же касается заявления свид. Варава о том, что якобы на общем собрании рабочих, где обсуждался вопрос о взятии Илларионова на поруки, он говорил, что убийства не совершал, что убил Кирпу студент (т. 8 л. д. 276-об.), то эти ее показания опровергаются не только показаниями Илларионова (т. 8 л. д. 277), но и имеющимся в деле протоколом общего собрания, из которого усматривается, что ничего подобного Илларионов на собрании не говорил (т. 3 л. д. 84).

Обращает на себя внимание, что и до собрания, состоявшегося 12-го мая 1964 г., и после него Илларионов неоднократно допрашивался на следствии и суде и никогда ничего подобного он не показывал (см. многочисленные показания Илларионова).

3) *Тот факт, что именно Илларионов нанес ножом удар Кирпе А. подтвердил очевидец преступления — свид. Мазан Анатолий.*

Во всех своих показаниях подс. Илларионов ссылался на то, что после того, как Миклушов спросил: это он?, полагая, что сейчас начнется драка, он подбежал и нанес удар парню ножом.

"Миклушов кого-то остановил, — объяснял Илларионов, — я побежал к ним, т. к. думал, что может возникнуть драка. Миклушов спросил: это он?.. Я, не дождавшись ответа, ударил парня ножом" (т. 4 л. д. 4)

Нанесение удара ножом при таких обстоятельствах подтверждали и другие подсудимые:

Кравец:

"Миклушов спросил: это он? Я сказал, что он. В это время парень ойкнул, согнулся и побежал. Я думал, что его кто-то ударил кулаком в живот". (т. 2 л. д. 5)

И далее:

"Я сказал: это он. Кирпа в это время отклонился и в это время я увидел справа от меня мелькнула рука туда и назад. Это была рука Илларионова. Кирпа крикнул: "ой". (т. 3 л. д. 298)

Миклушов:

"Я спросил у Кравца: это он? Кравец ответил: этот, по-моему, был. В это время сбоку от Кравца Илларионов ударил того парня, на которого указал Кравец". (т. 3 л. д. 269-об.)

Токарев:

"Миклушов спросил: это он?..."

Кравец взял парня рукой за подбородок и говорит: это он. В этот момент Илларионов, немного оттолкнув меня в сторону, ударил ножом в живот того парня". (т. 2 л. д. 35)

Шариков:

"Илларионов сделал шаг к нему и ударил" (т. 3 л. д. 260)

Исаенко:

"В это время *вышел* из-за меня Илларионов, я увидел у него нож, он махнул рукой, и парень, согнувшись, убежал" (т. 3 л. д. 251-об.).

Объяснения Илларионова и других подсудимых о том, что удар ножом нанес не тот человек, который на вопрос Миклушова: это он?, ответил: он (т. е. Кравец), а другой

человек, полностью совпадают с показаниями очевидца преступления, свид. *Мазана*:

“Когда чей-то голос спрашивал: это он?, то того парня, который нанес удар Кирпе Ал-ру там не было.

Он находился сзади Кирпы, а потом *оббежал* кругом, и, *подбежав* к Кирпе, ударил его в живот” (т. 7 л. д. 188)

“Один спросил: это он? Другой *выскочил* и ударил” (т. 5 л. д. 295- 296).

Подтвердил свои показания свид. Мазан и в последнем судебном заседании:

“Человека четыре стояли возле Кирпы... а четыре затем быстро подбежали, один из них сзади меня *выскочил* и он нанес удар”.

“Я не могу утверждать, что погнался за Кирпой тот, который ударил”. (т. 8 л. д. 214)

— Как же отнесся суд к показаниям этого свидетеля?

— Поверил им или отверг?

К сожалению, ничего этого понять из приговора нельзя. Суд просто обошел *молчанием* эти показания, ни словом не обмолвился о них. И это не случайно — ведь свид. Мазан — *приятель погибшего*, он в этот вечер находился вместе с ним и его друзьями, он — “романковский”, и абсолютно не заинтересован что-либо исказить. Опровергнуть показания этого свидетеля, видимо, не просто, лучше о них промолчать. И приговор об этом безмолвствует, хотя версия, изложенная в нем, прямо противоречит тому, что рассказал свид. Мазан.

4. После убийства Илларионов, заметая следы, поменялся одеждой с Ильенко.

Это подтвердили:

Ильенко:

“Когда мы шли домой, Илларионов дал мне свой свитер, а мой пиджак одел. Переодевались в парке” (т. 5 л. д. 190-об.).

И далее:

“По дороге меня догнал Илларионов, он мне дал свой свитер, а я ему свой пиджак...” (т. 8 л. д. 239-об.).

Илларионов:

"Мы переодевались, чтобы подумали, что не я совершил убийство, чтобы никто не мог опознать" (т. 8 л. д. 241).

Никакой оценки этому факту суд в приговоре не дал.

5. Сразу же после убийства, до задержания, Илларионов просил Ильенко и Токарева не выдавать его.

На первом же допросе *Ильенко* об этом сказал:

"Илларионов ударил парня в живот... У клуба Илларионов сказал: я иду домой, меня ждет Света."

Мне Илларионов сказал: "если проболтаешься, то поставлю вилы. Я сказал: колоться не буду" (т. 2 л. д. 187)

В суде *Ильенко* показал:

"Илларионов меня просил молчать, я решил молчать, но когда узнал, что убийство шьют Кравцу, я решил сказать правду" (т. 8 л. д. 241).

Об этом же говорил и подс. *Токарев*:

"Все разбежались. Потом собрались недалеко от моста.

Кравец сообщил, что гнался за тем парнем, он упал и начал кричать, что его порезали...

После этого я зашел в подъезд, сказал Илларионову: "ты знаешь, "глушняк"... Илларионов ответил: "В натуре?" Я ответил: В натуре. Я посоветовал найти свидетелей, которые могли подтвердить, что он не был на пос. Днепрострой. Он сказал: "Найду" и спросил: "Несознанка?" Я ответил: "Конечно" (т. 2 л. д. 35-35-об.).

И далее:

"Когда не добежали до клуба, Илларионов говорил, что вделал парня...

По дороге домой я зашел к Илларионову, советовал, чтобы он подобрал свидетелей, что не был на Днепрострое. Он просил, чтобы мы его не предали". (т. 3 л. д. 281-282)

Показания Ильенко и Токарева подтвердила свид. *Зайцева*:

“Вечером 29/IX Илларионов приходил ко мне, стояли в подъезде. *Пришел Токарев*, и я ушла в комнату...” (т. 5 л. д. 250)

И далее:

“Вечером Токарев сказал Илларионову, что какой-то парень умер” (т. 8 л. д. 265-об.).

Подтвердил это и подс. *Шариков*:

“Перед тем, как Белов, Ильенко и Илларионов пошли от моста домой, у нас был разговор, чтобы не *выдавать* Илларионова.

По дороге домой Токарев, я, Нина, Оля и Люся зашли к Илларионову.

Токарев сказал Илларионову: ты же убил. Илларионов сказал, если будут спрашивать, он будет говорить, что был с девчонками, а в драке не был.

Мы зашли предупредить Илларионова, т. к. он не знал, что парень умер”. (т. 3 л. д. 261-об.).

И далее:

“У моста Илларионов просил не называть его” (т. 8 л. д. 189).

Об этом же говорила и свид. *Мухина Оля*:

“29/IX мы ехали с Токаревым и другими домой, и Токарев сказал, что ему надо зайти к Илларионову. Мы его обождали и через минут пять он возвратился. Затем мне Токарев сказал, что Илларионов кого-то ударил ножом и притом на смерть. (т. 5 л. д. 232-об.)

И далее:

“Когда мы находились в подъезде дома, я все время спрашивала Токарева кто же убил того парня, т. к. он еще в пути к Илларионову говорил, что *надо предупредить*, что на смерть убили. Мол, когда он об этом сказал Илларионову, то он побледнел. (т. 3 л. д. 174)

Подтвердила этот факт и свид. *Червоноокая Нина*:

"Мне Токарев говорил, он будет говорить, что его вообще не было на Днепрострое, чтобы скрыть, что убийство совершил Илларионов" (т. 5 л. д. 243-243-об.).

И далее:

"Мы заходили домой к Илларионову" (т. 8 л. д. 243-об.).

Показания всех этих лиц Илларионов подтвердил:

"Когда я стоял со Светланой в подъезде, подошел Токарев и сказал, что "глушняк", значит, что я убил, я переживал, конечно, и мы договорились с ним не колотьяся.

В этот же вечер, как Токарев сказал, что Кирпа убит, я сказал Светлане, чтоб она сказала, что я не участвовал и меня там не было..." (т. 5 л. д. 150-об.).

6. Подтвердил виновность Илларионова свид. Ильенко — очевидец преступления. В КПЗ он не содержался и договориться с Илларионовым и другими обвиняемыми не мог.

На первом же допросе Ильенко показал:

"Ребята окружили Миклушова и Токарева. Когда Кравец подошел, его спросили: он? Илларионов сразу ударил его в живот чем — я не видел, думал, кулаком ударил". (т. 2 л. д. 187) Подтвердил это Ильенко и на следующем допросе (т. 2 л. д. 190).

В дальнейшем, после освобождения Илларионова из под стражи, Ильенко по просьбе Илларионова изменил свои показания, и заявил, что он не видел, кто нанес удар Кирпе. (т. 2 л. д. 199)

В судебных заседаниях Ильенко объяснил причину изменения показаний и подтвердил, что ножевое ранение Кирпе нанес Илларионов (т. 5 л. д. 187, т. 7 л. д. 213, т. 8 л. д. 239).

7. Заметая следы, по совету Токарева Илларионов подговорил свид. Зайцеву, Карноева, Осауленко и Гончаренко подтвердить его алиби.

По просьбе Илларионова все указанные свидетели дали на следствии ложные показания, утверждали, что вечером 29/IX-63 г. Илларионов был с ними, т. е. подтвердили его алиби. (т. 3 л. д. 3, 4, 5, 8, 10, 11).

— *Зачем все это понадобилось делать, если Илларионов не совершал убийства?*

Никакой оценки этому поведению Илларионова суд в приговоре не дал.

8. Вина Илларионова подтверждается заключением судебно-медицинской экспертизы, установившей, что ранение Кирпе А. было причинено тем ножом, который 29/IX находился у Илларионова.

Из объяснения Илларионова и других подсудимых видно, что 19/IX, накануне случившегося, все они находились в парке. В это время у Илларионова был столовый нож с пластмассовой рукояткой синего цвета.

По этом поводу *Илларионов* показал:

“В парке я боролся. Нож мне мешал и я передал его Ильенко. Он стал бросать его в дерево. Потом мы перестали бороться, и Ильенко его вновь отдал мне. (т. 3 л. д. 132-об.)

И далее:

“Нож большой с синей ручкой”. (т. 3 л. д. 148)

Подтвердила это и свид. *Червоноокая*:

“В парке Илларионов и Кравец ссорились. Я видела нож у Илларионова, когда между ним и Кравцем завязалась борьба, нож был с синей колодочкой”.

Свидетельнице предъявлен нож с синей колодочкой:

“Такой нож у Илларионова я видела” (см. Протокол суд. заседания — т. 8 л. д. 244).

Об этом говорила свид. *Червоноокая* и на следствии:

“У Илларионова я видела большой нож с синей ручкой... Он его держал и крутил после драки с Кравцем” (т. 3 л. д. 185-об.).

Указанный нож после случившегося Илларионов передал Миклушову и они его вместе с Кравцем спрятали под камнем (см. показания Илларионова, Миклушова и Кравца — т. 3 л. д. 270-об., т. 3 л. д. 302, т. 3 л. д. 133-об.).

По заключению суд. мед. эксперта, ранение Кирпе было причинено этим или подобным ножом (см. п. 2 заключения — т. 4 л. д. 15).

9. Сразу же после задержания, до помещения в камеру, Илларионов сознался, что убийство совершил он.

Это подтвердил свид. Скубицкий, начальник КПЗ горуправления милиции:

“Я принимал Илларионова, он сказал, что заперол одного, а эти с булавой бегали” (т. 5 л. д. 249).

И далее:

“Действительно, в момент приема, а потом и в период содержания, Илларионов говорил, что убийство совершил он, а остальные с булавами бегали” (т. 7 л. д. 247-об.).

И далее:

“Я говорил с Илларионовым, и он говорил, что одного заделал” (т. 8 л. д. 251-об.).

Отвергая эти показания, суд записал в приговоре, что они не могут быть приняты во внимание, поскольку Илларионов при задержании вины своей не признавал, а на допросах 26 и 28/XII-63 г. утверждал, что вину взял на себя, договорившись с другими подсудимыми (см. Приговор, стр. 11).

Этот довод суда не может не вызвать недоумения.

— Так что же, свид. Скубицкий, офицер милиции, говорит неправду, дает ложные показания?

— Для чего и зачем?

Суд не ответил на эти вопросы, да и ответить на них трудно, т. к. очевидно, что то, что Илларионов вначале, на официальных допросах отрицал свою вину, вовсе не исключает того, что в неофициальном разговоре, при задержании, он мог сознаться, что совершил убийство.

Показания свид. Скубицкого опровергают основную версию обвинения: Илларионов еще до водворения в камеру, без всякого сговора, признавался в том, что убил.

10. Вина Илларионова косвенно подтверждается свид. Козубенко.

Признавая себя виновным в убийстве, Илларионов неоднократно показывал, что после этого он нож обмыл в луже.

“Мы с Шариковым, — показывал Илларионов, — зашли во двор, и я ему сказал, что ударил парня.

Во дворе я стал чистить нож о землю и *обмыл его в луже*" (т. 4 л. д. 5-об.).

И далее:

"Нож я чистил в луже" (т. 5 л. д. 156)

Это же подтвердил и *Миклушов:*

"Под деревом в старом саду Илларионов и Шариков *мыли нож в луже*" (т. 3 л. д. 270-об.).

Подтвердил это обстоятельство и подс. Шариков (т. 2 л. д. 73).

Все эти показания Илларионова и других подсудимых полностью совпадают с показаниями свид. *Козубенко*, которая объяснила:

"29/IX я вышла на балкон и увидела одного парня, за ним бежал другой. Первый убежал. Ко второму подбежали еще двое. Один был в расстегнутом пиджаке и в свитере под пиджаком. Третий подошел, постоял, вынул из рукава нож и начал его *обмывать в луже*" (т. 2 л. д. 123)

Подтвердила эти свои показания свид. *Козубенко* и на следующем допросе (т. 3 л. д. 159).

Никакой оценки этим важным показаниям суд, к сожалению, не дал.

11. *Многочисленные свидетели подтвердили, что еще до задержания и после Илларионов и другие обвиняемые рассказывали, что убийство совершено Илларионовым.*

Вот их показания:

Зайцева:

"30/IX я встретила Ильенко. Я спросила его, с кем они подрались. Он мне сказал, что во время драки убили парня. Я спросила, кто это сделал. Он сказал на Илларионова *Вовку*". (т. 3 л. д. 141)

И далее:

"С Ильенко я говорила на следующий день. Он говорил туманно, но я поняла, что *Кирпу убил Илларионов*" (т. 5 л. д. 252).

Червоноокая:

"Ильенко мне говорил, что он видел, что убийство совершил Илларионов". (т. 7 л. д. 208-об.)

И далее:

"На второй день Оля (Мухина) мне рассказывала, что ей говорил Токарев, что парня ударил Илларионов". (т. 3 л. д. 185)

Мухина:

"Токарев мне рассказал, что убил Илларионов". (т. 3 л. д. 174)

Агаркова:

"... я встретила Мухину, которая мне сказала, чтобы я не переживала за Кравца, т. к. ей Токарев сказал в тот же день, что Илларионов одного "швырнул". (т. 3 л. д. 187-об.).

Гулый:

"Мне Илларионов говорил, что я убил, а мне не верят" (т. 5 л. д. 201-об.).

Агаркова:

"Мне Илларионов говорил, что убийство совершил он, а ему не верят" (т. 5 л. д. 241, т. 8 л. д. 219).

Свистун:

"Я сидел с Илларионовым в КПЗ, он рассказывал, что совершил убийство" (т. 5 л. д. 268, т. 7 л. д. 238).

Белов: (приятель Илларионова)

"Он мне всегда говорил, что убил, а ему не верят". (т. 5 л. д. 276)

Плохий:

"Мне Токарев и Миклушов говорили, что убил "малышка", а дело на Боба "шьют". Миклушов говорил, что убил "Ларик" (т. 8 л. д. 238).

— Как отнесся суд к показаниям этих свидетелей, почему им не поверил?

Ответа на эти вопросы в приговоре нет. Лишь отвергая показания свид. Плохий, суд мотивировал свое решение тем, что "дескать в его присутствии подсудимые могли

специально вести такой разговор", "тем более, что этот свидетель *вызван по ходатайству защиты*" (?) — Приговор, стр. 11.

12. *То, что Илларионов способен был нанести удар ножом, косвенно подтверждается всем его поведением в общественных местах.*

Вот некоторые данные:

Свид. *Корень* (сотрудник милиции):

"Илларионова я знал, как нехорошего парня, которого часто задерживали работники милиции. Поведение у него плохое" (т. 5 л. д. 214).

Свид. *Недайвода* (сотрудник милиции):

"Илларионова я видел в милиции, т. к. его часто задерживали работники милиции" (т. 5 л. д. 218).

Если к изложенному добавить, что, будучи освобожденным из-под стражи по данному делу, Илларионов, находясь в нетрезвом состоянии, 12/II-64 г. вновь учинил дерзкое хулиганство (см. приговор), станет понятным, что Илларионов способен был совершить то преступление, в котором он признал себя виновным.

Суммируя все сказанное, следует прийти к выводу, что в материалах дела имеется больше, чем достаточно, доказательств, изобличающих Илларионова в убийстве.

Его вина подтверждена:

1. Признанием Илларионовым своей вины на многочисленных допросах и очных ставках в процессе следствия.
  2. Признанием Илларионовым своей вины в 3-х судебных заседаниях и в кассационной жалобе, адресованной Верховному суду УССР.
  3. Показаниями на следствии и в трех суд. заседаниях подсудимых Токарева, Кравца, Миклушова, Шарикова и Исаенко.
- Отсутствием всяких противоречий как в показаниях Илларионова, так и между показаниями всех подсудимых.
4. Показаниями свидетеля-очевидца Ильенко.
  5. Показаниями свидетеля-очевидца Мазана, которые полностью совпадают с показаниями Илларионова и других подсудимых.

6. Показаниями свидетелей Зайцевой, Червоноокой, Мухиной, Агарковой, Белого, Плохий, Гулый, Скубицкого, Свистуна и др.

7. Показания свид. Козубенко.

8. Всем поведением Илларионова после случившегося, тем, что он пытался искусственно создать алиби, что он поменялся одеждой с Ильенко и пр.

9. Актом суд. мед. экспертизы, подтвердившей, что ранение Кирпе было нанесено ножом, подобным тому, какой был 29/IX-63 г. у Илларионова.

— Что же противопоставил всем этим доказательствам суд? Почему признал виновным в убийстве не Илларионова, который себя таковым признавал, а Кравца, который всегда отрицал и отрицает и по сей день свою вину?

Никаких веских доводов в обоснование этого суд в приговоре не приводит.

III. О НЕОБОСНОВАННОСТИ ОБВИНЕНИЯ КРАВЦА В УБИЙСТВЕ

Не трудно убедиться, что те доказательства, которые положены судом в основу обвинения Кравца в убийстве, не выдерживают серьезной критики.

1. О показаниях Станислава Кирпы.

Суд ссылается на них, как на одно из *главных* доказательств. Между тем, при оценке этих показаний следует иметь в виду следующее:

а) До случившегося Станислав Кирпа совершено Кравца не знал (т. 7 л. д. 181-оборот).

б) Того человека, который нанес удар брату, Кирпа С. видел очень непродолжительное время, в условиях, при которых запомнить его было довольно тяжело.

В этой связи сам Кирпа С. пояснял:

“Ко мне подошел гражданин, немного выше меня, в темном пиджаке, без головного убора, волос темный. Рассмотреть на месте было нельзя, т. к. место было затемненное”. (т. 2 л. д. 105)

— Но если это так, если на улице было *темно и рассмотреть* подошедшего Кирпа С. не мог, каким же образом он его опознал?

— По каким приметам: по темному пиджаку, по темному волосу, или, может быть, по отсутствию головного убора?

Защита считает необходимым авторитетно заявить, что *никакого протокола опознания в деле вообще нет, по каким признакам опознал Кирпа С. Кравца неизвестно, и судить о достоверности этого опознания нельзя, т. к., по сути, никакого опознания и не было.*

Как показал сам Кирпа С., сразу же после случившегося его пригласили в Райотдел милиции, посадили в коридоре, и по одному проводили задержанных. В одном из них он и опознал убийцу. (т. 2 л. д. 105-об.).

Подтвердил это Кирпа С. и в суд. заседании:

“На следствии я опознал в дежурке через окошко. Мимо меня проводили, и я узнал его” (т. 5 л. д. 206-об., т. 7 л. д. 183).

Какова цена этому опознанию, проведенному с грубым нарушением ст. 174 УПК УССР, понять нетрудно.

Так обстоит вопрос с *главным* доказательством вины Кравца.

Не лишне при этом заметить, что когда на следующий день в отделение милиции пришел отец Кирпы, Кирпа П. Д., то его заверили там (еще до начала следствия), что убийцей его сына является Кравец (т. 2 л. д. 87). Нет никакой гарантии в том, что не заверили в этом и пришедших в отделение свид. Кирпу С. и Говоруна.

При оценке показаний Кирпы С. нельзя не учитывать не только возможность ошибочного опознания, но и возможность ошибочного восприятия случившегося. Если все обстояло так, как показывал Илларионов, и он в темноте, подбежав к группе ребят, буквально из-за спины Кравца, нанес удар ножом — то при таких условиях Кирпа С. просто мог ошибиться и решить, что удар нанес не Илларионов, а Кравец.

Такую возможность исключить также нельзя.

2. О показаниях Говоруна.

Как указывалось выше, показания этого свидетеля внушают очень большое сомнение в том, был ли он вообще 29/IX на месте происшествия. Это сомнение основано на том, что Говорун, вопреки установленным в ходе следствия бесспорным фактам, утверждал в своих первоначальных показаниях, что после ранения Кирпа А. никуда не бежал, а тут же упал (т. 2 л. д. 114).

В дальнейшем Говорун изменил свои показания, приспособил их к показаниям других лиц, но от этого цена этих показаний вряд ли повысилась.

Обращают на себя внимание и те *серьезные разноречия*, которые имеются в показаниях Говоруна и Кирпы С.

На всех допросах Говорун утверждал, что когда Кравец подошел к Кирпе А., он держал руку за бортом пиджака, и именно в этой руке у него был нож.

"Когда Кравец подошел, то держал руку за бортом пиджака, с внутренней стороны, — показывал Говорун (т. 2 л. д. 116).

И далее:

"Когда он спрашивал: он ли? *то правую руку держал за бортом пиджака*" (т. 3 л. д. 83).

И далее:

"Кравец взял Александра левой рукой за подбородок, а правой, которую *держал за бортом пиджака, выхватил нож и ударил*". (т. 3 л. д. 201-об.).

Эти показания Говоруна, вопреки утверждению суда, никак не вяжутся с показаниями свид. Кирпы С., который пояснил:

"Миклушов позвал всех ребят.

У Кравца я увидел нож. *Он его держал в руке открыто*. Миклушов спросил: это он? Кравец показал на брата и ударил". (т. 2 л. д. 104)

И далее:

"Как только подошел Кравец, я уже увидел у него *в руках нож, лезвие ножа выглядывало из-за рукава*". (т. 7 л. д. 265-265-об.).

Ссылка суда на то, что никаких разноречий здесь нет и что свидетели якобы просто видели разные моменты дей-

ствия, несостоятельна, т. к. очевидно, что Говорун и Кирпа С. рассказывают об одном и том же моменте — о том, где находилась рука Кравца, когда он подошел к группе ребят.

Нельзя не обратить внимание и еще на одно обстоятельство. Сейчас установлено, что ранение Кирпе А. было нанесено столовым ножом. Нож этот был изъят и подвергнут экспертному обследованию.

А вот что рассказал по поводу ножа свид. Говорун:

“Я видел, как Кравец вынул из-за борта пиджака складной нож, раскрыл его, когда опускал руку и т. д.”. (т. 2 л. д. 116)

Не трудно понять, что показания Говоруна о том, что ранение Кирпа А. было нанесено складным ножом, является сплошным вымыслом, т. к. оно противоречит не только показаниям всех осужденных, но и заключению суд. мед. экспертизы.

Об этом уже сказано выше, но считаю возможным еще раз повториться: возникают большие сомнения в добросовестности этого свидетеля. Не пытался ли он своими такими показаниями по делу Кравца вымолить снисхождение себе, по своему делу, связанному с ограблением?

Как бы там ни было, но очевидно, что на таких показаниях строить обвинение Кравца недопустимо.

3. О показаниях других лиц, на которых ссылается суд.

Защита берет на себя смелость утверждать, что помимо упомянутых показаний свид. Говоруна и Кирпы С., суд в приговоре не приводит больше никаких доказательств, изобличающих Кравца в убийстве.

Все другие свидетели, на которых ссылается суд (Руденко Алексей и Руденко Анатолий, Грицан и Слинко и др. — см. Приговор, стр. 9), ни в коей мере не уличают Кравца в совершении убийства. Смысл показаний всех этих свидетелей сводится к тому, что уже после случившегося, Кравец бежал за раненным Кирпой А. Это обстоятельство Кравец никогда не отрицал, наоборот, он всегда говорил:

“Я думал, что его кто-то ударил кулаком в живот и что этого ему мало, и погнался за ним” (т. 2 л. д. 4, т. 3 л. д. 79, т. 3 л. д. 298-об. и др.).

Противоречие между показаниями Кравца и всех указанных свидетелей состоит лишь в том, что некоторые из них говорят, что Кравец бежал за раненым Кирпой с ножом, а Кравец настаивает, что бежал за ним с качалкой (см. показания Кравца).

Не трудно понять, что если даже допустить, что Кравец говорит неправду, что гнался за раненым он с ножом, то это еще не уличает его в убийстве, т. к. установлено, что Кирпе был нанесен один удар ножом и нанесен он был не тогда, когда он бежал, а в то время, когда он стоял на месте.

Таким образом, повторяем, все перечисленные свидетели, по сути, ни в чем Кравца не уличают. Лишь справедливости ради защита считает необходимым указать на то, что из их показаний вряд ли можно делать категорический вывод о том, что Кравец бежал за Кирпой А. с ножом, а не с качалкой.

Вот их показания:

Руденко Анатолий (на следствии):

"Я крикнул держи и побежал за ним. В руках у него я ничего не заметил". (т. 2 л. д. 122)

Он же (в суде):

"Что было у него в руках, я не заметил.

Утверждать, что это был нож или швейка, не могу" (т. 7 л. д. 192- об.)

Руденко Алексей (1897 г. рождения, 66 лет):

"За ним бежал парень с ножом". (т. 2 л. д. 120)

"В правой руке у него был нож, а в левой было что-то зажато, но что я не видел" (т. 3 л. д. 150)

"За ним бежал Кравец и держал кухонный нож в руке. На качалку не похоже" (т. 8 л. д. 226-об.)

На очной ставке с Кравцем *Руденко Алексей* показал:

"В правой руке он держал предмет с ручкой, напоминающий нож. Точно рассмотреть я не мог".

Слинько:

"Он бежал за парнем с ножом. Нож я у Кравца 29/IX видела складной". (т. 7 л. д. 201-об., 202-об.)

Ссылка суда на то, что свидетели Руденко Алексей и Руденко Анатолий слышали, как убегая от Кравца, Кирпа А. произнес: "Он меня порезал и гонится за мной", является несостоятельной.

Категорически этого свидетели не утверждали. В частности, свид. Руденко Алексей на следствии и в суде об этом вообще ничего не говорил (т. 2 л. д. 120, т. 3 л. д. 150, т. 8 л. д. 225).

Он лишь объяснял, что парень бежал и кричал:

"Спасите, я умираю!" (т. 2 л. д. 120).

А Руденко Анатолий так показывал:

"Бежал парень, кричал: "Держите, меня порезали..." Уточнить, как сказал потерпевший: "он" или "они" его порезали, я не уточню."

И далее:

"Сказал он: порезал или порезали его, не могу уточнить" (т. 5 л. д. 219-об.-220).

Думается, что из подобных показаний вряд ли можно делать те далеко идущие выводы, которые сделал суд, тем более, что и здесь не исключено, что в темноте Кирпа А. мог и не увидеть, кто именно нанес ему дар ножом и добросовестно считать, что ранил его тот, кто гонится за ним.

Несостоятельна ссылка суда и на показания свид. Бадай. Из одного слова "знаю", которое якобы произнес умирающий, еще нельзя делать вывод, что это относилось именно к Кравцу. Нельзя не учитывать и того, что потерпевший мог здесь иметь в виду, не только то, что он знал ранее того, кто нанес ему удар, а то, что он *может опознать преступника, т. е. знает, кто его порезал.*

Подводя итог сказанному, следует сделать вывод, что в материалах дела имеются неопровержимые данные, свидетельствующие о причастности к убийству Илларионова. Что же касается Кравца, то вина его обоснована доказательствами, внушающими серьезные сомнения. Нельзя в этой связи не обратить внимание на ту серьезную ошибку, которая была допущена коллегией Верховного Суда УССР, рассматривавшей данное дело 9/XII-64 г. Коллегия не только удовлетворила необоснованный протест Прокурора на возвращение дела к доследованию, но и, в нарушение ст. 376 КПК УССР, предопределила осуждение Кравца, сослав-

шись на то, что якобы никаких противоречий в показаниях Кирпы С. и Говоруна не имеется (см. Определение от 9/XII-64 г.).

Это незаконное указание вышестоящего суда, которое суд механически повторил в приговоре, сыграло не последнюю роль в том, что Кравец был неосновательно осужден.

IV. О ПРИЧАСТНОСТИ ТОКАРЕВА К НАНЕСЕНИЮ ТЯЖКИХ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ ВОВЧЕНКО.

Переходя к данному пункту обвинения, необходимо прежде всего обратить внимание на следующее:

1) Совершенно непонятно, почему действия Кравца (так же, как и Токарева) квалифицированы ч. II ст. 101 УК УССР. Не трудно понять, что если все происходило так, как обозначено в Приговоре, и два ножевых ранения, отнесенных к категории тяжких, были нанесены Вовченко в драке, действия виновных следует квалифицировать не ч. II, а ч. 1 ст. 101 УК.

То, что после нанесения ранений, Вовченко продолжали избивать, не меняет юридической оценки содеянного, т. к. все другие побои, которые ему нанесли, не относятся к категории тяжких (см. Заключение экспертизы — т. 2 л. д. 98).

2) Почти на всем протяжении следствия и в трех судебных заседаниях подс. Токарев полностью признавая свою вину, утверждал, что оба ножевых ранения Вовченко нанес он (см. показания Токарева).

Обращает на себя внимание, что если свое несогласие с показаниями Илларионова, который признал себя виновным в убийстве, суд в приговоре соответствующим образом мотивировал, сославшись на то, что это самооговор, направленный на смягчение вины Кравца, то свое негативное отношение к показаниям Токарева суд вообще никак не мотивировал.

— Почему Токарев оговаривал себя? Почему он взял вину на себя? С какой целью он выгораживал Кравца?

Ни на один из этих вопросов в приговоре суда ответа нет.

Молчание, которым обойдены все эти важные вопросы, объясняется тем, что ответить на них было нелегко, т. к. в материалах дела содержатся бесспорные данные, свидетельствующие о том, что Токарев себя не оговаривал, что

оба ножевых ранения Вовченко нанес он. Это, само по себе, исключает вину Кравца по ст. 101 УК УССР.

Вот эти доказательства:

1. Почти на всем протяжении следствия Токарев свою вину в нанесении Вовченко двух ножевых ранений признавал.

Еще 10/X-63 г., а затем и 25/XI-63 г. Токареву было предъявлено обвинение в нанесении Вовченко двух ножевых ранений (т. 2 л. д. 27 и 30). В это время Токарев свою вину в предъявленном обвинении отрицал (т. 2 л. д. 28 и 31).

Впоследствии, однако, Токарев свою вину полностью признал и объяснил:

“Я подбежал к Миклушову и Вовченко. Он ударил меня кулаком в лицо. Я хотел его *кольнуть*. После первого удара он не реагировал, поэтому нанес второй”. (т. 3 л. д. 276).

И далее:

“Сначала я не говорил, т. к. ст. 101 УК вменили мне, и я полагал, что вина по этой статье не будет доказана.

Но когда вменили Кравцу, я не хотел, чтобы за мое преступление отвечал кто-то другой, и поэтому решил рассказать”. (т. 3 л. д. 279)

2. Свои показания Токарев подтвердил в трех судебных заседаниях.

В последнем суд.заседании Токарев показал:

“Я подбежал, вытащил нож и два раза ударил Вовченко ножом в спину” (см. Протокол суд.заседания и п. 2 утвержденных судом Замечаний на протокол суд.заседания — т. 8 л. д. 390).

Такие же показания дал Токарев и в предыдущих суд.заседаниях (т. 5 л. д. 127, 133, т. 7). Никаких противоречий в показаниях Токарева не имеется.

3. Как на следствии, так и в суде, отрицая свою вину, Кравец показывал, что ножевые ранения Вовченко нанес Токарев.

На допросе 4/X-63 г. Кравец показал:

“По дороге Токарев нам сообщил, что он тому парню, которого мы избивали возле забора, нанес в спину ножевое ранение *два раза*.”

Миклушов ему сказал, что я видел, как ты наносил ему ножевые ранения, и одновременно показал на пальцах сколько оставалось ножа незагнано в спину потерпевшего...” (т. 2 л. д. 8).

Эти свои показания Кравец подтверждал всегда, на следствии и в трех суд. заседаниях. (т. 3 л. д. 289, т. 5 л. д. 115 и др.).

Никаких противоречий между показаниями Кравца и Токарева нет, и на это обстоятельство суд в приговоре не ссылается.

4. Уличал Токарева в нанесении ножевых ранений Вовченко и подс. Миклушов.

“Я ранее давал показания, что не видел и не слышал, кто нанес ножевой удар, — показал Миклушов 4/Х-63 г.

Фактически, когда мы отошли от клуба, то Токарев сказал, что он его “уделал”, т. е. он нанес ножевое ранение одному из тех, кто был возле клуба...” (т. 2 л. д. 38).

Такие же показания давал Миклушов и на других допросах. (т. 3 л. д. 267 и др.).

В суде он заявил:

“Я видел только один удар Токарева Вовченко, а он говорил, что было два” (т. 5 л. д. 142 и др.).

5. Показания Токарева о том, что оба ножевых ранения были нанесены Вовченко одновременно, подтвердил на следствии потерпевший Вовченко.

“Когда я схватился за забор и пытался подняться, в этот момент меня под правую лопатку ударили два раза ножом”. (т. 2 л. д. 89- об.).

6. Показания Токарева о том, что ножевые ранения Вовченко были нанесены одним человеком, подтвердил и Станислав Кирпа:

“Я увидел, — показал Кирпа С. 29/IX-63 г., — как один с ножом, как я слышал, его называли Вовка

или Сашка, нанес Вовченко два удара в спину..."
(т. 1 л. д. 18)

7. В нанесении ножевых ранений Вовченко Токарева уличает свид. Мухина.

На следствии Мухина показала:

"28/IX, когда мы ехали в автобусе, Токарев говорил мне, что он порезал парня в грудь возле клуба. Этот нож Токарев отдал мне, чтобы я его спрятала". (т. 3 л. д. 174-об.)

Такие же показания давала Мухина и в трех судебных заседаниях:

"Вовченко порезал Токарев, т. к. он мне говорил, что ударил ножом куда-то в грудь. Нож я у него забрала в автобусе". (т. 5 л. д. 232, 233-об. и др.)

8. Вина Токарева подтверждается вещественным доказательством — ножом, изъятым у Мухиной.

26/II-64 г. у Мухиной был изъят карманный нож. При изъяти ножа Мухина сообщила, что данный нож передал ей в автобусе 28/IX после драки возле клуба Токарев (см. Протокол изъятия — т. 3 л. д. 180).

9. Вина Токарева косвенно подтверждается тем, что оба ранения, причиненных Вовченко, расположены в области правой лопатки, неподалеку одно от другого (т. 2 л. д. 98).

Это в определенной мере свидетельствует о том, что ранения эти были причинены почти одновременно, одним и тем же лицом. Слишком невелика вероятность того, чтобы в драке два человека, независимо друг от друга, в разное время могли нанести потерпевшему удары ножом почти в одно и то же место.

10. Вина Токарева подтверждена актом судебно-медицинской экспертизы.

Из акта суд. мед. экспертизы усматривается, что оба ранения Вовченко причинены ножом, изъятым у Мухиной.

"Учитывая длину повреждения на одежде Вовченко, — значитесь в акте экспертизы, — полагаю, что данные повреждения могли быть нанесены ножом с шириной лезвия 1,4 — 1,6 см. Таким ножом мог быть, в частности, нож, представлен-

ный следователем и описанный в п. 5 (изъятый у Мухиной) — т. 4 л. д. 15.

Таким образом, из 5-ти ножей, изъятых у подсудимых и направленных на экспертизу, последняя пришла к выводу, что оба ранения причинены Вовченко одним и тем же ножом, и при этом ножом, принадлежащим Токареву.

Если к изложенному добавить, что в прошлом Токарев был судим за злостное хулиганство (см. Приговор), станет понятным, что он способен был совершить то преступление, в котором он признавал себя виновным.

Суммируя все сказанное, следует прийти к выводу, что в материалах дела имеется больше, чем достаточно, доказательств, изобличающих Токарева в нанесении двух ножевых ранений Вовченко.

Вина Токарева подтверждена:

1. Признанием Токаревым своей вины на многочисленных допросах в процессе следствия.
  2. Признанием Токаревым своей вины в трех судебных заседаниях.
  3. Показаниями на следствии и в трех судебных заседаниях обв. Кравца и Миклушова.
  4. Показаниями на следствии и в трех суд. заседаниях свид. Мухиной.
  5. Показаниями потерпевшего Вовченко и свид. Кирпы С.
  6. Вещественным доказательством — ножом, изъятым у Мухиной.
  7. Фактом нанесения Вовченко двух ранений в одно и то же место — в область правой лопатки.
  8. Заключением суд. мед. экспертизы о причинении ранений Вовченко одним и тем же ножом, принадлежащим Токареву.
- Что же противопоставил всем этим доказательствам суд? Почему признал, что одно ножевое ранение Вовченко нанес Токарев, а другое Кравец?

Никаких доводов в обоснование этого суд в Приговоре не приводит.

У. О НЕОБОСНОВАННОСТИ ОБВИНЕНИЯ КРАВЦА В ПРИЧИНЕНИИ ТЯЖКИХ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ.

На всем протяжении следствия и в трех судебных заседаниях Кравец свою вину в этой части отрицал категорически.

Не трудно убедиться, что те доказательства, которые положены судом в основу обвинения Кравца, не выдерживают серьезной критики.

1. О показаниях потерпевшего Вовченко.

Суд ссылается на них, как на одно из *главных* доказательств. Такая оценка судом показаний Вовченко не может не вызвать недоумения:

а) В момент нанесения ранений Вовченко находился в состоянии *сильного алкогольного опьянения*.

В акте суд. мед. экспертизы имеется такая пометка:

“Поступил в отделение в состоянии *резко выраженного* алкогольного опьянения” (т. 2 л. д. 98).

Излишне убеждать, что уже по одному этому к показаниям Вовченко нельзя относиться с большим доверием.

б) Вовченко был настолько пьян, что впоследствии опознал, как участника драки, совершенно постороннего человека — Панова, и не опознал Токарева (т. 2 л. д. 93).

в) В процессе следствия Кравец для опознания Вовченко не предьявлялся (см. материалы дела).

а) В своих первоначальных показаниях Вовченко утверждал, что оба ножевых ранения ему были нанесены в тот момент, когда на него сзади набросилось 7-мь парней (т. 1 л. д. 15).

В дальнейшем, Вовченко уточнил, что ранение нанес ему парень, “наивысший ростом из всех 4-х” (т. 2 л. д. 92). Эти приметы не совпадают с приметами Кравца, т. к. выше всех ростом были Токарев и Миклушов.

д) На допросе 24/XII-63 г. Вовченко показал:

“Кто нанес мне удар, я не видел, но считаю, что Володька, который первый ко мне подбежал, т. к. кроме него сзади никого не было” (т. 2 л. д. 96).

е) На очной ставке с Кравцем, 27/XII-63 г., Вовченко прямо заявил:

“Кравца я не знаю, не видел его 28/IX-63 г., когда меня избивали”.

“Какая его роль в избиении меня не могу сказать, т. к. могу ошибиться. Был ли он среди избивавших меня, не могу сказать” (т. 2 л. д. 99).

И далее:

“Кто меня ударил ножом в спину, я не видел.

Полагаю, что ножевое ранение мне нанес тот парень, который первый подошел к нам” (т. 2 л. д. 101).

ж) В судебном заседании Вовченко подтвердил эти показания и пояснил:

“На опознании я говорил, что лично не утверждаю, что это был Кравец, но когда сказали, что это Вовка, то только у Вовки был нож, и меня только он мог ранить” (т. 5 л. д. 170-об.).

Комментарии, думается, излишни.

Так обстоит вопрос с главным доказательством вины Кравца.

2. О показаниях свид. Слинько.

Свид. Слинько не видела, как Кравец нанес удар ножом Вовченко. Этого, ни на следствии, ни в суде, Слинько никогда не утверждала (см. любые ее показания).

Что же касается ее показаний о том, что в момент драки в руках у Кравца был нож, то Кравец никогда этого не отрицал, но показывал, что ножом этим он Вовченко ударов не наносил. (т. 2 л. д. 18, т. 3 л. д. 289 и др.).

Вряд ли можно считать убедительной и ссылку на показания Слинько, которая, якобы видела, как после драки Кравец вытирал окровавленные руки и нож о рубашку.

Прежде всего, по этому вопросу Слинько давала на следствии и в суде весьма разноречивые показания. Помимо этого, Кравец никогда не отрицал, что принимал участие в драке, в которой был ранен Вовченко, и нет ничего удивительного в том, что у него и руки и нож, который находился в руках, могли оказаться в крови. Доказательством того, что ранение Вовченко было причинено Кравцем, это никак являться не может.

3. О поведении отца Кравца.

С доводом суда о том, что поведение отца подс. Кравца, Кравца Алексея Нестеровича, косвенно подтверждает вину сына, согласиться нельзя.

Известно, что на второй день после случившегося Владимир Кравец был арестован и никакого общения со своим отцом он не имел. Виновен ли сын в нанесении ножевых ранений Вовченко, в какой степени, кто нанес эти ранения — ничего этого доподлинно отец Кравца не знал и знать не мог.

Уже после ареста сына, со слов работников милиции, отец Кравца В. узнал, что якобы его сын порезал Вовченко (см. показания Кравца А. Н.).

Не трудно понять, что при таких условиях поведение отца, узнавшего, что сын арестован и обвиняется в тяжком преступлении, и стремящегося в какой-то степени смягчить его вину, ни в коем случае не может быть расценено, как улика, изобличающая Владимира Кравца в совершении преступления.

Вывод из всего этого очевиден:

В материалах дела имеются неопровержимые данные, свидетельствующие о том, что оба ножевых ранения Вовченко нанесены Токаревым. Никаких доказательств причастности Кравца к совершению этого преступления в деле нет.

— * —

В заключение считаю необходимым сказать несколько слов о личности Владимира Кравца.

Рос и воспитывался в простой рабочей семье. "Учился на 4-м курсе Днепродзержинского металлургического техникума. Член ВЛКСМ. К учебе относился добросовестно. Учился на "хорошо" и "отлично". Принимал активное участие в общественной жизни группы, был избран профоргом группы. В техникуме вел себя хорошо. В прошлом не судим". (см. характеристику — т. 1 л. д. 209).

В нелегких условиях тюремного заключения Кравец В.А. Находится свыше 5-ти лет.

— * —

В силу изложенного Прошу истребовать настоящее дело из Днепропетровского областного суда и внести протест на предмет отмены приговора суда и возвращения дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Приложения:

1. Копия Приговора Коллегии Днепропетровского облсуда от 26/II-65 г. — на 15-ти листах.
2. Копия Определения Коллегии Верховсуда УССР от 17/VIII-65 г. — на 10-ти листах.
3. Газета "Прапор юности" от 12/II-64 г.
4. Газета "Дзержинец" от 11/IV-64 г.

Адвокат
Москва
"30" ноября 1968 г.

А. Л. Мове

***

На эти свои жалобы я получил вскоре отрицательный ответ. Обращаться в Прокуратуру СССР не было никакой возможности, поскольку до этого, в течение нескольких лет отец осужденного не только многократно туда обращался, но и был на личных приемах практически у всего высокого руководства Прокуратуры СССР.

Попробовал обратиться в Верховный суд СССР, где был на личном приеме у Председателя судебной коллегии по уголовным делам Г. З. Анашкина. Дело было вновь истребовано для дополнительной проверки, однако безрезультатно.

Полученный отрицательный ответ был мною обжалован.

Из досье адвоката

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ
ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР**

тов. Анашкину Г. З.

Адвоката **МОВЕ А. Л.**
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8,
Мособлюрконсультация

По делу

КРАВЦА Владимира Алексеевича, осужден. 26/II-65 г. коллегией Днепропетровского облсуда, по ст. 93 п. "б". 101 ч. III, 81 ч. II УК УССР на 15-ть лет лишения свободы.

ЖАЛОБА

По моей жалобе Вами было поручено руководству Верховсуда УССР истребовать и проверить в порядке надзора данное уголовное дело.

Тот ответ, который был затем получен из Верховного суда УССР свидетельствует о том, что никакой глубокой проверки дела там произведено не было.

В частности:

1. В своей жалобе защита обращала внимание на то, что из дела в процессе доследования изъяты важные процессуальные документы: Определение коллегии Днепропетровского облсуда от 1/II-64 г. о возвращении дела к доследованию, первоначально составленное обвинительное заключение, Постановления следователя об отклонении ходатайств защиты и др. (стр. 2-4 жалобы).

Парируя этот довод защиты, автор ответа из Верховсуда УССР ссылается на то, что это опровергается сообщением из Прокуратуры, согласно которому дело якобы 1/II-64 г. в распорядительном заседании не слушалось.

Такое утверждение не может не вызвать недоумения. В своем Постановлении о продлении срока ведения следствия от 18/II-64 г. следователь записал (дословно):

"16/1-64 г. следствие по делу было закончено и дело направлено в Днепропетровский Облсуд, который 1/II-64 г. возвратил его к доследованию, в связи с тем, что не установлено, кто конкретно совершил убийство Кирпы и нанес тяжкие повреждения Вовченко..."

И далее:

"По делу, согласно Определению суда необходимо выполнить следующее:

- 1) Суд считает необходимым подробно допросить обвиняемых.
- 2) Суд считает необходимым подробно допросить Токарева.
- 3) Суд считает необходимым..." и т. д. и т. п. (т. 3 л. д. 121)

— Как же можно после всего этого утверждать, что дело не являлось предметом рассмотрения распорядительного заседания суда, и отрицать изъятие из дела судебного определения, ссылаясь на информацию работников прокуратуры?

Изъятие из дела Определения суда, обвинительного заключения, других важных процессуальных документов — является беспрецедентным нарушением законности и, думается, что в данном случае необходимо проведение самого серьезного и глубокого служебного расследования, а не ссылка на отсутствие этих документов в наблюдательном производстве Прокуратуры.

2. В жалобе защиты приводился целый ряд доказательств, свидетельствующих о том, что убийство Кирпы А. было совершено не Кравцем, а Илларионовым (стр. 13-31 жалобы).

Все эти доводы защиты обойдены молчанием в ответе Верховсуда УССР. И это не случайно.

— Чем, например, можно опровергнуть показания свид. Ильенко (приятеля Илларионова), с которым Илларионов, заметая следы, сразу же после убийства поменялся одеждой?

— Чем можно опровергнуть показания свид. Мазана (приятеля погибшего), который хорошо видел, что удар ножом нанес не тот человек, который разговаривал с потерпевшим (Кравец), а совершенно другой, тот, который находился в это время сзади Кирпы (Илларионов)?

— Чем можно опровергнуть показания всех подсудимых, свид. Мухиной, Чевонюковой и др., которым Илларионов сразу же рассказал о содеянном и которых он просил не выдавать его и т. д. и т. п.? — см. жалобу стр. 13-31.

Опровергнуть все это, видимо, невозможно, и поэтому автор ответа из Верховсуда УССР обходит все это молчанием.

3. Свою вину в убийстве Илларионов признавал не только на допросах в процессе следствия, но и в трех судебных заседаниях.

Довод суда о том, что Илларионов оговорил себя, с целью спасти Кравца от грозящей ему смертной казни, является голословным и на материалах дела не основан.

В своей кассационной жалобе, которую Илларионов подал после оглашения приговора, зная, что Кравцу уже не грозит смертная казнь, Илларионов писал:

“Меня купили свободой... Убийство совершил я. Я не хочу, чтобы меня всю жизнь мучила совесть, что за преступление, совершенное мною, отвечает другой, ни в чем не повинный человек” (т. 8 л. д. 403).

Убийство Кирпы было совершено в августе м-це 1963 г. т. е. около 7-ми лет тому назад.

В настоящее время Илларионову 25-ть лет, он уже, видимо, обзавелся семьей, детьми и ему, конечно, вряд ли хочется променять все это на тюрьму.

Однако уверен, что и сейчас, спустя 7-мь лет Илларионов, если у него сохранилась хоть капля совести (а по всему видно, что она у него есть), вряд ли будет отрицать, что убийство Кирпы — дело его рук.

Думается, что не было бы ничего противозаконного в том, если бы сейчас, при проверке дела, Илларионов был дополнительно опрошен по обстоятельствам случившегося. Вреда от этого не будет никакого, а польза может быть несомненная.

4. Не соглашаясь с доводами защиты о неосновательном осуждении Кравца за нанесение тяжких телесных повреждений Вовченко, т. Кузовкин утверждает, что якобы в этом Кравец уличается показаниями потерпевшего Вовченко. Такая ссылка не может не вызвать недоумения. В момент нанесения ранений Вовченко находился в состоянии *сильного алкогольного опьянения* (см. акт экспертизы — т. 2 л. д. 98).

Вот выдержки из показаний *Вовченко*:

“Кравца я не знаю, не видел его 28/IX-63 г., когда меня избивали. Какая его роль в избиении меня, не могу сказать, т. к. могу ошибиться. *Был ли он среди избивавших меня, не могу сказать*” (см. т. 2 л. д. 99 — очная ставка с Кравцем).

Далее:

“Кто меня ударил ножом в спину, я *не видел*” (т. 2 л. д. 101).

В судебном заседании:

“На опознании я говорил, что *лично не утверждаю, что это был Кравец*, но когда сказали, что это Вовка (кстати, и Токарев, и Илларионов — тоже “Вовки”), то только у Вовки был нож, и меня только он мог ранить”. (т. 5 л. д. 170-об.).

Комментарии, думается, излишни.

5. Почти на всем протяжении следствия и в трех судебных заседаниях, полностью признавая свою вину, подс. Токарев Владимир утверждал, что оба ножевых ранения Вовченко нанес он.

Обращает на себя внимание, что если свое несогласие с показаниями Илларионова суд в приговоре как-то мотивировал, то свое отрицательное отношение к показаниям Токарева суд вообще никак не мотивировал.

— Почему Токарев оговаривал себя? Почему он взял вину на себя? С какой целью он выгораживал Кравца?

На все эти вопросы нет ответа в приговоре, обошел их молчанием в своем ответе и т. Кузовкин. И все это не случайно, т. к. тот факт, что тяжкие телесные повреждения были причинены Вовченко не Кравцем, а Токаревым подтверждается не только признанием Токарева, но и показаниями обв. Кравца и Миклушова, свид. Мухиной, свид. Кирпы С., изъятым у Мухиной ножом Токарева и др. доказательствами — см. стр. 38-43 жалобы.

В связи с изложенным и учитывая несерьезный характер той проверки, которая была произведена в Верховном Суде СССР, прошу Вашего личного вмешательства.

Прошу дать указание о проведении *служебной проверки* обстоятельств изъятия из настоящего дела ряда важных процессуальных документов.

Одновременно прошу провести *повторную глубокую* проверку обоснованности осуждения Кравца В. А.

Было бы весьма желательно, если бы проведение указанных проверок было поручено незаинтересованным лицам — работникам любого Военного трибунала армии.

Адвокат
"17" ноября 70 г.

Мове А. Л.

...

Ответ, к сожалению, был отрицательный, и я вынужден был сообщить убитому горем отцу о том, что возможности дальнейшего обжалования приговора исчерпаны и работа по делу прекращена. Поверьте, что такие строчки, в особенности тогда, когда убежден в несправедливости судебного решения, пишутся не чернилами, а собственной кровью.

Дело Александра Васильева. Изнасилование?

Это дело носило принципиальный характер, поскольку в нем ставился вопрос об отграничении изнасилования от некоторых других преступлений, совершаемых на сексуальной почве.

Именно поэтому и было принято решение о включении его в сборник.

Получив отрицательные ответы из Верховного суда и Прокуратуры РСФСР, я обратился с жалобой в Прокуратуру СССР

Из досье адвоката

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ Союза ССР

Адвоката **МОВЕ А. Л.**
Москва, ул. Баррикадная, д. 8-в,
Московская областная
юридическая консультация)

по делу

**ВАСИЛЬЕВА Александра
Ивановича**

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Приговором коллегии Ставропольского краевого суда от 25 июня 1986 г. Васильев А. И. признан виновным и осужден по ч. 4 ст. 117 УК к 10-ти годам лишения свободы.

Определением коллегии Верховного суда РСФСР от 10 сентября 1986 г. приговор оставлен без изменения.

Вышеуказанные судебные решения представляются **явно** неправильными и подлежащими изменению по следующим основаниям.

I. О СПРАВЕДЛИВОСТИ СУДЕБНОГО ПРИГОВОРА

Как известно, при определении меры наказания суд обязан учитывать *степень вины подсудимого и его личность*.

В данном конкретном случае (даже если исходить из правильности квалификации действий Васильева ст. 117 УК — об этом см. ниже), это важное требование закона судом было игнорировано.

Из материалов дела усматривается, что в прошлом Васильев *не судим*. По окончании с *отличием* 8-ми классов средней школы, Васильев с отличием закончил Ставропольское мед. училище, после чего служил в рядах *Советской Армии*.

Демобилизовавшись из армии, Васильев поступил учиться в Ставропольский медицинский институт, который закончил с *отличием*. По работе в качестве врача-стоматолога Нагутской участковой больницы зарекомендовал себя исключительно положительно (см. характеристики — в деле).

На иждивении Васильева находится жена и *малолетняя* дочь (см. копию приговора).

Мать Васильева — Васильева В. И. — престарелого возраста, 41 год проработала в школе (из них 30-ть лет в качестве директора школы), ветеран труда, член КПСС с 35-ти летним стажем.

Свою вину, как в процессе следствия, так и в судебном заседании, Васильев признал и в содеянном глубоко и искренне раскаялся, о чем, в частности, свидетельствует имеющаяся в деле его *“явка с повинной”*.

Все эти обстоятельства, характеризующие *личность* подсудимого, его семейное положение, субъективное отношение к случившемуся, суд в достаточной степени не принял во внимание при назначении Васильеву меры наказания.

Не учел при этом суд и *степени вины* осужденного.

Как на следствии, так и в суде Васильев объяснил, что умысла на изнасилование он не имел. Никаких *тяжких или вредных* последствий в результате действий Васильева *не наступило*.

Очевидно, что при таких обстоятельствах и с учетом того, что *аналогичные* действия представляют собой значи-

тельно меньшую общественную опасность, чем изнасилование, что по уголовным кодексам ряда Советских республик (см. ниже) они влекут применение более мягкого наказания, чем то, которое назначено Васильеву, данный приговор не может быть оставлен в силе и, как явно несправедливый, подлежит изменению со снижением назначенного Васильеву наказания.

II. О КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ВАСИЛЬЕВА ч. 4 ст. 117 УК

Нет нужды доказывать, что *половое сношение*, с точки зрения медико-биологической, состоит в "физиологическом акте, направленном на продолжение рода и заключающемся во *введении полового члена во влагалище*."

"Все остальные действия, направленные на удовлетворение половой потребности в иной форме, — пишет проф. Авдеев М.И., — не являются половым сношением. Их можно и следует определять как удовлетворение половой потребности в *извращенной форме*" (см. Учебник "Судебная медицина", автор М. И. Авдеев).

Именно поэтому и с учетом того, что любое *насильственное удовлетворение половой страсти в извращенной форме* представляет меньшую опасность, чем изнасилование, и причиняет потерпевшему меньший ущерб, в силу чего *приравнивать их неправомерно*, в уголовных кодексах ряда республик (Молдавской, Украинской, Латвийской, Армянской) подобные действия выделены в самостоятельный состав преступления и влекут значительно более мягкое наказание по сравнению с изнасилованием.

Таким же образом решен этот вопрос и в уголовном законодательстве социалистических стран (ГДР, НРБ, ВНР). Целесообразность дополнения уголовного кодекса РСФСР нормой, предусматривающей ответственность за *насильственное удовлетворение половой страсти в извращенной форме*, признавал и Пленум Верховного Суда РСФСР (см. Бюллетень Верховного Суда РСФСР № 12, 1967, с. 8).

С учетом того, что применение закона по *аналогии* нашим законодательством *запрещено*, а, следовательно, *запрещено и неоправдано расширительное толкование* норм УК, можно было бы говорить об отсутствии в действиях Васильева *состава преступления*.

Однако в связи с тем, что действия эти носили сексуальный характер и были совершены в отношении несовершеннолетних девочек полагаю, что квалифицировать их надлежит по ст. 120 УК.

Такой же точки зрения придерживается автор статьи "О судебной практике по делам об изнасиловании" В. Зыков (прилагается) и автор статьи "Об ответственности за половые преступления" проф. А. Игнатов (см. журнал "Советская юстиция", № 22, 1987, с.с. 25-26 и тот же журнал № 3, 1988 с.с. 28-29).

Характерно, что именно так, ст. 120 УК, квалифицируется удовлетворение половой страсти в извращенной форме с несовершеннолетними мужского пола, не являющееся мужеложеством (см. "Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР", комментарий к ст. 120 и 121 УК).

По изложенным соображениям прошу Вас истребовать это дело и внести протест на предмет переквалификации действий Васильева А. И. по ст. 117 ч. 4 на ст. 120 УК с определением ему наказания в пределах фактически отбытого, с освобождением его из-под стражи.

Приложения:

1. Копия приговора суда — на 3 л.
2. Копия определения коллегии Верховного Суда РСФСР — на 2 л.
3. Статья В. Зыкова "О судебной практике по делам об изнасиловании" — на 2 л. (журнал "Советская юстиция", № 22, 1987, с.с. 25-26).
4. Ордер юрконсультации.

Справка: Васильев А. И. отбывает наказание по адресу: 433510 Ульяновская обл., г. Дмитровград-7, Учреждение ЮН 78/5 "п".

Адвокат

7 февраля 1988 г.

г. Москва

А. Л. Мова

***

По этой жалобе дело было истребовано в Прокуратуру СССР, и по протесту Заместителя Генерального прокурора СССР Президиум Верховного суда РСФСР своим Постановлением от 3 мая 1989 г. внес в ранее состоявшиеся судебные решения изменения и снизил Васильеву наказание с 10-ти до 6-ти лет лишения свободы, о чем я получил соответствующее извещение.

Документ

123242, г. Москва
ул. Барриадная, д. 8
Юридическая консультация
адвокату Мове А. И.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

МЮРД РСФСР, Москва, К-9, Пушкинская, 13-а

12, 09.89 № 12-4053-89

Ваша жалоба по делу Васильева Александра Ивановича, осужденного Ставропольским краевым судом по ст. 117 ч. 4 УК РСФСР, рассмотрена.

По протесту заместителя Генерального прокурора СССР Президиум Верховного суда РСФСР изменил судебные решения по делу Васильева, снизив ему наказание до 6 лет лишения свободы. В остальных приговоре и кассационное определение оставлены без изменения.

Приложение: на 8 листах. *Приложение на 8 л*

Прокурор управления по надзору
за рассмотрением уголовных дел
в судах
советник юстиции

Теле

Н. П. Соколова

тг -2 21.09.89

Из досье адвоката
Копия

Дело № 233п89пр

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР**

г. Москва

3 мая 1989 года

Президиум Верховного Суда РСФСР в составе

Председателя

Смоленцева Е. А.

Членов президиума: Верина В. П., Вячеславова В. К.,
Жуйкова В. М., Карасева И. Н., Луканова П. П., Лукашова Ю. А.,
Меркушова А. Е., Свиридова Ю. А.,

рассмотрел дело по протесту заместителя Генерального прокурора СССР Сороки О. В. на приговор Ставропольского краевого суда от 25 июня 1986 года, по которому

ВАСИЛЬЕВ Александр Иванович, родившийся 17 марта 1956 года в ст. Рождественской Изобильненского района Ставропольского края, ранее не судимый, — осужден по ст. 117 ч. 4 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 10 сентября 1986 года приговор оставлен без изменения.

В протесте поставлен вопрос о смягчении наказания Васильеву до 6 лет лишения свободы с применением ст. 43 УК РСФСР, с учетом положительных данных о его личности и отсутствия тяжелых последствий от совершенного им преступления.

Заслушав доклад члена суда Нестерова В. В. и выступление заместителя Прокурора РСФСР Титова А. В., поддержавшего протест,

Президиум Верховного Суда РСФСР

УСТАНОВИЛ:

Васильев, работавший врачом-стоматологом Нагутской участковой больницы, осужден за изнасилования в извращенной форме малолетних К. Тани и Б. Юли 1978 года рождения, совершенные 14 января и 10 февраля 1986 года в его служебном кабинете.

Президиум находит протест подлежащим удовлетворению по следующим основаниям.

Вина Васильева материалами дела установлена, его действия квалифицированы правильно.

Вместе с тем, Президиум считает возможным смягчить с применением ст. 43 УК РСФСР назначенное осужденному наказание с учетом того, что он совершил преступление впервые, положительно характеризовался по месту работы и в быту, раскаялся в содеянном, имеет на иждивении несовершеннолетнего ребенка; последнее обстоятельство, как усматривается из приговора, не было учтено судом при назначении наказания Васильеву. От действий осужденного каких-либо тяжких последствий не наступило.

Исходя из изложенного и руководствуясь п. 5 ст. 378 УПК РСФСР, Президиум Верховного Суда РСФСР

ПОСТАНОВИЛ:

приговор Ставропольского краевого суда от 25 июня 1986 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 10 сентября 1986 года в отношении Васильева Александра Ивановича изменить: с применением ст. 43 УК РСФСР снизить наказание по ст. 117 ч. 4 УК РСФСР до 6 лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

В остальном приговор и кассационное определение оставить без изменения.

Председатель

Е. А. Смоленцев

Верно: Начальник секретариата
Президиума Верховного
Суда РСФСР

Т. А. Амелина

Копия верна:
Зам. Предкрайсуда

М. С. Романов

Копия верна:

(А. Move)

Дело А. Н. Овчара, осужденного за подстрекательство к даче взяток

Маленькое, буквально крохотное дело. Но в нем, как в капле воды, отражается все несовершенство порядка пересмотра дел в порядке судебного надзора.

Овчар был осужден в 1980 году, и с той поры, около двух лет, в какие только высокие инстанции, вплоть до ЦК КПСС и Президиума XXVI съезда КПСС, не обращались в поисках справедливости осужденный и его жена. Все было тщетно — отписка следовала за отпиской.

Вот он, этот букет отписок:

Документ

ПРОКУРАТУРА СССР

Прокуратура

г. Киева

252601, г. Киев-11, Реанимацие 13-15;

Овчар А. Н.

г. Киев — 181, ул.
Л. Гавро, 24 "б", кв. 2

Сообщаю, что Ваша жалоба, адресованная в прокуратуру УССР, на необоснованное осуждение Вас по ст. 19-170 ч. 2 УССР и суровость избранной меры наказания, прокуратурой г. Киева рассмотрена.

Ваша виновность в подстрекательстве к даче взяток подтверждается как Вашими показаниями, так и показаниями свидетелей Вакуленко В. М., Вакуленко Т. Н., Котляр Л. А., Шестопап М. Д.

Ваши действия правильно квалифицированы по ст. 19-170 ч. 2 УК УССР. Мера наказания избрана с учетом общественной опасности совершенного преступления и характеризующих Вас данных.

Оснований к опротестованию приговора Минского Районного народного суда г. Киева от 16. 09.1980 г. и определения судебной коллегии по уголовным делам Киевского городского суда от 16.10.1980 г. по вопросу их отмены или изменения не имеется.

Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

Начальник отдела по надзору за
рассмотрением уголовных дел в
судах прокуратуры города Киева
старший советник юстиции

Верно:

Д. Д. Папенко
(А. Мове)

Документ

ПРОКУРАТУРА ССРС

Прокуратура

и. Киева

282001, м. Кито-11, Ріанцила 13-15

ПРОКУРАТУРА ССРС

Прокуратура

г. Киева

282061, г. Киев-11, Ріанцила 13-15;

20.1.1986 № 4/4680-80

14 26 07

Овчар А.Н.

г. Киев, ул. Д. Гавро 24-б, кв. 2

Сообщаю, что Ваши жалобы, адресованные в ЦК КПСС и прокуратуру СССР, в которых Вы ссылаетесь на суровость избранной Вам меры наказания, прокуратурой г. Киева рассмотрены и оставлены без удовлетворения.

Ваша виновность в подстрекательстве к даче взяток доказана материалами дела и подтверждается показаниями свидетелей Вакуленко В.М., Вакуленко Т.Н., Котляр Л.А., Шестопах М.Д., квалификация Ваших действий по ст. 19-170 ч. 2 УК УССР правильна. Мера наказания соответствует общественной опасности совершенного преступления и характеризующих Вас данных.

Оснований к опротестованию приговора Мясковского районного народного суда г. Киева от 16.09.1980 г. и определения судебной коллегии по уголовным делам Киевского городского суда от 16.X.1980 г. по вопросу их отмены или изменения не имеется.

Приложение: копия приговора, копия определения.

Заместитель прокурора г. Киева
Старший советник юстиции

Г. М. Серёда.

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ УССР

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ УССР

КИЇВСЬКИЙ МІСЬКИЙ СУД

КИЕВСКИЙ ГОРОДСКОЙ СУД

78002, м. Київ,
вул. Володимирська № 15

12005, Киев,
ул. Владимирская № 15

№ 4У-107

11

февраля 1981 г.

Гр.ОВЧАР Т.А.
г.Киев, ул.Д.Гавро, 24-б, кв. 2.

Жалоба, в которой вы указываете на необоснованность осуждения Овчара А.Н., рассмотрена.

Из имеющихся в Киевском городском суде материалов видно, что вина Овчара А.Н. в подстрекательстве ~~на~~ дачу взяток должностным лицам НКК гр-н Вакуленко В.М., Котляр А.Н. и получении от них в свою пользу 100 руб. денег доказана показаниями свидетелей Вакуленко В.М., Котляр Л.А., Пестопал М.Д., Дола А.И. и показаниями самого осужденного на следствии и в суде.

Минский районный народный суд гор.Киева правильно оценил доказательства по делу и обоснованно квалифицировал преступные действия Овчара А.Н. по ст.ст.19,170ч2 УК УССР.

Меру наказания 7 лет лишения свободы в ИТК усиленного режима суд назначил Овчару А.Н. в пределах санкции указанной статьи закона с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность, в соответствии со ст.39 УК УССР.

Оснований к принесению протеста по данному делу не усматривается.

Приложение: копии приговора и определения на 10-ти листах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КИЕВСКОГО ГОРОДСКОГО СУДА

Г.А.БУТЕНКО

ПРОКУРАТУРА СРСР

ПРОКУРАТУРА

МІСТА КИЄВА

28001, Київ-11,
Рівнянка, 12/16,
тел. 20-31-84

17.02.84 № 4/4680-80

На № _____

ПРОКУРАТУРА СССР

ПРОКУРАТУРА

ГОРОДА КИЄВА

28001, Киев-11,
Ревизская, 12/16,
тел. 20-31-84

Гр. ОВЧАР А.А.

г. Киев, ул. Л.Гавро 24-б, кв.2

Сообщая, что Ваша жалоба, адресованная в прокуратуру Украинской ССР, в которой Вы ссылаетесь на необоснованное осуждение Вашего мужа — Овчар А.А. по ст. 19-170 ч.2 УК УССР, прокуратурой города Киева рассмотрена.

Винность осужденного ОВЧАР А.А. в подстрекательстве к даче взятков должностным лицам ЖК подтверждается показаниями свидетелей ВАКУЛЕНКО В.М., ВАКУЛЕНКО Т.Н., Котляр Л.А., Пестопал М.Д.. Действия Овчар А.А. по ст. 19-170 ч.2 УК УССР квалифицированы правильно. Мера наказания ему избрана с учетом общественной опасности совершенного преступления, данных характеризующих личность осужденного.

Оснований к опротестованию приговора Мясного районного народного суда г. Киева от 16.08.1980 года и определения судебной коллегии по уголовным делам Киевского городского суда от 16.Х.1980 года по вопросу их отмены или изменения не имеется.

Приложение: копия приговора и определения,
ответ городского суда.

Начальник отдела по надзору
за рассмотрением уголовных дел в суде
прокуратуры города Киева

Д.Д. ПАЛЕНКО

г. Киев, ул. Л. Гавро,
д. 24-С, кв. 2

гр-ке Овчар Т.А.

ПРОКУРАТУРА СОВЕЗА ССР

103793 Москва К-9 Пушкинская. 15-4

Л. Об. 81. № 12-10055-81

Ваша жалоба по делу мужа, адресованная XXVI съезду КПСС, в которой Вы сомневаетесь на необоснованность его осуждения, рассмотрена.

Иновность Овчара А.И. в подстрекательстве к даче взяток должностным лицам доказана его собственными признаниям, а также показаниями свидетелей Вакуленко Т.И., Вакуленко В.М., Котляр Л.А., Шестопап М.Д., Лола А.И. и иными доказательствами, которыми суд дал объективную оценку.

Действия Овчар квалифицированы правильно.

При определении меры наказания Овчару суд учел конкретные обстоятельства совершенного им преступления, данные, характеризующие личность.

Оснований для опротестования приговора на предмет его отмены, о чем Вы просите, не имеется.

Приложение: на 10 л.

Начальник управления по
надзору за рассмотрением
уголовных дел в судах
государственный советник
юстиции 2 класса

Р.Г.Тихомирнов

После этого дело, наконец, попало в мои руки, но и мои жалобы, мои просьбы о восстановлении справедливости, отлетают от поставленных законом надзорных служб, словно от каменной стены.

Обращаюсь с жалобой в Прокуратуру г. Киева. Следует ответ.

Документ

ПРОКУРАТУРА СРСР

Прокуратура

г. Киева

252011, м. Киев-11, Ринцева 13-15

ПРОКУРАТУРА СССР

Прокуратура

г. Киева

252011, г. Киев-11, Ринцева 13-15

М.С.С.П. 1982 № 12/4680-80

от _____

г. Москва, ул. Баррикадная, 8
Московская областная юридическая
консультация
адвокату Мове А.Л.

Ваша жалоба в порядке надзора по делу по обвинению Овчар А.Н. рассмотрена прокуратурой г. Киева.

Изучением уголовного дела по обвинению Овчар А.Н. установлено, что он обоснованно осужден за подстрекательство к даче взятки должностным лицам МКМ треста "Киевгорстрой-1".

Его вина подтверждается показаниями свидетелей Вакуленко В.М., Вакуленко Т.Н., Котляр Л.А., Шестопа М.Д., действия по ст. 19, 170 ч2 УК СССР квалифицированы правильно. Мера наказания назначена судом Овчару А.Н. с учетом содеянного и данных, характеризующих его личность.

Оснований и протестованию приговора Мясного районсуда г. Киева от 16.09.1980г. и определения судебной коллегии по уголовным делам Киевского городского суда от 16.10.1980г. в отношении Овчар А.Н. прокуратура г. Киева не усматривает.

Приложение: характеристика, копии приговора и определения.

Заместитель прокурора города
старший советник юстиции

Г.М.Середа Г.М.Середа

Ответ, полученный из Киева, я обжаловал в Прокуратуру Украины. Думаете, что-либо изменилось? Как бы не так! Результат тот же.

Прокуратура СРСР

Прокуратура СССР

ПРОКУРАТУРА

ПРОКУРАТУРА

УКРАЇНСЬКОЇ РАДЯНСЬКОЇ
СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕСПУБЛІКИ

УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Индес 232601. м. Київ-11, Рішівська, 13/15

Индес 232601. г. Киев-11, Решитская, 13/15

30.04.82 № 12-3028-5/

На № _____ от _____

г. Москва, ул. Баррикадная, 8
Московская облпроконсультация,
адвокату г. Мове А.И.

Ваша надзорная жалоба в интересах осужденного Овчара А.Н. рассмотрена.

Уголовное дело, по которому Овчар осужден за подстрекательство к даче взятки, проверено.

Проверкой установлена обоснованность осуждения Овчара по ст.ст. 19, 170 ч. 2 УК УССР и правильность квалификации его действий. Вина осужденного по всем эпизодам обвинения доказана материалами дела.

Предварительное и судебное следствия по делу проведены объективно и достаточно полно.

Доводы жалобы / о недоказанности обвинения по эпизоду подстрекательства к даче взятки на сумму 25 руб. и др. / опровергаются материалами дела.

Мера наказания, назначенная Овчару, отражает общественную опасность содеянного и данные о личности осужденного / в т.ч. и те, на которые указывается в жалобе /.

Руководство Прокуратуры УССР не усматривает оснований к опротестованию судебных решений по делу.

Приложение : на " 9 " листах. /копии суд. решений и др. /

Прокурор управления по надзору за
рассмотрением уголовных дел в судах

И.Ф.Себик.

Пишу, наконец, жалобу в Прокуратуру СССР, лично от себя.

Из досье адвоката

Генеральному прокурору Союза ССР

Адвоката А. Л. Мове,
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная
юридическая консультация

По делу

Овчара Андрея Николаевича,
осужд. приговором Минского
Райнарсуда г. Киева от 16/IX-80 г.
по ст. 19-170 ч. II УК УССР на 7
лет лишения свободы

Определением коллегии Киевского
Горсуда от 10/X-80 г. приговор
оставлен без изменения.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Приговор Народного суда, которым Овчар А. Н. — отец двух несовершеннолетних детей — признан виновным в подстрекательстве к даче взятки и присвоении 100 руб. и осужден по ст. 19-170 ч. II УК УССР к лишению свободы на длительный срок, представляется явно несправедливым и неправильным по следующим основаниям:

1. Овчар А. Н. 1947 г. рождения. Рос и воспитывался в простой рабочей семье. По окончании в 1965 г. ГПТУ работал подручным кузнеца, резчиком, каменщиком, кузнецом.

С 1966 по 1969 г. служил в Советской армии. В ЖКК треста "Киевгорстрой — 1" работал с 1974 по 1978 г. В прошлом не судим.

На иждивении Овчар находится двое несовершеннолетних детей в возрасте 3 и 10 лет, страдающих серьезными заболеваниями (состоят на учете у психо-невролога).

В течение 4-х лет после содеянного (дело было возбуждено только в 1980 г. — л. д. 1) Овчар постоянно занимался общественно-полезным трудом, не совершал никаких правонарушений.

Представляется, что при таких обстоятельствах, с учетом личности Овчара А. Н., его семейного положения, степени его вины, сравнительно небольшой суммы присвоения (100 р.) с учетом давности случившегося и поведения Овчара на протяжении 4-х лет *после* содеянного, с учетом его чистосердечного признания и раскаяния, у суда не было никаких оснований для определения ему столь суровой меры наказания.

Представляется, что только по одним этим соображениям приговор суда не может быть признан справедливым и нуждается в изменении.

II. Овчар А. Н. безосновательно признан виновным в *подстрекательстве* Котляр Л. А. к даче взятки в сумме 25 руб.

И на следствии, и в суде Овчар свою вину в этой части категорически отрицал.

Не уличала Овчара в данном преступлении и Котляр, которая на всех допросах последовательно объясняла, что никакой речи о *передаче* денег должностным лицам Овчар с ней *не вел*.

“Овчар говорил, что я должна с ним рассчитаться, — показала на следствии Котляр. *Сколько я должна ему дать, он не говорил...* Я решила дать 25 руб. Я положила ему 25 руб. в карман пиджака. Он посмотрел на меня и *ничего не сказал*”. (л. д. 10)

К этому же сводились показания Овчара и на других допросах (л. д. 16, 31), а на очной ставке с Овчаром Котляр уточнила:

“Я передала ему деньги. Он сказал: “*Что вы, не надо*”, но деньги не возвратил”. (л. д. 50)

Аналогичные показания дала Котляр и в суде (Протокол суд. заседания, л. д. 134-135).

Что касается показаний в суде свид. Шестопал о том, что якобы *со слов* Вакуленко и Котляр ей известно, что Овчар при передаче ему денег говорил, что берет их не для себя, а для передачи другим лицам (л. д. 136-об.), то здесь необходимо иметь в виду следующее:

а) Ни на одном из допросов в процессе следствия Шестопал ничего подобного *не говорила* и лишь объясняла, что Овчар, когда получал деньги у Вакуленко, говорил ей, что берет деньги не для себя. Что касается Котляр, то последняя, по утверждению Шестопал, ей ничего не говорила (см. показания свид. Шестопал — л. д. 6, 33).

Указанные противоречия между показаниями Шестопап на следствии и в судебном заседании суд не устранил. Понять из приговора, почему суд поверил показаниям Шестопап в суд. заседании и не поверил ее показаниям на следствии — невозможно (нарушение требований п. 4 Руководящего Постановления Пленума Верховного суда СССР № 4 от 30/VI-69 г. "О судебном приговоре").

б) Показания Шестопап в суде противоречат показаниям свид. Котляр на следствии и в суде, о чем указано выше.

Указанные противоречия судом так же не устранены.

Представляется, что при таких обстоятельствах и с учетом суммы денег, переданных Котляр Овчару — 25 руб., которая сама по себе *исключает* возможность передачи части этих денег в качестве взятки должностным лицам, у суда не было никаких оснований для признания Овчара виновным в подстрекательстве Котляр к даче взятки.

— " —

По изложенным соображениям прошу Вас истребовать настоящее дело и внести протест на предмет внесения в судебный приговор следующих изменений:

1. Исключения из приговора обвинения Овчара в подстрекательстве Котляр к даче взятки в суме 25 руб. и прекращения в этой части дела производством за недоказанностью предъявленного обвинения.

2. Переквалификации действий Овчар А. Н. с ч. II на ч. I ст. 170 УК УССР.

3. Снижения Овчару А. Н. наказания по ч. I ст. 170 УК до фактически отбытого с освобождением его из-под стражи.

Приложение:

1. Копия приговора на 3 л.
2. Копия Определения Горсуда на 4 л.
3. Характеристика,

Справка: Овчар А. Н. отбывает наказание по адресу: УССР, г. Житомир, Учреждение ЯЮ 309/4 бр. 112.

Адвокат
17 апреля 1982 г.

А. Л. Мове

Ответ не заставил себя долго ждать.

Документ

г.Москва, ул.Баррикадная, п.8
Московская областная прилическая
консультация
аввокату г.Мове А.И.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

103793, Москва, К-9, Пушкинская, 18-а
15.06.82 № 12-10055-81

Ваша жалоба по делу Овчара А.И. рассмотрена.

Осужден Овчар за покровительство и кача взяток должностным лицам обоснованно.

Он учитается показаниями Вакуленко, Котляр, Шестопап, Лола и других.

Суд учел степень общественной опасности совершенного Овчаром преступления, данные, характеризующие его личность, и назначил наказание в соответствии с законом.

Руководством управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры СССР в пересмотре судебных решений в отношении Овчара отказано.

Жалоба оставлена без удовлетворения.

Исполнитель: и.в. Жу

Ст.прокурор управления
по надзору за рассмотрением
уголовных дел в судах
старший советник юстиции

 В.П.Дергачев

Ну просто замкнутый круг!

И вот, иду с этим делом, которое, простите, выведенного яйца не стоит, на личный прием к Заместителю начальника Управления Прокуратуры СССР В. Г. Гаеву. Человек, вроде, очень опытный, разумный, справедливый.

Но вот его ответ.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

103793, Москва, К-9, Пушкинская, 15-а

26 08, 82 № 12-10055-81

г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная
юридическая консультация

адвокату тов. Мове А. Л.

Поданная Вами на приеме жалоба по делу Овчара А. Н.
рассмотрена.

Осужден Овчар за подстрекательство к даче взяток должностным лицам обоснованно.

При назначении наказания были учтены обстоятельства, отягчающие и смягчающие его ответственность.

Руководством Прокуратуры СССР в опротестовании судебных решений отказано.

Жалоба оставлена без удовлетворения.

Заместитель начальника управления
по надзору за рассмотрением
уголовных дел в судах
государственный советник
юстиции 3 класса

В. Г. Гаев

Прямо какое-то наваждение! Неловко как-то. Но что поделаешь?

Обращаюсь повторно с жалобой к и. о. Начальника Управления
Прокуратуры СССР В. Ф. Козловскому. Все тщетно.

Из досье адвоката

гор. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная юридическая
консультация

адвокату т. Мове А. Л.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

103793, Москва, К-9, Пушкинская, 18-а

14 09.82 № 12/10065-81

Ваша повторная жалоба по делу Овчара А.Н. рассмотрена.

Осужден Овчар обоснованно.

Установлено, что он получил от Вакуленко 75 рублей для передачи должностным лицам за содействие в приеме на работу его жены. С той же целью Овчар получил от Котляр 25 рублей. Однако деньги он никому не передал, а присвоил. Содеянное Овчаром квалифицировано правильно. При назначении наказания были учтены обстоятельства, смягчающие и сглаживающие его ответственность.

Заместителем Генерального прокурора СССР в опротестованных судебных решениях отказано.

Жалоба оставлена без удовлетворения.

И.о. начальника управления по надзору за
рассмотрением уголовных дел в судах
государственный советник юстиции
3 класса

В. Д. Козловский

И тогда вновь пишу жалобу самому Генеральному прокурору СССР на все эти полученные из Прокуратуры СССР отписки.

Документ

Генеральному прокурору СССР

Адвоката А. Л. Мове, г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 8 Мособлюр-
консультация

По делу

Овчара Андрея Николаевича,
осужд. Минским райнарсудом г.
Киева по ст. 19-170 ч. II УК УССР.

ЖАЛОБА

На жалобу, поданную в Прокуратуру СССР, мною получены отрицательные ответы за подписью ст. прокурора

Управления т. В. П. Дергачева, Зам. Нач. Управления т. В. Г. Гаева и и. о. Нач. Управления т. В. Д. Козловского.

В связи с тем, что в полученных ответах обойдены молчанием практически все доводы жалобы, прошу принятые решения пересмотреть.

Мотивы необоснованности судебного приговора подробно изложены в жалобе, находящейся в Прокуратуре СССР.

Адвокат

27 сентября 1982 г.

А. Л. Мове

***

Только после этой жалобы дело, наконец, вновь истребуется в Прокуратуру СССР, тщательно проверяется, и я получаю извещение о том, что Заместителем Генерального прокурора СССР внесен протест и дело будет рассматриваться на Президиуме Киевского городского суда.

Документ

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

014793, Москва, К-9 Пушкинская, 15

ИД 12.82 № 12-10055-81

г. Москва, Баррикадная ул., 8
юридическая консультация
адвокату т. Мове А. Л.

г. Китомир,
начальнику учреждения ИД-309/4
(для сообщения Овчару А. Н.)

Жалобы на приговор Минского районного народного суда г. Киева рассмотрены.

Дело проверено в Прокуратуре СССР в порядке надзора. Заместителем Генерального прокурора СССР по делу принесен протест в Президиум Киевского городского суда на предмет перекалфикации действий Овчара.

О результатах Вы можете узнать в Киевском городском суде.

Заместитель начальника управления
по надзору за рассмотрением
уголовных дел в судах

государственный советник юстиции
3 класса

лс 3 22.12.82

В. Г. Гаев

11 января 1983 года Президиум Киевского городского суда удовлетворил протест Заместителя Генерального прокурора СССР и практически решил дело так, как и просил в своих жалобах адвокат.

**Из досье адвоката
Копия**

Постановление № 44у-2

Президиума Киевского городского суда

Киев

11 января 1983 года.

Президиум Киевского городского суда

В составе:

Председательствующего —
председателя Киевского
городского суда

Членов президиума —

г. Бутенко Г. А.
г. г. Зубца Г. И.,
Малинниковой Л. Ф.,
Гусева А. И.,
Ситновой И. М. и
Куринской С. А.
г. Середы Г. М.

с участием прокурора —

Рассмотрел протест заместителя Генерального прокурора СССР на приговор Минского районного народного суда г. Киева от 16 сентября 1980 г., которым

Овчар Андрей Николаевич, 1947 г. рождения, исключенный из членов КПСС в связи с настоящим делом, имеющий на иждивении двоих несовершеннолетних детей, не судимый, — осужден по ст. 19-170 ч. 2 УК УССР к 7 годам лишения свободы исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Киевского городского суда от 16 сентября 1980 г. приговор в части квалификации меры наказания оставлен без изменения.

Овчар признан виновным в том, что, работая с 1974 по 1978 г. комендантом общежитий жилищно-коммунальной конторы треста "Киевдорстрой", подстрекал граждан к даче взяток должностным лицам ЖКК за прием их на работу, а фактически эти деньги присваивал.

Зимой 1976 г. Овчар получил от Вакуленко В. М. 75 руб. в качестве взятки, якобы для передачи должностным лицам ЖKK, за устройство его жены на работу в качестве дворника.

Летом 1976 г. Овчар получил от Котляр Л. Н. в качестве взятки 25 руб., якобы для передачи должностным лицам ЖKK за устройство ее на работу уборщицей.

Полученные 100 руб. Овчар никому не передал, а присвоил.

В протесте в порядке надзора заместитель Генерального прокурора СССР просит переквалифицировать действия Овчара со ст. 19-179 ч. 2 УК СССР на ст. 19-170 ч. 1 УК УССР и назначить наказание в виде 3 лет лишения свободы.

Заслушав докладчика, прокурора, поддержавшего протест, проверив дело, президиум считает протест подлежащим удовлетворению.

Виновность Овчара в подстрекательстве Вакуленко к даче взятки должностным лицам доказана.

Вместе с тем приговор народного суда и определение судебной коллегии в части осуждения Овчара за подстрекательство Котляр к даче взятки должностным лицам подлежат отмене по следующим основаниям.

На следствии и в суде Овчар свою виновность в этой части категорически отрицал. Свидетель Котляр на неоднократных допросах на следствии показал, что вручила Овчару 25 руб. за то, что он оказал ей содействие в устройстве на работу. Никакого разговора о передаче этих денег иным лицам ЖKK Овчар с нею не вел (л. д. 10, 16, 31).

Однако эти показания суд не принял во внимание и сослался в приговоре на показания свидетеля Шестопал, которой об этом факте известно со слов Котляр.

При отсутствии других доказательств у суда не было достаточных показаний для признания Овчара виновным в подстрекательстве Котляр к даче взятки должностным лицам ЖKK.

Дело в этой части подлежит прекращению, т. к. Овчар не был наделен правом приема на работу, а также другими организационно-распорядительными акциями, т. е. не являлся должностным лицом.

Действия Овчара надлежит квалифицировать по ст. ст. 19, 170 ч. 1 УК УССР.

При назначении наказания президиум учитывает, что Овчар после совершения преступления уволился из ЖКК, работал в течении 4 лет в другой организации и никаких правонарушений не совершил. Ранее он не судим, имеет двух несовершеннолетних детей, по месту отбывания наказания характеризуется положительно.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 393 и 394 УПК президиум —

постановил:

Протест заместителя Генерального Прокурора СССР удовлетворить.

Приговор Минского районного народного суда г. Киева от 16 сентября 1980 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Киевского городского суда от 16 октября 1980 года в отношении Овчара Андрея Николаевича изменить: исключить осуждение его за подстрекательство Котляр Л. А. к даче 25 руб. взятки должностным лицам ЖКК и дело производством в этой части прекратить за отсутствием состава преступления; исключить указание о взыскании с Овчара А. Н. 25 руб. в доход государства; переквалифицировать его действия со ст. 19, 170 ч. 2 на ст. 19, 170 ч. 1 УК УССР, назначив наказания в виде 3 (трех) лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима.

Копия верна:

(А. Мове)

...

Если учесть, что к моменту рассмотрения дела Президиумом Киевского городского суда Овчар практически уже отбыл свой срок наказания (3 года), станет понятным, что Президиум снизил ему срок наказания до фактически отбытого.

Крохотное дело, маленький человек...

А какое сражение, какую битву пришлось выдержать в борьбе за него! Вот это и есть наши адвокатские будни, и, может быть, один из ответов на вопрос о том, почему так рано многие адвокаты уходят из жизни.

Дело председателя колхоза Гаркуши Л. И.: добрые дела наказуемы

Работая непродолжительное время председателем колхоза, не из каких-нибудь личных или корыстных побуждений, а исключительно в интересах колхоза Гаркуша Леонид Петрович решил построить дорогу к животноводческой ферме. Дорогу он возвел, чем сэкономил колхозу немало денежных средств. А в результате — сам оказался за решеткой на долгие 7 лет.

Куда только не обращался адвокат, куда только не писала старушка-мать и жена осужденного. Ото всюду следовали отказы в пересмотре дела.

Вот некоторые из них.

Документ
Копия

Прокуратура СССР

ПРОКУРАТУРА

**УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

Киев-11, Резницкая, 13/15

г. Чернигов
юридическая консультация
Новозаводского района
адвокату тов. Подгорной Л. С.

Ваша жалоба на приговор Коллегии по уголовным делам Верховного Суда УССР в отношении Гаркуши Л. П. рассмотрена.

Проверкой установлено, что Гаркуша за пособничество в хищении общественных средств в особо крупных размерах осужден обоснованно.

Виновность Гаркуши материалами дела доказана, преступные действия квалифицированы судом правильно, а наказание избрано с учетом всех обстоятельств, как отягчающих, так и смягчающих его ответственность.

Оснований для опротестования приговора по делу не нахожу.

Заместитель Прокурора УССР
Государственный советник
юстиции

Верно

В. Н. Прик

(А. Мове)

Прокуратура СРСР
ПРОКУРАТУРА

УКРАЇНСЬКОЇ РАДЯНСЬКОЇ
СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕСПУБЛІКИ

Місце 252601, м. Київ-11, Рішнівка, 13/15

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА
УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Место 252601, г. Киев-11, Решница, 13/15

25. 11 82. № 04-6234-81

На № _____ от _____

Черняговская область,
Мирошкий район, с.Городище,
гр.Гаркуше Л.М.

Ваша жалоба по делу мужа - Гаркуши Л.П., поступившая из
Прокуратуры СССР, рассмотрена.

Проверкой установлено, что Гаркуша обоснованно осужден
за пособничество в хищении общественного имущества в особо
крупном размере.

Вина его материалами дела доказана, квалификация дейст-
вий является правильной, а наказание назначено с учетом общест-
венной опасности содеянного и данных, характеризующих личность.

Руководство Прокуратуры УССР оснований к опротестованию
приговора не находит.

Приложение : на I листе.

Прокурор управления по надзору за
рассмотрением уголовных дел в судах

В.И.Луков.

Прокуратура СРСР

ПРОКУРАТУРА

УКРАЇНСЬКОЇ РАДЯНСЬКОЇ
СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕСПУБЛІКИ

Індекс 252601, м. Київ-11, Рішніца, 13/15

Прокуратура СССР

ПРОКУРАТУРА

УКРАЇНСЬКОЇ СОВЕТСЬКОЇ
СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕСПУБЛІКИ

Індекс 252601, с. Київ-11, Рішніца, 13/15

25032 м. 64-2348

На № _____ от _____

287039 Винницька область
Казатинський район
Бродецький цукровий завод
гр. Чухрим Е.И.

Ваша жалоба по делу Гаркуши Л.П., поступившая из ЦК Компартии Украины, рассмотрена.

Проверкой установлено, что Ваш сын за пособничество в хищении общественных средств в особо крупных размерах осужден обоснованно.

Его вина доказана, преступные действия квалифицированы правильно.

Суд учел все смягчающие ответственность обстоятельства и назначил Гаркуше наказание более мягкое, чем предусмотрено законом.

Оснований для опротестования приговора руководство Прокуратуры СССР не усматривает.

Начальник управления по надзору
за рассмотрением уголовных дел
в судах

старший советник юстиции

А.А.Болабольченко

ПРОКУРАТУРА СОВОЗА ССР

103793, Москва, К-9, Пушкинская, 18-а

М 12.82 № 12-13104-81

г.Чернигов,
Новозаводской район,
юридическая консультация
адвокату т.Подгорной Л.С.

Ваша жалоба по делу Гаркуши Л.П. рассмотрена.

Осуждение его за соучастие в хищении признано обоснованным.

Утверждение о невинности Гаркуши в хищении опровергается не только показаниями осужденного Плаксивого А., не верить которым у суда не было оснований, но и показаниями осужденных Мовчана, Кривилло, Плаксивого В. и Мельниченко, свидетелей Корбача, Куцапа и других, а также и приобщенными к делу документами, заключенными экспертиз.

Сам Гаркуша не отрицал, что колхоз не располагал материалами для строительства асфальтобетонных дорог, однако подписал фиктивный договор, заведомо зная, что будет незаконно выплачена крупная сумма колхозных денег.

Для пересмотра приговора оснований не имеется.

Прокурор управления по надзору
за рассмотрением уголовных
дел в судах
старший советник юстиции

Л.П.Иванов

Украинська
Радянська Соціалістична Республіка

ВЕРХОВНИЙ СУД

252001, м. Київ, 24, ГСП
вул. Ческіва, 4

Украинська
Соціалістична Радянська Республіка

ВЕРХОВНИЙ СУД

252001, г. Киев, 24, ГСП,
ул. Ческов, 4

27 мая 82 № 5-10-81

На № _____ от _____

Гр. Чухрин В.И.

Винницькая область,
Каватинский район,
с. Бродецкое,

сахарный завод

Ваша повторная жалоба в порядке надзора на приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда УССР от 9 сентября 1981 года, которым Гаркуша Леонид Петрович осужден по ст.ст.19, 86-1 УК УССР на 7 лет лишения свободы, рассмотрена и оставлена без удовлетворения по мотивам, о которых ранее, 22 апреля 1982 г., вам сообщалось в нашем ответе на жалобу аналогичного содержания о необоснованности осуждения Гаркуши.

Поскольку в жалобе не приводятся других убедительных доводов, ставящих под сомнение законность и обоснованность приговора, оснований к ее удовлетворению не найдено.

Заместитель Председателя
Верховного Суда УССР

П. Г. Цупренко

Українська
Радянська Соціалістична Республіка

ВЕРХОВНИЙ СУД

252601, м. Київ, 24, ГСП
ул. Чекистів, 4

Українська
Соціалістична Республіка

ВЕРХОВНИЙ СУД

252601, г. Киев, 24, ГСП.
ул. Чекистов, 4

18 июля 82г. № 5-10-82

№ _____ от _____

Гр.Гаркуше Л.М.

Черниговская обл.
Менский р-н
с.Городище

Сообщая, что ваша жалоба, поступившая из ЦК Компартии Украины, на приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда УССР от 9 сентября 1981 года, которым Гаркуша Леонид Петрович осужден по ст.ст.19,86-1 УК УССР, рассмотрена в Верховном Суде УССР.

Ваши утверждения о том, что Гаркуша подлежал осуждению за халатность, а не соучастие в хищении колхозного имущества являются неосостоятельными.

Из показаний осужденных Гаркуши и Плаксивого, а также совокупности других доказательств видно, что Гаркуша умышленно заключил заведомо фиктивный договор на строительство асфальтобетонной дороги с тем, чтобы "набальная" бригада могла получить в кассе колхоза как можно большую сумму денег.

На основании этого фиктивного договора по указанию Гаркуши из кассы колхоза "набальной" бригаде было наличными выдано 11998 рублей.

Действия Гаркуши обоснованно квалифицированы как соучастие в хищении общественного имущества в особо крупном размере.

Назначенное Гаркуше наказание соответствует тяжести им содеянного и данным о его личности, поэтому оснований к его смягчению нет.

По изложенным основаниям ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

Заместитель Председателя
Верховного Суда УССР

П.Г.Дупренко

Вот в таком состоянии я и принял это дело, и, ознакомившись с ним, составил жалобу в Верховный суд СССР.

Из досье адвоката

Председателю Верховного суда Союза ССР

Адвоката А. Л. Мове
г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная
юридическая консультация

По делу

Гаркуши Леонида Петровича,
осужд. Приговором коллегии
Верховного суда УССР от 9/IX-81 г.
по ст. 19-86-1 УК на 7 лет лише-
ния свободы

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Приговор коллегии Верховного суда УССР, которым *председатель колхоза* Гаркуша Л. П. признан виновным в пособничестве хищению гос. имущества в особо крупном размере (11.998 руб.) и осужден к лишению свободы на длительный срок, представляется явно неправильным и несправедливым.

Бесспорно установлено, и это признано Обвинительным заключением и судебным приговором, что, *заключая договор* на строительство подъездной внутрифермской автодороги, Гаркуша действовал абсолютно *бескорыстно*, исходя из *острой* нужды колхоза в возведении этой дороги, что из *выплаченных* незаконно бригаде строителей денег *лично* Гаркуша не получил ни единой копейки (см. Обвинительное заключение и Приговор суда).

И если, невзирая на все это, действия Гаркуши были квалифицированы ст. 19 — 86-1 УК УССР, как *бескорыстное* пособничество хищению гос. средств, то произошло это только потому, что суд, руководствуясь п. 8 Постановления пленума Верховного Суда СССР; № 4 от 11 июля 1972 г. "О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества", признал, что Гаркуша, *заведомо* зная, что в колхозе будет строиться дорога щебеночная с пропиткой дегтем, по сговору с Плаксивым А. С.,

заключил с бригадой строителей *фиктивный* договор на строительство более дорогой — асфальто-бетонной дороги, что и дало возможность похитить 11.998 руб. (см. копию Приговора, стр. 4, 5, 7, 8, 14, 28).

С указанным доводом суда согласиться невозможно по следующим *соображениям*:

I.

Если признать, что Гаркуша действительно *был осведомлен* о том, что в колхозе будет строиться не асфальто-бетонная дорога (как значится в калькуляции и аккордном наряд-задании), а щебеночная, с пропиткой составным дегтем, то и в этом случае он не может быть признан пособником хищения 11.998 руб.

Из материалов дела усматривается, что стоимость строительства 1 кв. м *асфальтированной дороги* составляет 2 руб. 48 коп., что нашло свое отражение в калькуляции, аккордном наряд-задании, акте приемки работ от 28/VI/79 г. и др. документах (т. 1 л. д. 13, 14-21, 26 и др.).

Что же касается *стоимости* строительства 1 кв. м *щебеночной дороги* с пропиткой (составным дегтем или битумом), то, как это видно из имеющегося в деле *перерасчета* к договору в связи с изменением конструкции покрытия дороги с асфальтового на пропитку, она составляет 1 руб. 53 коп., а с учетом *аккордной* оплаты 2 руб. 14 коп. (см. перерасчет ОКСа — т. 1 л. д. 255 и показания свид. Вилкова В. — т. 3 л. д. 147).

Изложенное свидетельствует о том, что заключив договор с бригадой Плаксивого А. С. на строительство асфальто-бетонной дороги, Гаркуша допустил в договоре *завышенные* стоимости оплаты строительства 1 кв. м дороги на 94 коп. (2 руб. 48 коп. — 1 руб. 53 коп.)

С учетом того, что бригаде Плаксивого была произведена оплата за строительство 750 погонных метров дороги, т. е. за 4.500 кв. м (см. акт — т. 1 л. д. 30, заключение строительной экспертизы — т. 5 л. д. 7-8, т. 7 л. д. 115-120, Обвинительное заключение и приговор суда), следует, что объективно в результате действий Гаркуши было переплачено не 11 998 руб., а 4.230 руб. (4.500 x 94), что с удержанием налога (13% — 55 руб.) составляет 3.680 руб. (4.230 — 500).

В этой, и только в этой части, Гаркуша, при его осведомленности о *частичной* фиктивности договора и наличии сговора с Плаксивым на оплату работы по завышенным расценкам, в соответствии с п. 8 Постановления Пленума Верховного суда СССР № 4 от 11 июля 1972 г., мог быть признан виновным в пособничестве хищению гос. имущества, т. е. по ст. 19-84 ч. III УК УССР.

Учитывая, однако, что Гаркуша действовал абсолютно *бескорыстно*, из ложно понятых интересов колхоза, действия его не могут быть расценены, как *растрата* (или пособничество хищению), т. к. в них *отсутствует* неперемѣнный признак растраты — *корыстная цель* (см. Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР, Москва, 1980 г., стр. 198, Комментарий к ст. 92 УК, п. 7, 8).

Это, собственно, отражено и в п. 8 постановления Пленума Верховного суда СССР № 4 от 11 июля 1972 г., где идет речь об ответственности как *должностных*, так и *частных* лиц, участвовавших в сговоре и *получивших гос. средства*.

Именно поэтому, представляется, действия Гаркуши в этой части надлежало квалифицировать не ст. 19-84 ч. III УК, а ст. 165 ч. 1 УК УССР.

II.

Помимо 3680 руб., выплаченных, как полагает суд. В результате заключения заведомо фиктивного договора, бригаде Плаксивого было *выплачено незаконно*, согласно приговору суда, еще 8.313 руб. (11998 — 3680 = 8318 руб.), которые слагаются из выплаты аккордной премии в сумме 5424 руб. (копия Приговора, стр. 7) и оплаты фактически невыполненных бригадой работ в сумме 2.894 руб. (8318 — 5424) — см. заключение строительной экспертизы — т. 3 л. д. 7-8, т. 7 л. д. 115-120, 148-155 и копию приговора, стр. 7.)

Не вызывает никакого сомнения, что хотя указанная переплата объективно была допущена в результате определенных действий Гаркуши (неправильное утверждение акта приемки работ), однако, *пособником* хищения указанной суммы переплаты (8318 руб.) Гаркуша может быть признан лишь в том случае, если он *допустил* указанную переплату *умышленно*, по предварительному сговору с Плаксивым, с целью *расхищения колхозных денег*.

Между тем:

I. Об оплате фактически невыполненных по договору работ в сумме 2.894 руб.

1) При исчислении этой суммы суд исходил из того, что за фактически выполненную работу (4.500 кв. м дороги) бригаде Плаксивого, согласно заключению экспертизы, надлежало выплатить 1.611 руб., т. е. не по 1 руб. 53 коп., как это полагается за строительство 1 кв. м щебеночной с пропиткой дороги, а по 35 коп. ($1.611 : 4500 = 0,35$ к.), т. е. почти в 5 раз менее установленных расценок.

Подобное заключение экспертизы внушает самое серьезное сомнение в его достоверности и обоснованности.

При исчислении фактически выполненных работ эксперты не приняли во внимание, что бригада Плаксивого постоянно работала *сверхурочно*, весь световой день, по 13 — 14 часов в сутки, что работы производились и в *выходные дни*. Не учли при этом эксперты и того, что работы производились фактически работниками, *командированными* в Черниговскую область из г. Киева, т. е. командировочных расходов.

Отрицая необходимость учета всех вышеуказанных оплат, эксперты в своем заключении указали:

“Согласно ст. 62 КЗоТ УССР сверхурочные работы, как правило, не допускаются. Учета рабочего времени в бригаде не велось.

Приказ не сверхурочные работы в колхозе не издавался.

Сверхурочные работы, выполненные по собственному желанию, без распоряжения администрации, оплате не подлежат”. (т. 7 л. д. 136)

Этот вывод экспертов является глубоко ошибочным. Бесспорно установлено, что бригада Плаксивого в течение всего периода строительства работала по 13-14 часов, т. е. сверхурочно, и в выходные дни, о чем руководству колхоза было известно (см. показания Плаксивого А. С., Мовчана А. Ф., Гаркуши Л. П., Мельниченко В. Е., Ковинько В. Е. и др. — т. 8 л. д. 56-об., т. 2 л. д. 78 и др.).

Сам по себе факт *отсутствия приказа* на сверхурочную работу и *табеля учета рабочего времени* не является основанием для отказа в оплате *сверхурочных работ*.

В Комментарий к ст. 40 Основ законодательства о труде
по этому поводу сказано:

"№ 5 — Пленум Верховного суда СССР разъяснил, что иски рабочих и служащих об оплате сверхурочных работ, выполненных... с ведома администрации подлежат удовлетворению и в том случае, когда эта работа применялась с нарушением предусмотренного законом порядка".

И далее:

"№ 8 — Если администрация дала согласие на выполнение работы сверхнормального рабочего времени, сам по себе факт, что она была произведена по инициативе работника, не освобождает предприятие от обязанности оплатить сверхурочную работу".

И далее:

"№ 14 — Отсутствие записей о количестве проработанного сверхурочного времени не является основанием для отказа в оплате сверхурочных работ. Суд может установить количество проработанных сверхурочных часов путем опроса свидетелей или назначения экспертизы". (см. "Комментарий к законодательству о труде", Москва, "Юридическая литература", 1981 г., стр. 174-175)

Очевидно, что если бы экспертами были приняты во внимание все указанные обстоятельства, заработная плата за фактически выполненную бригадой работу (1.611 руб), с учетом сверхурочной работы, работы в выходные дни, с учетом командировочных расходов, которые бригаде вообще не оплачивались (проезд, суточные, наем жилья и пр.), *значительно бы возросла, а, следовательно, сумма переплаты (3.894 руб.) значительно бы уменьшилась.*

2) Бесспорно установлено, что Плаксивый А. С., Мовчан А. Ф. и другие члены строительной бригады (за исключением Кривилло, который постоянно на стройке не бывал) *не имели никакого опыта строительства дорог, не являлись специалистами в этой области.*

Это обстоятельство признал суд, который в приговоре записал:

"Как видно из показаний Плаксивого А. С., Мовчана, Мельниченко и Плаксивого В. С., они ранее участия в строительстве дорог не принимали и опыта их строительства не имели" (копия приговора, стр. 12).

Естественно, что уже по одному этому бригада Плаксивого могла и допускала определенные отклонения от установленной технологии строительства дороги.

Очевидно, что при таких обстоятельствах нельзя говорить об умышленном отступлении от существующих технологических нормативов или об умышленном их нарушении бригадой строителей.

3) Что же касается контроля за качеством и количеством фактически выполненной бригадой работы, то как это видно из материалов дела, контроль этот должен был осуществляться в первую очередь ОКС Менского райуправления сельского хозяйства, который выдал надлежаще утвержденную калькуляцию и аккордное наряд-задание на строительство дороги, явившееся основанием для заключения договора, который затем был зарегистрирован в межколхозной юр-группе Менского райуправления сельского хозяйства (см. Обвинительное заключение и Приговор).

Он же, т. е. ОКС Управления сельского хозяйства, обязан был обеспечить приемку в эксплуатацию построенной дороги.

По этому поводу в сообщении Областной конторы Госбанка (на запрос Прокуратуры области) значится:

"Договор, заключенный колхозом с наемной бригадой, должен быть в обязательном порядке утвержден и передан в одном экземпляре Управлению сельского хозяйства, а ОКС являлся отделом Управления сельского хозяйства, осуществляющим контроль за строительством". (т. 7 л. д. 86)

Это же нашло отражение и в "Положении о межколхозном ОКСе при Райуправлении сельского хозяйства", в котором зафиксировано, что ОКС:

"п. 14 — Контролирует качество строительства объектов.

п. 16 — Обеспечивает соблюдение установленного порядка приемки в эксплуатацию закончен-

ных строительством объектов, построенных в колхозе как подрядным, так и хозяйственным способом". (см. Выписку из Положения — т. 7 л. д. 87-88)

Установлено, что в данном случае ОКС, в лице его главного инженера Царенко М. А., от исполнения указанных обязанностей *устранился*, в связи с чем Царенко и был признан судом виновным и осужден по ст. 167 УК за преступную *халатность*. (см. Приговор)

Не было обеспечено надлежащего *контроля* за строительством дороги и со стороны *руководства колхоза "Украина"*.

В частности, на всем протяжении следствия и в судебном заседании председатель колхоза Гаркуша объяснял, что он лично строительство дороги *не контролировал*, полагая, что заниматься этим по долгу службы должен был не он, а техник-строитель колхоза Прищепа Н. А. (см. показания Гаркуши — протокол суд. засед., т. 3 л. д. 141 и др.).

Гаркуша, далее, объяснил, что технология строительства дороги ему неизвестна, т. к. он не является специалистом в этой области, что он целиком передоверился в вопросе контроля за строительством дороги технику-строителю дороги Прищепе, что он не знал о том, что *в приемке* построенной дороги должен принимать участие представитель ОКСа, и утвердил акт приемки возведенной дороги только после того, как акт этот был подписан техником-строителем колхоза (см. показания Гаркуши — т. 8 д. д. 101-об., т. 4 л. д. 183 и др., акт приемки работ — т. 1 л. д. 30, показания свид. Прищепы Н. А. — т. 8 л. д. 137-об.).

Этим в определенной степени может быть объяснима и оплата бригаде строителей некоторой части работ, выполненных силами колхоза, на сумму 1.019 руб. (906 + 113) — копия приговора, стр. 6.

Тот факт, что Гаркуша *не осуществлял должного контроля* за строительством дороги, нашел отражение в Обвинительном заключении, где зафиксировано:

"Контроль за строительством дороги со стороны Царенко и председателя колхоза Гаркуши не осуществлялся" (копия Обвинительного заключения, стр. 5).

Нашло это отражение и в формуле обвинения Гаркуши, в которой обозначено, что Гаркуша

“злоупотребляя своим служебным положением..., действуя вопреки интересам службы, заключил фиктивный договор на строительство дороги с бригадой Плаксивого А. С.

... не обеспечил контроля за строительством дороги, дал незаконное указание бухгалтерии о выплате бригаде премии и т. д.” (см. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого — т. 4 л. д. 174 и формулу обвинения Гаркуши — обвинительное заключение).

Очевидно, что при таких обстоятельствах и с учетом того, что Гаркуша, как это установлено, действовал абсолютно бескорыстно, из ложно понятых интересов службы, с учетом того, что у него не было сговора с Плаксивым А. С., на хищение гос. средств (см. их показания), действия Гаркуши, выразившиеся в утверждении актов приемки работ, которые повлекли переплату бригаде строителей 2.894 руб., надлежало квалифицировать не как пособничество хищению, а как халатность и злоупотребление служебным положением, т. е. ст. 165, 167 УК УССР.

Именно так, по сути, они и были квалифицированы следственными органами (ст. 165 УК), которые обвинение Гаркуши сформулировали следующим образом:

“Злоупотребляя служебным положением,.. Гаркуша заключил фиктивный договор с наемной бригадой на строительство дороги..., не обеспечил контроля за строительством дороги, дал незаконное указание о выплате бригаде премии... Этими действиями Гаркуша совершил преступление, предусмотренное ст. 165 ч. II УК УССР”. (см. Постановление о предъявлении обвинения — т. 4 л. д. 174 и формулу обвинения — обвинительное заключение).

Признав это обвинение доказанным (см. приговор и Частное определение суда (т. 9 л. д. 79), суд, тем не менее, счел необходимым квалифицировать указанные действия Гаркуши не ст. 165 УК, а статьей УК, предусматривающей более тяжкое наказание, а именно ст. 19 — 86-1 УК.

Подобное решение суда, как сказано выше, является не только неправильным по существу, но и незаконным, прямо противоречащим требованиям ст. 275 и 277 УПК УССР.

II. Об оплате по аккордно-премиальному наряду премии в сумме 5.424 руб.

Квалифицируя действия Гаркуши в этой части, как посяхничество хищению гос. средств, суд в приговоре сослался на то, что Гаркуша

“заведомо зная, что премия бригаде выплате не подлежит, поскольку дорога в договорном объеме не построена, дал указание бухгалтерии об оплате...” (копия приговора, стр. 7).

И далее:

“Согласно договору, выплата премии по аккордно-премиальному наряду возможна лишь в случае возведения в срок до 1 октября 1979 г. всей дороги (1.230 м) с хорошим качеством”. (там же, стр. 16).

Однако:

1) На всем протяжении следствия и в судебном заседании Гаркуша объяснял, что никакого предварительного сговора с членами бригады Плаксивого А. С. на хищение указанной суммы премии он не имел.

“Ни в какие сговоры с “шабашечниками” я не вступал, заранее никакой договоренности не было, корыстных целей я не имел, — показал на следствии Гаркуша”. (т. 4 л. д. 183)

Показания Гаркуши подтвердил Плаксивый А. С., который в протоколе допроса, написанном собственноручно, указал:

“Я уже неоднократно писал и давал показания о том, что между мною и председателями колхозов, а так же руководством Менского ОКСа никакого предварительного сговора с целью хищения денег не было. На этом я настаиваю и сейчас”. (т. 4 л. д. 46-об.)

Подтвердили данное обстоятельство и все члены бригады Плаксивого, которые не только отрицали наличие предварительного сговора с Гаркушей на хищение премиальных (5.424 руб.), но и утверждали, что они поначалу вообще не хотели получать этих денег, считая, что премию выплачивать им не положено.

По этому поводу суд в приговоре записал:

“...Мовчан на предварительном следствии показал, что члены бригады говорили между собой о том, что поскольку объем работ, обусловленный договором, они не выполнили, то аккордно-премиальных денег получать не надо”. (копия приговора, стр. 19)

Наконец, установлено, что из полученных бригадой Плаксивого премиальных — 5.424 руб. — Гаркуша не получил на единой копейки.

Все изложенное и, в частности, показания Мовчана, на которые ссылается суд в приговоре, бесспорно свидетельствует об отсутствии сговора с Гаркушей на хищение 5.424 руб. (премиальных).

2) Из материалов дела усматривается, и это признано судебным приговором, что бригада Плаксивого не выполнила в срок всего предусмотренного договором объема работ (1230 погонных метров дороги) *не по своей вине*, а по вине колхоза, который *не обеспечил* бригаду необходимым *строительным материалом* (как это предусмотрено договором — т. 1 л. д. 10-12).

По этому поводу на очной ставке с Плаксивым *Гаркуша* пояснил:

“Дорога не была окончена потому, что *окончились строительные материалы*” (т, 4 л. д. 7).

К этому же сводились и показания Плаксивого А. С., который, помимо этого, суду объяснил:

“Гаркуше мы сказали, что *если будет материал, мы закончим всю работу*” (Протокол суд. засед. т. 8 л. д. 32).

И далее:

“Я предложил Гаркуше *рассчитаться с бригадой с учетом премии за фактически сделанную работу и Гаркуша согласился*”. (там же, л. д. 134-об.)

Об этом же показал *Мовчан А. Ф.:*

“Я считал, что зарплата *выдается из расчета на 1 кв. м выполненного объема*”. (т. 8 л. д. 66)

Признал установленным данный факт и суд, который в приговоре записал (*дословно*):

"Согласно договору обеспечить строительство дороги необходимыми строительными материалами обязан был колхоз". (Копия приговора, стр. 13)

Затем:

"Ссылки Гаркуши на то, что вопросом обеспечения строительства дороги строительными материалами занимался Плаксивый А., несостоятельны. Как видно из материалов дела, щебень колхозу был занаряжен по решению плановых органов еще в феврале 1979 г., т. е. до договоренности Гаркуше с Плаксивым А. Кроме того, как только закончились строительные материалы, Плаксивый А., Мовчан и другие члены бригады уехали из колхоза". (там же, стр. 14)

И далее:

"По договоренности № 258 от 1 июля 1979 г. ..., подписанной Гаркушей, колхоз "Украина" 3 июля 1979 г. ... получил 16 тонн составного дегтя... Начальник Менского ДРСУ-32 Корбач пояснил, что составной деготь колхозу "Украина" он выписал, т. к. об этом его просил Гаркуша". (Копия приговора, стр. 14)

Таким образом, бесспорно установлено, что Гаркуша согласился на оплату премиальных *не из корыстных побуждений*, а лишь потому, что он добросовестно полагал, что в этом случае (в связи с тем, что работа не была завершена в срок *по вине колхоза*) бригаде полагается выплатить аккордную премию, тем более, что его заверили в том, что при наличии стройматериалов вся работа будет завершена.

3) Что касается *качества* построенной дороги, то здесь нельзя не учитывать следующего:

а) В должности председателя колхоза Гаркуша проработал *незначительное* время (с декабря 1978 г.) — см. копию приговора, стр. 29.

б) Никакого опыта строительства дорог Гаркуша не имел и по роду работы иметь не мог.

в) Ссылка суда на то, что бригаде полагалась выплата премии только при условии выполнения работы в срок и с

оценкой "хорошо" (копия приговора, стр. 5). является не совсем точной, т. к. согласно приложенному к договору Аккордному наряду-заданию, являющемуся неотъемлемой частью договора (копия приговора, стр. 16), выплата аккордной премии (в сумме 7.820 руб.) причиталась бригаде при выполнении работы не только с оценкой "хорошо", но и с оценкой "удовлетворительно" (т. 1 л. д. 13).

г) По заключению строительной экспертизы прочностная характеристика возведенной дороги составляет 62% и не позволяет пропуск утяжеленных автомобилей (см. Заключение экспертов в суде — т. 7 л. д. 131, 135).

д) По заключению эксперта Татаренко дорога построена с оценкой "удовлетворительно".

"Дорогу эту можно отнести к 4 категории, — заключил эксперт в суде. Самая последняя категория — 5-ая, а 4-ая — выше по качеству". (т. 8 л. д. 238-об.)

е) Наконец, при оценке экспертного заключения нельзя не учитывать того, что экспертиза проводилась через два года после постройки дороги.

Между тем, по заключению эксперта Татаренко

"Пропуск сверхнормативных грузов по построенной Плаксивым дороге мог повлиять на разрушение покрытия" (т. 8 л. д. 214).

По данной же дороге в течение 2 лет ходили не только сверхгрузовые машины, но и трактора, в том числе и гусеничные (см. фото — т. 4 л. д. 232, 236 и заявление колхозников).

ж) Из прилагаемой к жалобе справки Городищенского с/совета и колхоза "Украина" от 2 декабря 1983 г. и письма колхозников колхоза "Украина" усматривается, что возведенная в 1979 г. дорога (до животноводческой фермы) и по сей день, в течение 4 лет, находится в эксплуатации и ремонту не подвергалась.

з) Утверждение суда о том, что аккордная премия могла быть выплачена строительной бригаде только при условии выполнения в срок всего объема работ является ошибочным.

Из имеющегося в деле "Типового договора на работы, выполняемые по строительству объектов в сельской местности", утвержденному Постановлением Государственного

комитета Совета Министров СССР по труду и социальным вопросам и Секретариатом ВЦСПС 24 мая 1978 г. № 168/16-33 (т. 5 л. д. 45, 46-48), усматривается, что "администрация (колхоз) обязуется оплачивать выполненные бригадой работы по аккордно-премиальному наряду в соответствии с "Положением о сдельно-премиальной и повременно-премиальной системах оплаты труда рабочих, занятых в строительных и ремонтно-строительных организациях, утвержденных Постановлением Госкомтруда и Секретариатом ВЦСПС 17 октября 1969 г. № 416/25 (п. 1)."

А указанное Положение предусматривает выплату аккордной премии (за фактически проработанное время, за фактически выполненный объем) и в тех случаях, когда работа в полном объеме не была выполнена по уважительным причинам (см. Бюллетень Госкомтруда Совета Министров СССР по вопросам труда и зарплаты № 1, Москва, 1970 г., стр. 28-32, п. 11).

Учитывая, что в данном конкретном случае весь объем работ не был выполнен не по вине рабочих, а по вине колхоза, который не обеспечил их строительными материалами (щебнем и пр.), колхоз не только имел право, но и обязан был выплатить бригаде аккордную премию за фактически выполненную работу — строительство 750 погонных метров (4.500 кв. м) дороги.

Представляется, что с учетом всех этих данных у суда не было решительно никаких оснований для квалификации абсолютно бескорыстных действий Гаркуши, связанных с оплатой бригаде Плаксивого премиальных в сумме 5.424 руб., ст. 19 -86-1 УК УССР.

Указанные действия Гаркуши, с учетом имевшей место переплаты премиальных, около 1.500 руб. (за счет завышения стоимости работ в договоре), полностью охватываются диспозицией ст. 165 и 167 УК УССР.

III.

Нельзя не обратить внимание на существенное нарушение судом права подсудимого на защиту.

В процессе следствия защиту обв. Гаркуши осуществляла адвокат Шуба И. К. (т. 5 л. д. 202-207).

Именно поэтому 24 августа 1981 г. Гаркуша обратился в суд с заявлением, чтобы его защиту в суде продолжала осуществлять адвокат Шуба (т. 7 л. д. 59).

Аналогичное ходатайство было заявлено подс. Гаркушей и в судебном заседании (протокол суд. заседания — т. 8 л. д. 11).

Невзирая на то, что в деле имеется документ, подтверждающий, что адвокат Шуба И. К. находится в очередном отпуске по 29 августа 1981 года (процесс начался 25 августа 1981 г.), а больничный лист был продлен ей лишь по 25 августа 1981 года. (т. 7 л. д. 60, 61), суд отклонил законное ходатайство подсудимого, не предоставил ему необходимого времени для приглашения другого адвоката (по его выбору) и, практически, навязал Гаркуше адвоката Подгорную Л. С., записав в своем определении (дословно):

“В связи с тем, что адвокат Шуба больна, находится в отпуске, время ее излечения *неизвестно* (?!), в удовлетворении ходатайства Гаркуши... отказать, *назначить* защитником Гаркуши адвоката Подгорную Л. С.” (т. 8 л. д. 12).

Представляется, что и по этим соображениям, в связи с серьезным нарушением судом права обвиняемого на защиту (ст. 158 Конституции СССР, ст. 47 УПК УССР), данный приговор не может быть оставлен в силе.

— “ —

Гаркуша Л. П. 23/II-37 г. рождения. Рос и воспитывался в честной трудовой семье. Мать Гаркуши, Чухрай Е. И. 1909 г. рождения, ей 75 лет, ветеран партии (член КПСС с 1932 г.), в настоящее время, несмотря на тяжелое состояние здоровья (хроническая сердечно-сосудистая недостаточность, инфекционный полиартрит, склеротический кардиосклероз с гипертонией и пр.), продолжает работать в совхозе.

По работе Гаркуша характеризуется положительно. (т. 4 л. д. 186)

В прошлом не судим. На иждивении Гаркуши находится несовершеннолетний сын, 1972 г. рождения.

— “ —

На основании изложенного прошу Вас *истребовать* настоящее дело и внести *протест* на предмет внесения в приговор суда следующих изменений:

1. Переквалификации действий Гаркуши Л. П. со ст. 19 — 86-1 УК УССР на ст. 165 ч. 1 и 167 УК УССР.

2. Определения Гаркуше по ст. 165 ч. 1 и 167 УК наказания в пределах фактически отбытого, с освобождением его из-под стражи.

3. Освобождение Гаркуши Л. П. от возмещения гражданского иска.

Приложение:

1. Копия приговора коллегии Верховного суда УССР на 31 л.
2. Ордер юрконсультации на ведение дела.
3. Заявление колхозников колхоза "Украина" — на 5 л.
4. Справка колхоза "Украина" от 2 декабря 1983 г. № 135 — на 1 л.
5. Справка Бродецкой участковой больницы от 26 мая 1983 г. на 1 л.
6. Справка Исполкома Бродецкого сельсовета — на 1 л.
7. Другие документы.

Справка: Гаркуша Л. П. отбывает наказание по адресу: УССР, г. Житомир, Учреждение ЯО 309/4.

Адвокат
"17" 1984 г.

А. Л. Мове

...

При ознакомлении с делом я, конечно, обратил внимание на справки сельсовета и колхоза, свидетельствующие о том, что возведенная в 1979 году дорога эксплуатируется в течение 4 лет и за все это время не подвергалась ремонту. Но как это показать наглядно? Как убедить сотрудников Верховного суда СССР, находящихся не в Чернигове, а в Москве, что это именно так — ведь из акта экспертизы явствовало, что дорога эта построена так некачественно, что по сути, уже давно вышла из строя?

Для опровержения этих выводов экспертизы я попросил родственников Гаркуши официально, через фотоателье, оформить заказ и сфотографировать каждый участок дороги на отдельной фотографии, таким образом, чтобы при их стыковке просматривалась вся дорога. Сделанные подобным образом 9 фотографий я приобщил к своей жалобе и вместе с ней сдал в Верховный суд СССР. Это, как мне кажется, сыграло решающую роль в разрешении дела — как-никак, а дорога ведь существует и действует!

4. Фотография щебеночной дороги к-за "Украина" Менского р-на Черниговской области к животноводческой ферме. Участок от 250м до 350 метров в направлении фермы. Фото сделано фотоателе по заказу. Квитанция № 794966 от 8 мая 1984 года.

Зав.фотоателье.

Handwritten signature
794966

9. Фотография щебеночной дороги к-за "Украина" Менского р-на Черниговской области к животноводческой ферме. Участок от 650м до 750 метров в направлении фермы.

Фото сделано фотоателе по заказу.
Свидетельство № 794966 от 8 мая 1984 года.

Зав.фотоателье.

Костюк
г/с

7. Фотография щебеночной дороги к-за "Украина" Менского р-на Черниговской области к животноводческой ферме. Участок от 500м до 550 метров в направлении фермы. Фото сделано фотоателе по заказу. Кд. № 794966 от 8 мая 1984 года.

Зав.фотоателье.

Через некоторое время я получил из Верховного суда СССР следующее извещение.

ВЕРХОВНЫЙ СУД СССР

Московская областная
юридическая консультация

121260, г. Москва, ул. Воровского, 15
07.84 № 02Д-368-84

адвокату тов. Мове А. Л.

Д-242, г. Москва,
ул. Барикадная, дом 8

На № _____

Сообщаю, что определенным судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 23 июля 1984 года приговор Верховного Суда Украинской ССР от 9 сентября 1981 года в отношении Гаркуши Леонида Петровича изменен, назначенное ему наказание снижено до 4-х лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. В остальной части приговор оставлен без изменения.

Приложение: фотографии на 9 листах.

Член Верховного Суда СССР

Р.К. Бризе

***

Вслед за этим в юридическую консультацию поступил следующий документ.

Из досье адвоката

Надзорное производство № 02Д-368-84

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда
СССР

В составе:
председательствующего — Филатова А. М.
и членов — Тихомирнова Р. Г. и Бризе Р. К.

Рассмотрела в заседании от 23 июля 1984 года протест заместителя председателя Верховного Суда ССР на приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Украинской ССР от 9 сентября 1981 года, которым —

Гаркуша Леонид Петрович, 1937 года рождения, уроженец с. Волчинец Комсомольского района Винницкой области, украинец, исключенный из членов КПСС в связи с настоящим делом, с высшим образованием, женатый, имеющий малолетнего сына, несудимый, —

осужден по ст. ст. 19 и 86-1 УК УССР (пособничество в хищении общественного имущества в особо крупном размере) с применением ст. 44 того же УК к 7 годам лишения свободы без конфискации имущества.

По этому же делу осуждены Плаксивый А. С., Мовчан А. Ф., Мельниченко В. Е., Плаксивый В. С., Кривилло Н. Н., Орехович А. Н. и Царенко М. А., протест в отношении которых не внесен.

Постановлено взыскать в солидарном порядке с Гаркуши Л. П., Плаксивого А. С., Мовчана А. Ф., Мельниченко В. Е., Плаксивого В. С. и Кривилло Н. Н. в пользу колхоза "Украина" Менского района Черниговской области 11.998 руб.

Протест внесен на предмет изменения приговора в отношении Гаркуши Л. П. — снижения ему меры наказания до 4 лет лишения свободы.

Заслушав доклад члена Верховного Суда СССР тов. Бризе Р. К. и заключение прокурора Управления по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел. Прокуратуры СССР тов. Иванова Л. П., полагавшего протест удовлетворить, судебная коллегия

установила:

Гаркуша Л. П. осужден за пособничество в хищении колхозных денежных средств в особо крупных размерах. Согласно приговору, преступление совершено при таких обстоятельствах.

В мае 1979 г. Плаксивый А. С. и Мовчан А. Ф. с вехом Мельниченко В. Е., Плаксивого В. С. и Кривилло Н. Н. приехали в колхоз "Украина" и предложили председателю правления колхоза Гаркуше Л. П. построить в колхозе щебеночную дорогу, при условии, что колхоз выплатит деньги как за строительство дороги с асфальто-бетонным покрытием. Гаркуша согласился, поскольку колхоз нуждался в строительстве дороги.

Используя аккордный наряд-задание и калькуляции на строительство асфальто-бетонной дороги, заведомо не

имея намерения и возможности строить такую дорогу, Плаксивый А. С., его брат Плаксивый В. С., Мовчан, Мельниченко и Кривилло заключили с Гаркушей фиктивный договор, согласно которому бригада в составе 6 человек была обязана в срок до 1 октября 1979 г. построить в колхозе подъездную дорогу с асфальто-бетонным покрытием протяженностью 1230 м., за что колхоз должен был выплатить бригаде 25.623 руб. по аккордно-премиальному наряду. При этом оплата работ должна была производиться лишь при условии постройки всей дороги.

По состоянию на 1 октября 1979 года бригада Плаксивого А. С. в колхозе "Украина" построила щебеночную дорогу протяженностью 750 м., а не 1230 м, как указано в договоре.

Эта дорога была построена некачественно, значительная часть работ по ее строительству фактически была выполнена силами колхоза и других организаций. За строительство щебеночной дороги бригаде Плаксивого А. С. надлежало выдать заработную плату в общей сумме 1611 руб.

Осужденный Гаркуша, заведомо зная о фиктивности договора и о том, что сумма заработной платы, указанная в актах, является явно завышенной, а премии бригаде начислены необоснованно, утвердил акты и дал указание работникам бухгалтерии колхоза произвести выплату бригаде денег, исходя из расчета, предложенного Плаксивым А. С.

В результате этого при пособничестве Гаркуши Л. П. осужденные Плаксивым А. С., его брат Плаксивый В. С., Мовчан А. Ф., Мельниченко В. Е. и Кривилло Н. Н. по предварительному сговору в группе похитили 11 998 руб. колхозных средств.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы протеста, судебная коллегия находит, что протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Вина осужденного Гаркуши в предъявленном ему обвинении материалами дела доказана. Однако судебная коллегия находит, что при назначении ему наказания суд недостаточно учел конкретные обстоятельства дела и данные о личности осужденного. Участвуя в совершении хищения, Гаркуша не преследовал цели личного обогащения; никакой наживы от своей преступной деятельности он не имел. Гаркуша ранее не судим; председателем правления колхоза работал незначительное время; по работе и в быту

он характеризовался положительно; был избран депутатом Городищенского сельского Совета народных депутатов Менского района Черниговской области; имеет на иждивении малолетнего сына.

С учетом изложенного, соглашаясь с протестом и руководствуясь ст. 27 Закона о Верховном Суде СССР, судебная коллегия

определила:

приговор судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Украинской ССР от 9 сентября 1981 года в отношении Гаркуши Леонида Петровича изменить, назначенное ему наказание снизить до 4 лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

В остальной части приговор в отношении Гаркуши оставить без изменения.

Председательствующий

А. М. Филатов

Члены суда

Р. Г. Тихомирнов, Р. К. Бризе

24.07.84 г.

Копия верна:

(А. Мове)

***

Через несколько месяцев, по отбытии назначенного наказания, Гаркуша Л. П. возвратился в родной колхоз, но желание творить добрые дела, думаю, у него отбили надолго.

Дело Шероза Алиевича Озмаяна

За хищение гос. имущества в особо крупных размерах (ст. 93-1 УК РСФСР и занятие частно-предпринимательской деятельностью (ст. 153 ч. 1 УК РСФСР) Озмаян Ш. А. 17/VI-85 г. был осужден на 11 лет лишения свободы. Кассационная инстанция отклонила жалобу защиты и оставила судебный приговор без изменения.

Ведение подобных, т. н. хозяйственных дел представляет большую сложность в суде первой и второй инстанции, а уж оспаривание вошедшего в законную силу приговора, как правило, архисложно. Дела эти обычно многотомные, связаны с выводами всевозможных экспертиз: криминалистических, бухгалтерских, товароведческих и других, и очень узкий круг адвокатов берется за такую работу. Тем более, что сопряжено это с жалобами и приемами во многих надзорных инстанциях, и зачастую обжалование затягивается на долгие годы. Собственно, примерно так складывалось все и в этом достаточно трудоемком деле.

Прежде всего, составив жалобу (а опытные адвокаты хорошо знают, что легче произнести судебную речь, нежели составить обстоятельную жалобу), обратился с ней в прокуратуру РСФСР. К тому времени Озмаян уже находился под стражей свыше 2-х лет.

Полученный из Прокуратуры ответ не обнадеживал.

**Документ
Копия**

ПРОКУРАТУРА СССР

ПРОКУРАТУРА
Российской Советской
Федеративной Социалистической
Республики

г. Москва ул. Баррикадная, 8
Московская областная
юридическая консультация
адвокату Мове А. Л.

20.08 87 № 12/10004-86

Ваша жалоба на приговор Горьковского областного суда по делу Озмаяна Ш. А. вновь рассмотрена и оставлена без удовлетворения по следующим основаниям.

Вывод суда о виновности Озмаяна в хищении пластика подтверждается объяснениями самого Озмаяна, показаниями Назаряна, получившего от него 2000 руб., документами о

том, что похищенный пластикат на склад не поступал, а при осмотре мастерской Озмаяна он был обнаружен.

Озмаян, совершив хищение пластиката, приступил к изготовлению литых подошв и присвоил хрома и меха на 13 989 руб. с целью дальнейшего изготовления обуви.

Поэтому вывод суда о том, что Озмаян приготавливался к частнопредпринимательской деятельности, является обоснованным.

Доводы жалобы об отсутствии доказательств по обвинению в хищении 13 989 руб. опровергаются имеющимися в деле документами, выводами ревизии, заключением судебно-бухгалтерской экспертизы, показаниями свидетеля Глазовой.

Действия осужденного квалифицированы правильно, наказание назначено в соответствии с законом.

Оснований для пересмотра состоявшихся судебных постановлений не усматривается.

И.о. прокурора управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах младший советник юстиции

Верно:

А. И. Веселова

(А. Мове)

***

Пришлось вторично писать жалобу с опровержением доводов А. И. Веселовой и обращаться с ней в ту же инстанцию.

На этот раз отрицательный ответ подписал Заместитель прокурора РСФСР И. С. Землянушин.

ПРОКУРАТУРА СССР

**Документ
Копия**

ПРОКУРАТУРА
Российской Советской
Федеративной Социалистической
Республики

г. Москва ул. Баррикадная, 8
Мособлюрконсультация
адвокату Мове А. Л.

22.10 87 № 12/10004-86

Ваша жалоба по делу Озмаяна Ш. А. рассмотрена.

Осуждение его по ст.ст. 93-1 и 15, 153 ч. 1 УК РСФСР признано законным и обоснованным.

Доводы вашей жалобы о его невинности неосновательны и опровергаются материалами дела.

Так, из показаний самого Озмаяна усматривается, что в сентябре-октябре 1983 г. он изъял из выручки от продажи обуви 1000 руб. и передал эти деньги Назаряну, пластикат был получен, но на складе Больше-Болдинского РПУ не оприходован.

Никаких документов от предприятия "Пластик", как установлено судом, Назарян не имел. Похищенный пластикат в количестве 1,8 тонны был перевезен сначала в гараж Тивикова, а затем в пос. Новая слобода в помещение Озмаяна, где из этого пластика отливались подошвы.

Так же было и с пластикатом, похищенным с предприятия "Пластик" (4 тонны) в феврале-марте 1984 г. Назарян пояснил, что за этот пластикат он получил с Озмаяна 2000 руб. в сентябре 1983 г.

Утверждение о том, что Озмаян приобрел пластикат для нужд производства, за что отдал Назаряну свои личные деньги, несостоятельно, так как собранными по делу доказательствами не подтверждается.

Таким образом, вывод суда о виновности Озмаяна в хищении 5,8 тонн пластика является обоснованными, равно как и то, что он занимался приготовлением к частнопредпринимательской деятельности.

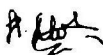
По делу установлено, что Озмаян, совершив хищение пластика, приступил к изготовлению литых подошв на приобретенных им пресформах и присвоил хрома и меха на общую сумму 13989 руб., намереваясь изготавливать обувь с целью извлечения наживы.

Кроме того, вина Озмаяна подтверждена актом ревизии, заключением судебно-бухгалтерской экспертизы, иными материалами дела.

Действия его квалифицированы правильно, наказание определено в соответствии с законом.

Оснований для опротестования приговора суда не имеется.

Заместитель Прокурора РСФСР
государственный советник
юстиции 3 класса
Копия верна:

И. С. Землянушин
(А. Мове)

...

В третий раз, составив жалобу, я обратился уже в Прокуратуру СССР. Привожу эту жалобу полностью, чтобы из нее была видна не только суть обвинения Озмаяна, но и вся беспочвенность этого обвинения.

Из досье адвоката

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СОЮЗА ССР

г. Москва, ул. Баррикадная, д.8
Московская областная
юридическая консультация

По делу

ОЗМАНЯНА Шероза Алиевича,
осужд. приговором коллегии
Горьковского облсуда от 17/VI-
85 г. по ст. 93-1 и 15-153 ч. 1 УК
на 11-ть лет лишения свободы

Определением коллегии Верховного
Суда РСФСР от 19/IX-85 г. приговор
оставлен без изменения.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Считаю необходимым *особо* обратить внимание на следующее:

I. О ПРИЧАСТНОСТИ ОЗМАНЯНА К ХИЩЕНИЮ 200 МЕШКОВ ПЛАСТИКАТА НА СУММУ 24840 руб. в ФЕВРАЛЕ-МАРТЕ М-ЦЕ 1984 г.

На всем протяжении следствия и в судебном заседании свою вину в этой части Озмаян категорически отрицал (см. показания Озмаяна и копию приговора, л. 11, 13).

При оценке доказательств, положенных в основу приговора, не было учтено следующее:

I. О показаниях Назаряна.

Ссылка суда на то, что по объяснениям Назаряна

"пластикат был предназначен для Озмаяна, который для этого дал деньги" (копия приговора, стр. 13),

является *несостоятельной*.

а) На допросе 6/IX-84 г. Назарян объяснил, что деньги в сумме 2 тыс. руб. ему давал Озманян *не для покупки пластика* и не в феврале-марте 1984 г., а в долг, для постройки гаража, за несколько месяцев до содеянного.

"Деньги мне Озманян давал *в долг* в сентябре-октябре 1983 г. на постройку гаража", — пояснил на допросе Назарян (т. 1 л. д. 107)

Эти свои показания Назарян подтвердил на очной ставке с Озманяном 27/IX-84 г., где он уточнил:

"Для приобретения кабельного пластика для Озманяна, я израсходовал 2 тыс. руб., которые я взял у него *в долг*. Эти 2 тыс. руб. я ему не отдал, а израсходовал на приобретение пластика для Озманяна"(т.1 л. д. 310-об.).

Затем:

"Кроме 1 тыс. руб. я взял у Озманяна 2 тыс. руб. *в долг* и их израсходовал на приобретение пластика" (т. 1 л. д. 311-об.).

Аналогичные показания дал Назарян и в судебном заседании:

"В сентябре 1983 г. я получил разрешение на постройку гаража, так как с 1980 г. стоял на очереди ... Денег на гараж у меня не было. Я решил занять у Озманяна. Он мне дал в долг 2 тыс. руб. и т.д. (Протокол суд. заседания, т. 12 л. д. 136)

И далее:

"Озманян мне дал 2 тыс. руб. *в займы*. Эти деньги я передал Конькову за кабельный пластикат" (там же л. д. 150).

Об этом же говорил Назарян в своем *последнем слове* (т. 12 л. д. 289), пишет он об этом и в своей *кассационной жалобе* (т. 13 л. д. 173).

Очевидно, что при таких обстоятельствах и с учетом того, что у Назаряна, судя по его показаниям, отсутствовала предварительная договоренность с Озманяном о *покупке* им заведомо похищенного пластика, действия Озманяна (при доказанности приобретения пластика — об этом см. выше) надлежало квалифицировать не как соучастие в хи-

щении (см. ст. 93-1 УК), а ст. 208 ч. IV УК, т. е. как приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, в крупных размерах.

б) Показания Назаряна о том, что кабельный пластикат, похищенный в феврале-марте 1984 г., *предназначался* для Озманяна, что со слов Озманяна через несколько месяцев он знал о том, что именно Озманян *вывез* этот пластикат из гаража Тивикова (т. 10 л. 16-об.) *крайне противоречивы*.

Так на допросе 17/VI-84 г. Назарян заявил:

"Мне Озманян дал 2 тыс. руб. и сказал, что надо еще сделать пластикат... Как и когда он (Озманян) *забирал* пластикат у Тивикова я *не знаю*". (т. 1 л. д. 102-об.)

На дальнейших допросах Назарян подтвердил показания Озманяна и *объяснил*:

"Пластикат из гаража Тивикова по *первой* поездке вывез Озманян, а со *второй* машины был вывезен в *неизвестном направлении* неизвестным мне шофером, которого я *попросил* перевести пластикат в п. Б. Болдино, но как мне позднее *сказал* Озманян, пластикат со *второй* машины ему *не был завезен*". (т. 1 л. д. 109-об.)

Затем:

"Озманян сказал, что *вторую* машину ему *не привозили*". (т. 1 л. д. 110)

в) Показания Озманяна и Назаряна в этой части подтвердил подс. Тивиков В. С.:

"Одну машину увез Озманян, а другую — неизвестный водитель на "КАМАЗе" или на "МАЗе" с разрешения Назаряна". (т. 1 л. д. 245-об.)

И далее:

"Груз из моего гаража забрал какой-то парень на машине "КАМАЗ", красная кабина с полуприцепом" (т. 1 л. д. 319).

Об этом же говорил Тивиков *на очной ставке* с Озманяном (т. 1 л. д. 321-об.).

К этому сводились показания Тивикова при допросе его в качестве обвиняемого, где он объяснил:

*“Вторую машину груза забрал при мне незнако-
мый мужчина. Он мне сказал, что груз забирает
по распоряжению Назаряна”.* (т. 10 л. д. 237-об.)

Аналогичные показания дал Тивиков и в *судебном за-
седании:*

*“В феврале-марте 1984 г. груз опять разгрузили
у меня в гараже. Приехал какой-то мужчина не-
русской национальности и среди бела дня за-
брал у меня эти мешки”.* (Протокол суд. засед.
— т. 12 л. д. 158-об.)

Затем:

*“Первый раз за грузом приезжал Озмаян. Вто-
рой раз приезжал незнакомый мужчина. Он ска-
зал, что груз велел забрать Назарян. Приезжал
этот мужчина на “КАМАЗе” или “МАЗе”.* (там же,
л. д. 159-об., 160)

*“В феврале-марте 1984 г. ко мне приезжал на
автомашине какой-то мужчина и забрал пласти-
кат, сказав, что велел Назарян”.* (там же, л. д.
160-об.)

г) В судебном заседании Назарян *изменил* свои пока-
зания и заявил:

*“Я говорил Тивикову, что в феврале-марте 1984 г.
кабельный пластикат привезут для Озмаяна. Я
никого за ним к Тивикову не посылал”.* (Протокол
суд. заседания — т. 12 л. д. 171)

Эти показания Назаряна подс. Тивиков *отверг* и объяснил:

*“Разговора о том, что пластикат для Озмаяна,
не было.* (там же, л. д. 171)

д) Крайне *путанные* показания дал Назарян по вопросу
получения 2 тыс. руб. у Озмаяна и передачи их Конькову.

В частности, поначалу Назарян *не говорил о том, что
взял указанные деньги в долг, на постройку гаража, а
объяснил, что Озмаян дал ему 2 тыс. руб. на приобретение
пластиката* (т. 1 л. д. 97, 101-103).

В дальнейшем, как указывалось, Назарян эти свои по-
казания изменил и стал вести речь *о долге* (Озмаян, как
на следствии, так и в суде, передачу Назаряну 2 тыс. руб.
категорически отрицал — см. любые его показания).

Поначалу Назарян утверждал, что 2 тыс. руб. он *лично передал* Конькову *после* того, как пластикат был вывезен с п/о "Пластик" и доставлен к Тивикову.

"Тивиков был дома. Конькову я отдал 2 тыс. руб. и отвез к Тивикову в гараж." (т. 1 л. д. 102-об.)

На дальнейших допросах Назарян свои показания *изменил* и стал говорить, что во всех случаях он передавал деньги Конькову *до вывоза* пластиката с П/О "Пластик" (для внесения в кассу).

Так на очной ставке с Шилиным 25/IX-84 г. Назарян пояснил:

"Я деньги передавал только Конькову и до вывоза пластиката" (т. 1 л. д. 296-об.).

К этому же сводились показания Назаряна и на всех других допросах в процессе следствия и в судебном заседании (Протокол суд. заседания, т. 12 л. д. 136-об. и др.).

Показания Назаряна о передаче ему 2-х тыс. руб. подс. Коньков *не подтвердил* и пояснил, что Назарян передал ему только 1.600 руб. (см. показания Конькова — т. 1 л. д. 302, Протокол суд. заседания — т. 12 л. д. 113-об. и др.).

е) Тот факт, что Назарян *оговорил* Озмаяна, пытаясь этим самым снять с себя ответственность за *организацию* хищения пластиката, подтверждается не только крайне путанными и разноречивыми показаниями Назаряна, но и *несоответствием* этих показаний другим *объективным* доказательствам.

Так:

На допросе 16/VI-84 г. Назарян утверждал, что Озмаян вместе с ним ездил в г. Дзержинск и непосредственно вел переговоры с Коньковым о хищении пластиката.

"Сергей (Озмаян) пригласил меня съездить на п/о "Пластик", — показал на этом допросе Назарян. — Мы с ним поехали... На стоянке автомашин стояли какие-то парни. Мы стали этих парней спрашивать кто из этих парней работает в объединении. Нам указали на Конькова и мы стали с ним вести переговоры..." (т. 1 л. д. 94-об.).

И далее:

“Потом Коньков сообщил, что надо приезжать за пластиком... Коньков, Сергей (Озмаян) и шофер *погрузили* эти мешки на машину, и *Сергей с Коньковым расплатился*... Как они договаривались, я не знаю, но слышал, что за каждый мешок Сергей должен по 10 руб.” (там же, л. д. 96).

Затем:

“Нас с Коньковым Сергей оставил на месте, где грузили, а сам с шофером уехали в сторону по “Пластик”...”

Коньков мне сказал, что *договорился с Сергеем*, что будет доставать пластикат и как достанет — скажет мне”. (там же л. д. 96-об.)

Аналогичные показания дал Назарян и *на очной ставке с Коньковым*, 17/V-84 г., где он утверждал:

“Хочу дополнить, что *всегда со мной был Сергей*” (т. 1 л. д. 290)

Указанные показания Назаряна опровергли подс. Коньков и Шилин, которые объяснили:

Коньков Ю. Н.

“Сергея я никакого не знаю и не видел. Я имел дело только с Федором (Назаряном)” (т. 1 л. д. 298-об.)

“Назарян предложил, сказал, что будет платить по 5 руб. за мешок, я отказался, и он предложил по 10 руб.” (т. 1 л. д. 130-об.).

И далее:

“Назарян предложил подобрать ребят, сказал, что будет платить по 10 руб. за каждый мешок и т. д. (т. 1 л. д. 297-об.).

Затем:

“Назарян предложил вывезти с завода пластикат, пообещал, что я буду хорошо жить, пообещал по 10 руб. за мешок и т. д.” (Протокол суд. засед. — т. 12 л. д. 109).

Шилин В. Ю.:

“Озмаяна я увидел только на суде”. (Протокол суд. засед. — т. 12 л. д. 127)

В заключение нельзя не обратить внимание на то, что как на следствии, так и в судебном заседании Назарян не уличал Озмаяна в хищении 200 мешков пластика, а утверждал, что в феврале-марте 1984 г. было похищено и реализовано Озмаяну не 200 мешков, а только 62 мешка пластика. (см. любые показания Назаряна)

Суммируя изложенное нельзя не признать, что на поданных показаниях Назаряна, путанных и разноречивых, противоречащих бесспорно установленным фактам, строить обвинение Озмаяна в хищении 200 мешков кабельного пластика недопустимо.

2. О других доказательствах обвинения Озмаяна в хищении пластика на сумму 24.840 руб. (копия приговора, л. 12-14)

а) Подс. Коньков, Шилин, Горячев и Ефимов, на которых ссылается суд в приговоре, ни на следствии, ни в суде, не уличали Озмаяна в указанном хищении (см. их показания).

б) Никогда не уличали Озмаяна в данном хищении и свидетели Суркова и Зимина, на которых имеется ссылка в приговоре (см. их показания).

в) Несостоятельна ссылка суда и на то, что "при осмотре местности в районе с. Новая Слобода, где находилась мастерская, и самой мастерской, в которой работал Озмаян, был обнаружен пластикат рецептуры ВШЛ, дата выпуска декабрь 1983 г., что, по мнению суда, уличает Озмаяна в вышеуказанном хищении пластика (копия приговора, л. 13).

Здесь не учтено следующее:

1. Из справки, выданной п/о "Пластик" усматривается, что в 1983-84 гг. в Объединении был пластикат рецептуры ВШЛ (т. 1 л. д. 53). Если учесть, что в сентябре-октябре 1983 г. Озмаяном было получено (как признал суд) 60 мешков пластика, похищенного в п/о "Пластикат" (чего Озмаян не отрицает), станет понятным, что сам по себе факт обнаружения в мастерской Озмаяна и в окрестностях расположения этой мастерской пластика рецептуры ВШЛ ни в коей мере не доказывает причастности Озмаяна к хищению 200 мешков пластика в феврале-марте 1984 г.

2. Из объяснений на следствии и в суде Назаряна, Озмаяна, Конькова и Тивикова усматривается, что Озмаяну в сентябре-октябре 1983 г. было доставлено пласти-

ката менее оговоренного количества, в связи с чем к Конькову были предъявлены претензии, Коньков приехал в гараж Тивикова, пересчитывал мешки и т. д. (см. показания Назаряна, Конькова, Озмаяна и Тивикова). Недостающий пластикат впоследствии был Озмаяну доставлен, чем и может быть объяснен факт обнаружения у него пластика рецептуры ВШЛ выпуска декабря 1983 г.

3. Наконец, из имеющихся в деле документов (тех самых, на которые ссылается суд в приговоре) усматривается, что при осмотре местности, мастерской, конюшни Б. Болдинского РПУ БОН было обнаружено всего 2-3 мешка с бирками пластика рецептуры ВШЛ, из которых 1-2 мешка с датой изготовления "декабрь 1983 г."

Если учесть вес данных мешков из-под пластика (20-30 кг), станет понятным, что обнаружение 40-60 кг пластика выпуска декабря 1983 г. явно недостаточно для обвинения Озмаяна в хищении 200 мешков пластика весом 4 тонны на сумму 24.840 руб.

г) По имеющимся сведениям, в настоящее время УВД при Горьковском Облисполкоме возбуждены дела о хищении из п/о "Пластикат" кабельного пластика и доставке его (при участии Назаряна и Тивикова) в сапожные мастерские КБО Сеченовского и Гакинских районов (дела по обвинению Тер-Асенова и Наргизяна), что, по всей видимости, прольет свет на то, куда именно были увезены из гаража Тивикова 200 мешков пластика в феврале-марте 1984 г.

Представляется, что приговор суда в части признания Озмаяна виновным в хищении пластика на сумму 24.840 руб., как явно необоснованный, подлежит безусловной отмене.

II. О ПРИЧАСТНОСТИ ОЗМАЯНА К ХИЩЕНИЮ 60 МЕШКОВ ПЛАСТИКАТА НА СУММУ 8.505 РУБ. В СЕНТЯБРЕ-ОКТЯБРЕ 1983 Г.

1. При доказанности данного обвинения, действия Озмаяна подлежат квалификации не по ст. 93-1, а по ст. 89 ч. IV УК.

2. На всем протяжении следствия и в судебном заседании подс. Озмаян последовательно объяснял, что Назарян обещал ему оказать содействие не в хищении пластика, а в официальной поставке его по надлежащим документам в Б. Болдинское РПУ БОН.

“После того как я вывез от Тивикова 50 мешков пластика и передал Назаряну 1 тыс. руб., — показал далее Озмаян, — а Назарян обещал мне передать накладные, но так и не передал их”. (См. любые показания Озмаяна)

Показания Озмаяна подс. Назарян полностью подтвердил и объяснил, что *предварительной договоренности* о хищении пластика у него с Озмаяном *не было*, что он действительно предложил оказать содействие Озмаяну в приобретении пластика по надлежаще оформленным документам (см. показания Назаряна).

Никаких доказательств, *опровергающих* указанные показания Озмаяна и Назаряна, в материалах дела *не имеется*, не ссылается на них и суд в приговоре.

Представляется, что при таких обстоятельствах действия Озмаяна, при доказанности осведомленности его в приобретении заведомо похищенного пластика, подлежа- ли квалификации не ст. 89, а ст. 208 ч. IV УК.

С учетом того, что *в момент приобретения* пластика Озмаян не был осведомлен о его хищении и полагал, что приобретает официально оформленную продукцию, что узнал он о хищении (вернее, должен был узнать) только после того, как Назарян не передал ему обещанные накладные на отпуск пластика, полагаю, что в действиях Озмаяна отсутствует состав преступления и судебный приговор в этой части подлежит *отмене* с прекращением дела производством.

III. ОБ ОБВИНЕНИИ В ХИЩЕНИИ ГОС. ИМУЩЕСТВА НА СУММУ 13.989 РУБ. В ПЕРИОД С 1981 ПО 1984 ГГ.

Общеизвестно, что сам по себе факт *недостачи* материальных ценностей (при отсутствии других данных) не является бесспорным доказательством хищения (см. многочисленные Определения и Постановления Верховных судов СССР и РСФСР).

Вопреки этому, свой вывод о хищении Озмаяном в течение 1981-1984 гг. хрома в количестве 23.554 м² на сумму 13.284 руб. и меха в количестве 5.641,7 дм² на сумму 705 руб., а всего гос. имущества на сумму 13.989 руб., суд построил на *единственном* доказательстве — факте *недостачи* хрома и меха у Озмаяна.

При этом не было учтено *следующее*:

1. Вывод о недостатке основан на заключении бухгалтерских экспертиз и ревизий об излишнем списании Озманыном (свыше установленных норм) указанных материалов.

Надлежащей технологической экспертизы, которая могла бы установить фактический расход сырья, ни в процессе следствия, ни в суде проведено не было.

2. "Отраслевые нормы использования и расхода основных и вспомогательных материалов на изготовление обуви", положенные в основу бух. экспертизы, были утверждены только в 1982 г. (т. 10 л. д. 506-513) и поступили в КБО в 1983 г. До этого никаких утвержденных норм списания материалов в комбинате не имелось (см. показания Озманына и свид. Макарова Н. П., Кудрявцевой Г. Н., Туршатовой И. П., Мансурова И. А. и др. — т. 2 л. д. 121, 129, 152, 168 т. 9 л. д. 13-об. и др.).

3. За все время работы Озманына отходы и остатки хрома и меха, которые неизбежны при их раскрое, списывались только трижды (в 1982 и 1983 г. — т. 9 л. д. 448) в небольших количествах, хотя делаться это должно было систематически (при каждом раскрое сырья).

4. Никаких данных о хищении т. н. излишков хрома и меха (вычисленных теоретическим путем на основании рекомендаций следователя — т. 9 л. д. 438-440, 441) в материалах дела не имеется, равно, как и нет доказательств пошива из этого сырья неучтенной обуви и ее реализации. Данное обстоятельство признано и судом в приговоре (л. 22).

Представляется, что и в этой части приговор суда, как явно необоснованный, подлежит отмене.

IV. О ПОКУШЕНИИ НА ЗАНЯТИЕ ЧАСТНО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ.

В 1983 г. Озманыном действительно были приобретены для нужд производства пресформы для литья подошв из пластиката. Приобрел он эти пресформы на свои личные деньги, поскольку был заинтересован в увеличении выпуска обуви, пользующейся повышенным спросом (за изготовление 1 пары литых подошв рабочим начислялось 2 руб. 50 коп.).

Однако квалифицировать подобные действия Озманына, как покушение на занятие частно-предпринимательской деятельностью, нельзя:

1. Из объяснений на следствии и в суде свид. Макарова Н. П. (гл. инженер) усматривается, что инициатива внедрения и производство обуви на литой подошве исходила не от Озмаяна, а от Областного Управления бытового обслуживания населения.

“В областном управлении стали говорить о внедрении обуви с литой подошвой, — показал свид. Макаров, — так как областная организация не могла удовлетворить наши запросы в литой подошве, то подошвы мы должны были лить сами. С этой целью в мастерской была установлена машина для литья подошвы. Машину эту установил Озмаян, формы и все оборудование завезли сами сапожники”.

И далее:

“Когда наладили литье, мы с Озмаяном повезли образцы обуви в область на художественный совет, где утвердили три образца”.

Свои показания свид. Макаров подтвердил в суде, где помимо этого он пояснил:

“Мне известно, что Озмаян по своей инициативе купил пресформы для литья подошв. Мы ему доставили мотор... (Протокол суд. засед. — т. 12 л. д. 207).

2. К этому же сводились и показания подс. *Петрова Б. И.* (директора РПУ БОН):

“Формы для литья подошв привез Озмаян... Мы написали письмо в Управление Снабсбыта, и нам в 1983 г. два раза отпустили литье в гранулах...” (т. 2 л. д. 157-об., т. 10 л. д. 105-об.).

И далее:

“Главный инженер мне сказал, что Озмаян привез пресформы для литья подошв... Мотор для пресформ мы доставали через “Сельхозтехнику” (Протокол суд. засед. — т. 12 л. д. 174).

3. Тот факт, что мастерская Озмаяна работала не под прикрытием гос. организации, а с ведома и по указанию администрации РПУ БОН подтверждается имеющимися в деле документами — приказом по Б. Болдинскому РПУ БОН от 1/VIII-83 г. о расширении выпуска обуви на литой подо-

шве и установлении расценок по изготовлению литых подошв (т. 2 л. д. 5).

4. Нельзя не обратить внимание и на то, что с целью увеличения выпуска обуви на литой подошве, по соответствующим ходатайствам Б. Болдинскому РПУ БОН в 1984 г. было отпущено 990 кг (38 мешков) кабельного пластика (см. документы — л. д. 205-207, 211, 215-222 т. 2).

Представляется, что при таких обстоятельствах у суда не имелось решительно никаких оснований для обвинения Озмаяна по ст. 15-153 ч. 1 УК.

— * —

Озмаян Ш. А. 1940 г. рождения. Рос и воспитывался в простой рабочей семье. По работе в Б. Болдинском РПУ БОН (с 1977 г. по день ареста) зарекомендовал себя исключительно положительно. "Плановые задания систематически перевыполнял на 110 — 135%, неоднократно заносился на Доску почета Райбытуправления, был награжден Почетной грамотой РК КПСС и Исполкома Райсовета в честь 60-летия СССР. Пользовался заслуженным авторитетом в коллективе". (см. Характеристику — т. 10 л. д. 145).

В июле 1981 г. умерла жена Озмаяна — Оганезова Р. Г., после чего он один воспитывал оставшихся на его иждивении троих детей, проявив себя, как хороший семьянин и заботливый отец (см. документы — т. 13 л. д. 41, 42, т. 10 л. д. 145).

В прошлом Озмаян не судим.

По изложенным соображениям прошу Вас истребовать настоящее дело и внести протест на предмет отмены приговора суда и Определения коллегии Верховного суда РСФСР и прекращения в отношении Озмаяна Ш. А. в уголовном порядке дела производством за недоказанностью предъявленного ему обвинения.

Приложение:

1. Копия Приговора Облсуда — на 35 л.
2. Копия Определения Верховсуда РСФСР — на 10 л.

Справка: Озмаян Ш. А. отбывает наказание по адресу: 606510, Горьковская обл., ст. "Сухобезводное" пос. Мирный, п/я 43-62/6-6.

Адвокат
23 ноября 1987 г.

А. Л. Мове

В прокуратуре СССР на сей раз было принято решение передать материал вновь в Прокуратуру РСФСР, с указанием более тщательно разобраться в доводах защиты.

Вскоре из прокуратуры РСФСР поступил ответ.
Вот он.

Документ

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
Государственный Советский
Федеративный Социалистический
Республики

Москва, ул. Баррикадная, 8
Юридическая консультация
адвокату Мове А.Л.

103740 ГСП, Москва, К-31
Кузнецкий мост, 13

200388 № 12/10004 №

На № _____

В связи с Вашей жалобой по делу Озмаяна Ш.А., поступившей из Прокуратуры СССР, в Президиум Верховного Суда РСФСР внесен протест, в котором поставлен вопрос об изменении приговора в части квалификации действий осужденного и снижения ему меры наказания.

Рассмотрение протеста контролируется Прокуратурой РСФСР.

Приложение: на 47 л.

Заместитель Прокурора РСФСР
государственный советник
1-го класса

А.В. Титов

***

А еще через месяц, 13 апреля 1988 г., Президиум Верховного суда РСФСР под председательством Е. А. Смоленцева, рассмотрев дело Озмаяна Ш. А. по протесту Первого заместителя Прокурора РСФСР Н. С. Трубина, принял следующее решение.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиума Верховного суда РСФСР

г. Москва

13 апреля 1988 года

Президиум Верховного Суда РСФСР в составе:

Председателя — Смоленцева Е. А.

Членов президиума: Шубина В. В., Смирнова Л. Л.,
Сергеевой Н. Ю., Верина В. П.,
Луканова П. П., Никонова В. Н.,
Карасева И. Н., Лукашова Ю. П.,
Чистяковой Л. В., Меркушова А. Е.,
Вячеславова В. К.

Рассмотрев дело по протесту Первого заместителя
Прокурора РСФСР Трубина Н. С. на приговор Горьковского
областного суда от 17 июня 1985 года, по которому —

Озмаянн Шероз Алиевич, 1 сентября 1940 года рожде-
ния, уроженец г. Батуми, армянин, не судим,

осужден по ст. ст. 15-153 ч. 1 УК РСФСР к 3 годам
лишения свободы с конфискацией имущества, по ст. 93 —
1 УК РСФСР и по совокупности преступлений на основании
ст. 40 УК РСФСР к 11 годам лишения свободы в исправи-
тельно-трудовой колонии усиленного режима с конфиска-
цией имущества.

По делу осуждены Назарян Ф. С., Коньков Ю. Н., Шилин
В. Ю., Горячев А. Р., Ефимов В. В., Тивиков В. С., Мирзоян
Р. М., Нефедов В. С., Самарин И. Н., Самарина А. М., в
отношении которых протест не внесен.

Постановлено взыскать: солидарно с Озмаянна, Наза-
ряна, Конькова, Шилина, Горячева, Ефимова, Тивикова
33.395 руб. в пользу Дзержинского производственного объ-
единения "Пластик";

с Озмаянна — 13.989 руб. 25 коп. в пользу Б. Болдин-
ского РПУ БРН, 1125 руб. 70 коп. — госпошлины и 185 руб.
52 коп. судебные издержки в доход государства.

По делу также осуждены:

Петров Борис Иванович, 4 ноября 1938 года рождения, уроженец кордона Светлый Починковского района, Горьковской области, — по ст. 172 УК РСФСР к 1 году лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строгого режима и в силу ст. 29 УК РСФСР с лишением права занимать руководящие должности сроком на 3 года, в отношении которого протест не внесен и дело рассматривается в порядке ст. 380 УПК РСФСР.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 19 сентября 1985 года приговор изменен, снижен размер суммы, подлежащей взысканию солидарно с Озмаяна и других осужденных с 33.395 руб. до 33. 345 руб., а также исключено указание о взыскании с Озмаяна 1125 руб. 70 коп. госпошлины в доход государства.

Заслушав доклад члена Верховного Суда РСФСР Галиуллина З. Ф. и выступления Заместителя Прокурора РСФСР Бутурлина А. В., поддержавшего протест,

Президиум Верховного Суда РСФСР

Установил:

Озмаян признан виновным и осужден за хищение государственного имущества в особо крупном размере и за приготовление к частнопредпринимательской деятельности, а Петров — за халатность.

Преступления совершены при следующих обстоятельствах.

В 1982-1983 гг. в системе Управления бытового обслуживания населения Горьковской области стали изготавливать обувь на литой подошве из пластика для продажи населению. Для занятия частнопредпринимательской деятельностью бригадир по пошиву обуви Больше-Болдинского районного производственного управления бытового обслуживания населения Озмаян, а затем и бригадир по пошиву обуви Заволжского филиала Городецкого РПУ БОН Мирхоян вступили в преступный сговор с милиционером УВД Дзержинского райисполкома Назаряном с целью хищения пластика из Дзержинского производственного объединения "Пластик".

Назарян вовлек в преступную деятельность работников п/о "Пластик" грузчиков Конькова, Шилина и охранников ВОХР Горячева и Нефедова.

Для перевозки и хранения похищенного пластика в преступную деятельность были вовлечены механик автобазы "Волговятвторсырье" Тивиков и шофер автобазы Ефимов.

Коньков и Шилин подготавливали в объединении пластикат для хищения, сообщали об этом Назаряну, который в условленное время приезжал на грузовой автомашине с Тивиковым и Ефимовым из гор. Горького в г. Дзержинск.

Коньков и Шилин по договоренности с охранниками Горячевым и Нефедовым беспрепятственно заезжали на охраняемую территорию, грузили пластикат и выезжали.

Назарян, Тивиков и Ефимов перевозили похищенный пластикат в гаражи Тивикова и Мирхояна и в дальнейшем перевозили для литья подошв Озмаяну и Мирзояну.

В сентябре-октябре 1983 г. Озмаян и другие осужденные совершили по предварительному сговору из п/о "Пластик" кражу 60 мешков пластиката в количестве 1,8 тонны с применением коэффициента 4,5 на сумму 8.505 руб., а в феврале-марте 1984 г. похитили оттуда 200 мешков пластиката на сумму 24.840 руб.

Кроме того, Озмаян, являясь материально-ответственным лицом, с целью изготовления неучтенной обуви путем излишнего списания хрома и меха и его присвоения, похитил в Б. Болдинском РПУ БОН материальные ценности с применением коэффициента 6 на сумму 13.989 руб. 25 коп.

Директор РПУ БОН Петров халатно относился к исполнению своих служебных обязанностей, что позволило Озмаяну совершить хищение материальных ценностей.

Всего Озмаяном похищено гос. имущества на сумму 47.334 руб. 25 коп.

Совершая хищение сырья для изготовления неучтенной обуви, Озмаян умышленно создавал условия для занятия частнопредпринимательской деятельностью с использованием государственных форм.

В протесте поставлен вопрос об отмене приговора и кассационного определения в части осуждения Озмаяна по ст. ст. 15-153 ч. 1 УК РСФСР и прекращении дела производством за отсутствием состава преступления, исключении из обвинения Озмаяна эпизодов хищения 200 мешков пластиката на сумму 24.849 руб., а также хищения хрома и меха на сумму 13.989 руб. 25 коп. за недоказанностью его вины, переквалификации в связи с этим действий Озмаяна со ст. 93-1 УК РСФСР на ст. 92 ч. 3 УК РСФСР и назначении наказания в виде 7 лет лишения свободы.

Кроме того, поставлен вопрос об исключении из приговора указания о взыскании с Озмаяна 13.989 руб. в пользу Б. Болдинского РПУ БОН и исключении его из числа солидарных ответчиков по взысканию 24.840 руб.

При этом указывается, что вывод суда о виновности Озмаяна в хищении 200 мешков пластиката на сумму 24.840 руб. основан лишь на противоречивых показаниях другого осужденного — Назаряна и факте обнаружения по месту работы Озмаяна 40-60 кг пластиката, которых явно недостаточно для вынесения обвинительного приговора.

По эпизоду хищения Озмаяном кожи и меха на сумму 13.989 руб. приговор суда так же основан лишь на выводах актов ревизии и заключения судебно-бухгалтерской экспертизы, которые не подтверждены иными доказательствами по делу.

Что же касается осуждения Озмаяна за приготовление к занятию предпринимательской деятельностью, то в его действиях отсутствует состав преступления, поскольку мастерская Озмаяна по выпуску обуви работала не под прикрытием гос. организации, а с ведома и по указанию администрации РПУ БОН.

Президиум Верховного Суда РСФСР находит протест подлежащим удовлетворению.

Правильно установив вину Озмаяна в совместном с другими осужденными хищении в сентябре-октябре 1983 года 60 мешков пластиката на сумму 8.505 руб., суд вместе с тем без достаточных оснований признал Озмаяна виновным в хищении 200 мешков пластиката на сумму 24.840 руб., похищенных с теми же осужденными в феврале-марте 1984 г.

На предварительном следствии и в судебном заседании Озмаян категорически отрицал свою причастность к хищению пластиката по этому поводу.

В основу обвинения Озмаяна в хищении 200 мешков пластиката на 24.840 руб. суд положил показания осужденного Назаряна о том, что пластикат был предназначен для Озмаяна, который для этого дал деньги 2.000 руб., и факт обнаружения пластиката в мастерской Озмаяна.

Однако показания Назаряна, положенные судом в основу приговора, крайне противоречивы и непоследовательны.

Первоначально он заявлял, что Озманян дал ему 2.000 руб. для приобретения пластика (т. 1 л. д. 97). В дальнейшем он изменил свои показания и стал утверждать, что эти деньги взял у Озманяна в долг на строительство гаража (т. 1 л. д. 107, 310-311, т. 12 л. д. 136, 150). Назарян пояснил, что кабельный пластикат, похищенный в феврале-марте 1984 г., предназначался для Озманяна, однако забрал ли его именно он, ему неизвестно.

Пластикат из гаража Тивикова по первой поездке вывез Озманян, а второй машиной был вывезен в неизвестном направлении неизвестным шофером. Как мне позднее сказал Озманян, "пластикат со второй машины не был вывезен".

Тивиков подтвердил, что второй раз груз из его гаража увез неизвестный водитель по распоряжению Назаряна.

Непоследовательность показаний Назаряна о роли Озманяна в организации хищения подтверждается и другими материалами дела.

Назарян заявлял, что Озманян принимал непосредственное участие в переговорах о деталях доставки пластика, грузил его на машину.

Однако осужденный Коньков и Шилин опровергли его показания. Коньков показал, что Озманяна он не знает и не видел, а имел дело только в Назарянном.

В суде Коньков пояснил, что Назарян предложил ему вывезти с завода пластикат, подобрать ребят, обещал заплатить за каждый похищенный мешок по 10 руб.

Шилин также подтвердил, что Озманяна увидел только в судебном заседании.

Суд в приговоре, как на доказательство вины Озманяна в указанном хищении, сослался на показания Конькова, Шилина, Горячева, Ефимова, однако указанные лица не уличили его в этом.

Ссылка как на обстоятельство, подтверждающее виновность Озманяна в хищении 200 мешков пластика на сумму 24.840 руб., на то, что по его месту работы обнаружен пластикат рецептуры ВШЛ с датой выпуска "декабрь 1983 г.", является неубедительной.

Из протокола осмотра мастерской, где находилось рабочее место Озманяна, видно, что там был обнаружен один пустой мешок с биркой пластика рецептуры ВШЛ с датой

выпуска "декабрь 1983 г.", а в нескольких километрах от места его работы на берегу речки обнаружены еще 3 аналогичных пустых мешка.

Осужденный Озмаян показал, что он задержан 15 июня 1984 года, указанные мешки были обнаружены 22 и 28 июня 1984 года, без его участия, поэтому он к ним отношения не имеет.

При отсутствии других достоверных доказательств противоречивые показания осужденного Назаряна, заинтересованного в смягчении своей вины, и факт обнаружения 4 пустых мешков из-под пластика не могут быть положены в основу обвинения Озмаяна в участии в хищении 200 мешков пластика на сумму 24.840 руб.

Осужденный Озмаян также отрицал вину в хищении материальных ценностей со своего подотчета.

В подтверждение его вины в хищении хрома и меха на сумму 13.839 руб. 25 коп. суд сослался на заключение судебно-бухгалтерской экспертизы и акты ревизии о списании указанных материалов свыше установленных норм.

Однако надлежащей экспертизы, которая могла бы установить фактический расход сырья, ни в процессе следствия, ни в судебном заседании проведено не было. До 1983 г. в комбинате утвержденных норм списания не имелось, отходы и остатки хрома и меха, неизбежные при их раскросе, списывались только трижды в небольших количествах (т. 9 л. д. 448), хотя это должно быть систематически при каждом раскросе сырья. Никаких данных о хищении его излишков в деле нет, как нет и доказательств пошива из этого сырья неучтенной обуви и ее реализации.

Таким образом, бесспорных доказательств вины Озмаяна в хищении мешков пластика на сумму 24.840 руб., а также хищения хрома и меха на сумму 13.939 руб. 25 коп. по делу не добыто, в связи с чем указанные суммы подлежат исключению из его обвинения.

Поскольку доказана вина Озмаяна в краже 60 мешков пластика на сумму 8.505 руб. по предварительному стговору с другими осужденными, то его действия следует переквалифицировать со ст. 93-1 УК РСФСР на ст. 89 ч. 4 УК РСФСР, а не на ст. 92 ч. 3 УК РСФСР, как это ошибочно указано в протесте.

Ошибочным является и вывод суда о виновности Озмаяна в приготовлении к занятию частнопредпринимательской деятельностью.

Признавая Озмаяна виновным в совершении этого преступления, суд указал, что он на свои деньги приобрел пресформы, организовал мастерскую по изготовлению подошв из пластика и намеревался изготавливать обувь с целью извлечения наживы.

Однако с такими выводами суда согласиться нельзя.

Осужденный Озмаян вину в частнопредпринимательской деятельности не признал и показал, что он действительно на свои деньги приобрел пресформы для изготовления литой подошвы, однако у него не было намерения изготавливать и продавать неучтенную обувь.

Из показаний главного инженера свидетеля Макарова на предварительном следствии видно, что инициатива внедрения и производства обуви на литой подошве принадлежала не Озмаяну, а областному управлению бытового обслуживания населения.

В областном управлении стали говорить о внедрении обуви с литой подошвой. Так как областная организация не могла удовлетворить их запросы в литой подошве, то они должны были лить подошвы сами. С этой целью в мастерской была установлена машина для литья подошв. Машину эту установил Озмаян, форму и все оборудование завезли сами сапожники. Когда наладили литье, они с Озмаяном повезли образцы обуви в область на художественный совет, где утвердили три образца.

В судебной заседании Макаров, кроме того, пояснил: "Мне известно, что Озмаян по своей инициативе купил пресформы для литья подошв. Ему достали мотор" (т. 12 л. д. 207).

По существу, аналогичны показания директора РПУ БОН Петрова.

Тот факт, что мастерская Озмаяна работала не под прикрытием гос. организации, а с ведома и по указанию администрации РПУ БОН, подтверждается имеющимся в деле приказом по Б. Болдинскому РПУ БОН от 01.08.1983 г. о расширении выпуска обуви на литой подошве и установления расценок по их изготовлению.

Согласно имеющимся в деле документам, с целью увеличения выпуска обуви на литой подошве Б. Болдинскому РПУ БОН по соответствующим ходатайствам в 1984 г. было отпущено 990 кг (38 мешков) кабельного пластика.

В приговоре не приведены доказательства, на основании которых суд пришел к выводу о том, что Озмаян намеревался изготавливать обувь с целью извлечения наживы, таких доказательств не имеется и в материалах дела.

Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что из обвинения Озмаяна судом было исключено изготовление им неучтенных 92 пар женских сапожек и 836 пар мужских туфель, как основанное на предположении следственных органов.

При таких обстоятельствах следует прийти к выводу о том, что в деле нет достаточных доказательств, свидетельствующих о том, что Озмаян приготовился к занятию частнопредпринимательской деятельностью, поэтому приговор в этой части подлежит отмене, а дело прекращению производством.

Петров признан виновным и осужден за то, что он, работая директором Б. Болдинского РПУ БОН, ненадлежаще выполнял свои служебные обязанности вследствие недобросовестного к ним отношения, что позволило Озмаяну совершить хищение хрома и меха на сумму 13.989 руб. 25 коп.

Поскольку из обвинения Озмаяна исключается хищение материальных ценностей на сумму 13.989 руб. 25 коп., соответственно в действиях Петрова нет состава преступления, предусмотренного ст. 172 УК РСФСР.

Поэтому приговор в отношении Петрова подлежит отмене и дело прекращению производством.

Озмаян, отбывая наказание в местах лишения свободы, характеризуется положительно, режим содержания не нарушает, поэтому ему необходимо применить ст. 9 п. "е" Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 июня 1987 г. "Об амнистии в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции".

На основании изложенного и руководствуясь ст. 378 п. 5 УПК РСФСР, Президиум Верховного Суда РСФСР

Постановил:

Приговор Горьковского областного суда от 17 июня 1985 г. и Определение судебной коллегии по уголовным

делам Верховного Суда РСФСР от 19 сентября 1985 г. в отношении Озмаяна Шероза Алиевича в части осуждения его по ст. ст. 15-153 ч. 1 УК РСФСР отменить и дело производством прекратить за недоказанностью его вины.

Исключить из обвинения Озмаяна Ш. А. эпизоды хищения 200 мешков пластика на сумму 24.840 руб., а также хрома и меха на сумму 13.989 руб. 25 коп. в связи с этим переквалифицировать его действия со ст. 93-1 УК РСФСР на ст. 89 ч. 4 УК РСФСР, по которой назначить ему наказание 7 лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима с конфискацией имущества.

Исключить Озмаяна Ш. А. из числа солидарных ответчиков по взысканию 24.840 руб. в пользу Дзержинского производственного объединения "Пластик", а также указание о взыскании с него 13.989 руб. 25 коп. в пользу Б. Болдинского РПУ БОН.

Тот же приговор в отношении Петрова Бориса Ивановича отменить и дело производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

В остальном приговор и кассационное определение оставить без изменения.

На основании ст. 9 п. "е" Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 июня 1987 г. "Об амнистии" оставшуюся неотбытой часть наказания Озмаяну Ш. А., с учетом внесенных в приговор изменений, сократить наполовину.

Председатель — Е. А. Смоленцев
Копия верна: Зам. председателя В. А. Рыжков.

Верно:

 (А. Мове)

***

Если учесть, что дело по ст. 15-153 ч. 1 УК было производством прекращено, что из приговора исчезла статья 93-1 УК — хищение гос. имущества в особо крупных размерах — (по которой существовал особо строгий порядок условно-досрочного освобождения от наказания), станет понятным, что все это, в совокупности со снижением срока наказания на 4 года, да еще с сокращением неотбытого срока наполовину (примерно до 3,5 лет), которые к этому времени Озмаян почти отбыл, станет понятным, что путь на свободу для Озмаяна был открыт, и в дальнейшем обжаловании приговора всякая необходимость отпала.

Дело Аширкули Мамедкулиева

Это дело представляло несомненный интерес и не только в связи с необычностью фактуры происшедшего, но и потому, что обвинение, выдвинутое против молодого сотрудника мед. пункта при Ашхабадском стекольном комбинате — Мамедкулиева А. было настолько шатким, что в процессе следствия дело *трижды* прекращалось производством за недоказанность предъявленного Мамедкулиеву обвинения и *дважды* Народные суды г. Ашхабада возвращали это дело на дополнительное расследование.

Свои соображения по этому делу я изложил в жалобе, с которой обратился в Верховный суд Туркменской ССР.

Никакого желания вмешиваться в это дело с его стороны обнаружено не было.

Документ

ТУРКМЕНИСТАН ССР
ЕКАРЫ СУДЫ

ВЕРХОВНЫЙ СУД
ТУРКМЕНСКОЙ ССР

74000. Ашгабат. Ленин пр. мал. № 18
телефон № 5-82-19

74000. Ашхабад, пр. Ленина № 18
телефон № 3-87-19

№ 6-385/83
3. XI 1983 г. г.

На № _____ от _____

Гор. Москва, ул. Баррикадная д. 8
МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ПРАВИТЕЛЬСКО-ЮРИДИЧЕСКАЯ
КАНАЛ КОНСУЛЬТАЦИИ

адвокату г. МОВЕ А. А.

Ваша жалоба на необоснованность приговора судебной коллегии по уголовным делам Ашхабадского областного суда от 13 января 1983 г. которым Мамедкулиев А. признан виновным и осужден по ст. 122ч. 3 УК ТССР к 9 годам лишения свободы, рассмотрела.

Считаю, что виновность Мамедкулиева А. в совершении преступления, предусмотренного ст. 122ч. 3 УК ТССР доказана полностью, а его действия квалифицированы правильно. Оснований для приращения срока на предмет отмены или изменения приговора суда не имеется.

Подробный ответ с опровержением Ваших доводов о необоснованности осуждения Мамедкулиева А. нами дан 9 сентября 1983 года за № 6-365/83 г.

Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО СУДА
ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Б. МУХМЕДОВ
Б. МУХМЕДОВ

Верховный суд ТССР

№ 6-365/83 9 сентября 1983 года

г. Москва, ул. Баррикадная, д. 8
Московская областная
юридическая консультация
адвокату тов. Мове А. Л.

Верховный суд ТССР сообщает, что Ваша жалоба по делу Мамедкулиева Аширкули, 28 июля 1958 года рождения, осужденного судебной коллегией по уголовным делам Ашхабадского обл. суда 13 января 1983 года по ст. 122 ч. 3 УК ТССР к 9 годам лишения свободы, в которой ставится вопрос об отмене приговора облсуда и определения Верховного суда и прекращении дела производством за отсутствием события преступления рассмотрена с истребованием уголовного дела и признана необоснованной по следующим основаниям.

Вина Мамедкулиева А. в совершении изнасилования несовершеннолетней Гамалиевой О. доказана материалами дела. Так, потерпевшая Гамалиева О. показала, что она по поручению своей матери 14 июня 1981 года, примерно в 19 часов 30 мин. пришла в медпункт к Мамедкулиеву А. с просьбой дать ей немного мази. Увидев, что Мамедкулиев оказывает какому-то рабочему медицинскую помощь, она подождала в коридоре. Когда ушел рабочий она зашла в медпункт. Мамедкулиев А., увидев ее, взял ключи со стола и запер входную дверь. Она, почувствовав неладное, спросила, почему он закрывает дверь, он ответил "подожди и сейчас узнаешь", стал приближаться к ней. Она стала убегать от него вокруг стола. Мамедкулиев А. поймал ее, повалил на кушетку и, применив физическую силу, угрожая, насильственно совершил с ней половое сношение. В это время постучали в дверь, она, от страха растерявшись, полезла в шкаф, находившийся в медпункте. После этого Мамедкулиев А. пошел и открыл дверь. На вопрос матери "где дочь",

---

* Здесь и далее фамилия потерпевшей изменена. — Прим. автора.

он ответил "здесь ее нет" и стал ругаться с ее матерью. В это время она — Оразджахан выскочила из шкафа и вместе с матерью ушла. По дороге она рассказала, что Мамедкулиев А. ее изнасиловал, и об этом заявили в милицию.

Представитель потерпевшей Гамалиева Огулнур показала, что 14 июня 1981 года она была в медпункте стекольного комбината и попросила у Мамедкулиева А. немного мази для младшего сына, у которого в обрасти рта выскочил "чирий". Мамедкулиев сказал ей, чтобы она зашла попозже. Примерно в половине восьмого, она за мазью в медпункт направила свою дочь Оразджахан. Когда прошло примерно минут двадцать, заметив, что дочь не возвращается, побеспокоившись, она пошла в медпункт. Входные двери пункта были закрыты. Но услышав голос внутри, она стала стучать в дверь. Минут через пять двери открыл Мамедкулиев А. Когда она задала вопрос ему, где ее дочь, в ответ он стал кричать на нее и ответил, что нет ее дочери у него. В это время из шкафа вышла Оразджахан и они, расстроившись, ушли из медпункта. По дороге дочь ей сказала, что Мамедкулиев А. изнасиловал ее, и они об этом сообщили в милицию.

Из акта судебно-медицинского освидетельствования от 19 июля 1981 года видно, что целость девственной плевы у Гамалиевой О. нарушена, и срок нарушения соответствует 14 июня 1981 года.

Ваши доводы изложенные в жалобе о том, что Мамедкулиев не знал о возрасте потерпевшей, поэтому его действия следует квалифицировать по ч. 1 ст. 122 УК ТССР, являются не правильными.

Как видно из материалов уголовного дела, когда Мамедкулиев совершил с потерпевшей насильственный половой акт, ей всего было 16 лет. 5 мес., поэтому оценка суда первой инстанции является правильной, что Мамедкулиев А. на основе внешнего облика потерпевшей, ее возраста, роста и физического развития в момент совершения изнасилования знал, что он совершает изнасилование несовершеннолетней.

Ваш довод о том, что в деле нет достаточных доказательств, подтверждающих вину Мамедкулиева А., а в показаниях потерпевшей имеются противоречия, также является необоснованным и опровергается материалами дела.

Как видно из показаний потерпевшей Гамалиевой О., нет существенных противоречий, которые безусловно устранили бы версию обвинения, а наоборот, ее показания в ходе предварительного расследования и в суде о том, что ее изнасиловал Мамедкулиев А., являются убедительными, ввиду их последовательности и согласованности, которые подтверждаются также показаниями свидетелей, актом судебно-медицинского освидетельствования.

Более того, потерпевшая Гамалиева О. ранее не знала Мамедкулиева А. и с ним не была ни в каких личных неприязненных отношениях, поэтому нет оснований не верить показаниям потерпевшей Гамалиевой о том, что она изнасилована Мамедкулиевым.

Судом также правильно не приняты во внимание показания свидетеля Чарыева А. о том, что при беседе потерпевшая Оразджахан и ее мать объяснили ему, что Оразджахан не изнасилована Мамедкулиевым и что они от медицинского освидетельствования сами первоначально отказались, т. к. эти показания свидетеля Чарыева не соответствуют действительности и опровергаются показаниями потерпевшей Гамалиевой О. и ее матери.

Таким образом вина Мамедкулиева доказана и его действия по ст. 122 ч. 3 УК ТССР квалифицированы правильно.

При таких обстоятельствах, соглашаясь с выводом суда, не нахожу оснований для принесения протеста на предмет отмены или изменения приговора.

Ваша жалоба оставлена без удовлетворения.

Приложение:

копия приговора на 4 л.
копия определения на 3 л.

Зам. председателя Верховного суда
Туркменской ССР

А. Кистович

Верно:

(А. Мове)

***

Следует отметить, что еще до меня обращался с жалобой в Прокуратуру Туркменской ССР отец осужденного, Кулиев М., однако и он получил отказ в пересмотре дела сына.

Прокуратура СССР
Туркменистан ССР
ПРОКУРАТУРАСЫ
ПРОКУРАТУРА
Туркменской ССР

Документ
Копия

г. Ашхабад, ул.
Магнитогорская, д. 11
гр-ну Кулиеву М.

10.03.83 № 1260-93
г. Ашхабад

7

Ваша жалоба с личного приема по делу сына Мамедкулиева А. рассмотрена с изучением материалов уголовного дела.

Изложенные в жалобе доводы о том, что Мамедкулиев необоснованно осужден, несостоятельны, ибо вина его в совершении изнасилования несовершеннолетней Гамалиевой О. доказана материалами дела.

Несмотря на то, что Мамедкулиев как на предварительном следствии, так и с судебном заседании виновным себя не признал в совершенном преступлении, суд дал правильную и объективную оценку доказательствам, имеющимся в деле.

Так, потерпевшая Гамалиева О. как на предварительном следствии, так и в ходе судебного заседания последовательно давала показания об обстоятельствах ее изнасилования Мамедкулиевым А.

Показания потерпевшей подтвердила ее мать — Гамалиева Огулнур, которой Оразджахан рассказала о случившемся.

Из акта судебно-медицинского освидетельствования от 19 июня 1981 года видно, что целостность девственной плевы у Гамалиевой О. нарушена, и срок нарушения соответствует 14 июня 1981 г.

Показания потерпевшей, представителя потерпевшей правдивы и не вызывают сомнений в их достоверности, т. к. они последовательны и согласуются с другими объективными данными.

Ваша ссылка на показания свидетеля Чарыева А. о том, что при беседе потерпевшая Оразджахан и ее мать объяснили ему, что Оразджахан не изнасилована Мамедкулиевым

вым и что они от медицинского освидетельствования сами первоначально отказались, неосновательны, поскольку судом первой инстанции показания Чарыева правильно не были взяты во внимание, т. к. они не соответствуют действительности и опровергаются собранными по делу доказательствами.

Как видно из объяснений Гамалиевых, которые отображены были самим Чарыевым А., они обратились к нему с просьбой о помощи, т. к. была изнасилована потерпевшая Оразджахан. Несмотря на это Чарыев А. никаких мер к раскрытию преступления не принял. О том, что Чарыев отказал им в выдаче направления на экспертизу, свидетельствует то обстоятельство, что Гамалиевы сразу обжаловали его действия в прокуратуру, откуда дали указания выдать направление на судебно-медицинскую экспертизу. По представлению прокурора района Чарыев А. привлечен к дисциплинарной ответственности за допущенные им нарушения. Кроме того областной суд вынес в отношении него частное определение.

Утверждения жалобы о том, что потерпевшая Гамалиева О. и ее мать оклеветали Мамедкулиева, надуманны, т. к. из материалов дела видно, что оснований для этого у них не было, тем более, что до совершения преступления осужденный и потерпевшая друг друга не знали и никаких неприязненных отношений между ними не было.

При таких обстоятельствах суд обоснованно постановил в отношении Мамедкулиева обвинительный приговор, действия его по ст. 122 ч. 3 УК ТССР квалифицированы правильно. Мера наказания ему определена с учетом отягчающих и смягчающих обстоятельств, личности, в пределах санкции закона.

Оснований для опротестования состоявшихся по делу судебных решений не имеется.

Прокурор Туркменской ССР
государственный советник
юстиции 2 класса

В. И. Аринин

Верно:

(А. Моев)

***

Имея на руках решения высших судебно-прокурорских инстанций Туркмении, я обратился с жалобой в Прокуратуру СССР.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

Адвоката А. Л. Мове,
г. Москва, Баррикадная ул., д. 8.
Московская областная
юридическая консультация

По делу

Мамедкулиева Аширкули, осужд.
Приговором коллегии Ашхабад-
ского облсуда от 13/I-83 г. по ст.
122 ч. III УК ТССР на 9 лет лише-
ния свободы

Определением коллегии Верховного
Суда ТССР от 16/II-1983 года приговор
оставлен без изменения.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

Приговор коллегии Ашхабадского облсуда и Определе-
ние коллегии Верховного Суда ТССР по данному делу представля-
ются неправильными по следующим основаниям:

I.

Не входя в обсуждение вопроса о доказанности вины
Мамедкулиева, полагаю, что действия его ни при каких усло-
виях не могли быть квалифицированы ч. III ст. 122 УК ТССР.

Обосновывая подобную квалификацию, суд в приговоре
ссылается на то, что

"на основе внешнего облика потерпевшей, ее
возраста, роста и физического развития в мо-
мент совершения изнасилования, Мамедкулиев
знал и допускал, что он совершает насильствен-
ный половой акт с несовершеннолетней". (Копия
приговора, стр. 3)

На это же обстоятельство ссылается и коллегия Верхов-
ного Суда ТССР в своем Определении (стр. 3)

Между тем:

1. Судебное заседание по делу Мамедкулиева состоя-
лось 13/I-83 г., т. е. через 1,5 года после случившегося,

когда потерпевшей уже исполнилось 18 лет и она являлась совершеннолетней (родилась она 12/1-65 г.).

Абсолютно непонятно, каким образом мог суд в это время определить, что *по внешнему облику, росту и физическому развитию* в момент происшедшего (14/VII-81 г.) Мамедкулиев знал и допускал, что Гамалиева О. является несовершеннолетней.

Несложно понять, что подобный вывод суда является *голословным*, не опирающимся на конкретные доказательства.

2. В процессе следствия Мамедкулиеву *не предъявлялось обвинение* в том, что он "знал и допускал, что потерпевшая является несовершеннолетней". Как в Постановлении о привлечении к уголовной ответственности (л. д. 124), так и в Обвинительном заключении, ссылки на указанное обстоятельство не имеется. Против подобного обвинения Мамедкулиев *не защищался*, и ни на одном из допросов в процессе следствия ему *не задавался вопрос* о том, знал ли он о несовершеннолетии потерпевшей (см. протоколы допросов Мамедкулиева — л. д. 14, 38, 75, 98, 127).

Не ставился об этом вопрос Мамедкулиеву и ни в одном из *судебных заседаний* (см. Протоколы суд. заседаний л. д. 165, 202, 250-252).

И все это при том, что в своем руководящем Постановлении № 2 от 25/III- 64 г. "О судебной практике по делам об изнасиловании" Пленум Верховного суда СССР прямо указал, что при решении вопроса о том, знал ли и допускал подсудимый, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней, необходимо *подробно допросить* об этом обвиняемого.

"При этом суды должны учитывать не только показания самого обвиняемого, но и *тщательно проверять их соответствие* всем конкретным обстоятельствам дела..." (п. 9)

Очевидно, что и по этим соображениям, в связи с тем, что Мамедкулиеву не предъявлялось указанное обвинение, против него он *не защищался* и ни в процессе следствия, ни в суде по данному вопросу *не допрашивался*, вывод суда о том, что он "знал и допускал, что потерпевшая является несовершеннолетней" следует признать несостоятельным.

3. Как в процессе расследования, так и в судебных заседаниях, потерпевшая Гамалиева О. никогда не утверждала о том, что она *говорила* Мамедкулиеву о своем возрасте.

Наоборот, в судебном заседании № 1 на вопрос том, говорила ли она Мамедкулиеву сколько ей лет, потерпевшая ответила:

"Нет, мы с ним не разговаривали об этом".
(Протокол суд. засед., л. д. 161)

На аналогичный вопрос в судебном заседании № 3, потерпевшая подтвердила свои показания в этой части и показала, что *о своем возрасте* она Мамедкулиеву не говорила (Протокол суд. заседания, л. д. 254-об.).

Представляется, что и по этим соображениям, с учетом того, что в момент случившегося потерпевшей было 16,5 лет, у суда не было оснований утверждать, что подсудимый знал или должен был знать о ее несовершеннолетии.

4. Тот факт, что Мамедкулиев не знал о возрасте потерпевшей и мог *добросовестно заблуждаться*, считая ее совершеннолетней, *подтверждается* имеющимся в деле *актом судебно-медицинского освидетельствования* потерпевшей, из которого усматривается, что:

а) Рост потерпевшей составлял 156,6 см, что соответствует *среднему росту женщины*.

б) По физическому развитию потерпевшая была *"правильного телосложения"*, размеры таза 22,5 x 23 x 28 x 15, что соответствует физическому развитию взрослой девушки.

в) Потерпевшая *достигла половой зрелости*, о чем свидетельствует тот факт, что *"наружные половые органы у нее были развиты и сформировались правильно, обволосение на лобке по женскому типу, молочные железы пиалообразной формы, размером 14 x 18 см"*. (См. Акт суд. мед. экспертизы — л. д. 9 — 9-об.).

В судебное заседания суд. мед. эксперт не вызывался и заключения в суде не давал.

В нарушение требований ст. 75 УПК ТССР и п. 14 Руководящего Постановления пленума Верховного суда СССР № 1 от 16/III-71 г. *"О судебной экспертизе по уголовным делам"*, свое *несогласие* с заключением эксперта на следствии суд в приговоре *не мотивировал*.

Суммируя изложенное, нельзя не признать, что у суда не было решительно никаких оснований для квалификации действий Мамедкулиева ч. III ст. 122 УК ТССР. При доказанности обвинения (об этом см. ниже), действия Мамедкулиева надлежало квалифицировать не ч. III, а ч. I ст. 122 УК ТССР.

II.

Материалами дела не только *не доказано* совершение Мамедкулиевым преступления, но не доказано само *событие преступления*, т. е. факт изнасилования потерпевшей.

Известно, что при первом сношении с женщиной (а иногда и при последующих) женщина, девушка, даже желая вступить в половую связь, обычно оказывает т. н. мнимое, притворное сопротивление. Преодоление такого сопротивления не является преступным.

“Сопротивление только тогда может быть признано действительно имевшим место, — пишет проф. Попов, — если оно не было притворным и было доведено до конца” (см. проф. Н. В. Попов “Судебная медицина”, стр. 456).

Ничего подобного в данном случае не было.

1. Из показаний потерпевшей, Гамалиевой О., усматривается, что хотя она с Мамедкулиевым знакома не была, но часто видела его на стекольном комбинате, знала, что он работает там в медпункте, что зовут его Ашир. (см. ее показания, л. д. 10, 100).

Из показаний потерпевшей, далее, вытекает, что никакого активного сопротивления “насильнику” она не оказывала, что после того, как он повалил ее на кушетку, она практически вообще никакого сопротивления ему не оказывала, не кричала, не плакала, не умоляла его не трогать ее.

Далеко не случайно поэтому, что в своем *первоначальном объяснении* в органах милиции, данном сразу же после случившегося, 14/VI-81 г., Гамалиева О. *скрыла* факт полового сношения с Мамедкулиевым и указала:

“Доктор хотел меня задержать, я побежала вокруг стола, он поймал меня, в это время постучала мать, и я спряталась в шкаф...” (л. д. 5)

В дальнейшем, в своем заявлении Прокурору Советского района, Гамалиева О. признала, что Мамедкулиев совер-

шил с ней половой акт, однако о том, что она при этом сопротивлялась, она ничего не написала:

"Он схватил меня за руку, — указала в этом заявлении потерпевшая, — повалил на кровать, снял штаны и насильно, против моего желания, совершил со мной половой акт". (л. д. 7).

Об этом же рассказала потерпевшая при ее медицинском освидетельствовании, 19/VI-81 г., в связи с чем в акте экспертизы отмечено:

"Со слов потерпевшей известно: 14/I-81 г. Ашир закрыл дверь кабинета, стал целовать ее... Будучи сильно напуганной, она не сопротивлялась, затем он повалил ее на кровать, снял с нее штаны и трусы и совершил половой акт". (л. д. 9).

К этому же сводились показания потерпевшей и на допросе в прокуратуре 27/VI-81 г., где она объяснила:

"... он запер дверь. В этот момент я поняла, что он задумал и, зайдя за стол, сказала ему, что он меня не поймает.

Я не кричала, т. к. была очень напугана. Когда он стал подходить ко мне я пыталась убежать от него. Когда он поймал меня то взял за рукав платья и швырнул на тахту, я упала. Он навалился на меня и стал раздевать. Я его отталкивала. Кричать я не могла, т. к. было стыдно и т. д.". (л. д. 10-11)

Аналогичные показания дала потерпевшая и на очной ставке с Мамедкулиевым (л. д. 20), на допросе 21/V-82 г. (л. д. 67), на очной ставке с Мамедкулиевым 25/VI-82 г. (л. д. 100).

Такие же показания дала потерпевшая и в судебном заседании № 1 (24/VIII-82 г.), где она объяснила:

"Он побежал за мной вокруг стола, поймал меня, схватил за рукав, повалил на кушетку. Он держал меня за руки, разделся сам и начал раздевать меня... Я хотела кричать, но не кричала, т. к. он мне сказал, чтобы я молчала" (?) — Протокол суд. засед., л. д. 161.

Идентичные показания дала Гамалиева О. и при допросе ее в судебном заседании № 2, 3/XI-82 г. (л. д. 199-199-об.) и в судебном заседании № 3, 13/I-83 г. (л. д. 252-254).

Показания потерпевшей о том, что она, по сути, не оказала "насилънику" никакого сопротивления, не только не опровергаются, а наоборот, *полностью подтверждаются материалами дела.*

Так:

1. Из акта суд. мед. освидетельствования потерпевшей усматривается, что никаких *телесных повреждений* не только в области половых органов и на бедрах (*характерных для изнасилования*), но и на других частях тела — на руках, ногах, лице, туловище, — у нее не обнаружено (л. д. 9 — 9-об.).

Заключение эксперта подтвердила и потерпевшая, которая объяснила в последнем судебном заседании:

"Таких видимых телесных повреждений я не получила..." (Протокол суд. засед. — л. д. 259-об.).

Указанные доказательства не только подтверждают показания потерпевшей о том, что она не сопротивлялась, но и опровергают ее объяснения в части того, что "насилъник" *сильно держал ее руки*. Очевидно, что в этом случае на ее руках не могло бы не остаться следов насилия.

Помимо этого, в этом случае, если бы он своими *руками* удерживал ее руки (как она объясняет), он вряд ли мог бы *раздеть ее и раздеться сам*, как она утверждает во всех своих показаниях.

2. Бесспорно установлено, что *одежда потерпевшей повреждена не была*. Об этом ни потерпевшая, ни ее мать *никогда не говорили* (см. их показания).

Между тем, из показаний Гамалиевой О. на следствии и в суде, усматривается, что "насилъник" *снял с нее халат, шаровары (балаки) и трусы*.

"Он повалил меня на кровать и снял штаны", — пишет она в своем заявлении прокурору (л. д. 7).

Об этом же заявила потерпевшая и *на очной ставке с Мамедкулиевым*:

"Он повалил меня на кушетку, снял с меня штаны, трусы, разделся сам и совершил со мной половой акт помимо моего желания. Все это время я сопротивлялась, отталкивала его". (л. д. 20-об.).

Аналогичные показания дала потерпевшая и *в судебном заседании № 1*:

“Он держал меня за руки, *разделся сам*, и начал раздевать меня. *Снял с меня халат, национальные штаны, трусы и т. д.*”. (л. д. 161, Протокол суд. заседания)

К этому же сводились показания потерпевшей и в *судебном заседании № 2*:

“Он повалил меня на кушетку. *Разделся сам*, снял с меня *балаки, трусы...*” (л. д. 199, Протокол судебного заседания).

Подтвердила свои показания потерпевшая и в *последнем судебном заседании*, где она пояснила:

“...он раздел меня и изнасиловал”

И далее:

“В это время в дверь постучали... он встал, я тоже, потом *одела трусы, штаны и т.д.*”. (Протокол суд. заседания, л. д. 252-об.)

Совершенно очевидно, что если бы потерпевшая оказывала “насильнику” не мнимое, притворное сопротивление, а сопротивление действительное, активное, последний никак не мог бы снять с нее халат, балаки и трусы, *не повредив их*.

Целостность одежды потерпевшей, *отсутствие каких-либо повреждений* не подтверждает показания Гамалиевой О. о том, что она оказывала насильнику активного сопротивления.

3. Об отсутствии изнасилования свидетельствует и *поведение* потерпевшей *в тот момент*, когда в дверь кабинета постучала ее мать. В этот момент потерпевшая не только не позвала на помощь свою мать, а, наоборот, *по молчаливому сговору с “насильником” спряталась в шкаф*.

“В этот момент в дверь постучали, — показала на допросе в прокуратуре 27/VI-81 г. Гамалиева О., — он дверь не открывал, думал, что пришел кто-то из рабочих, хотя я ему сказала, что это наверное, пришла моя мама... Он встал, оделся. *Я тоже быстро оделась и спросила у него, где можно спрятаться*, так как была уверена, что пришла мама... Я спряталась в шкаф”. (л. д. 11).

Об этом же говорила потерпевшая и на допросе 21/IV-82 г.:

"В это время в дверь постучали. Я сказала, что наверное идет моя мама. Мамедкулиев же стал говорить, что это кто-то из рабочих... Когда же он решил открыть дверь, я *спросила его куда мне спрятаться. Он указал на шкаф и я залезла в него*" (л. д. 68).

Еще более характерные показания дала по этому вопросу потерпевшая в *последнем судебном заседании*:

"В это время в дверь постучались, я сказала, что пришла мама, а он ответил, что кто-то из рабочих. Он встал, я тоже, потом одела трусы, штаны. В это время сильнее стали стучать в дверь, я растерялась, *смотрела в лицо Мамедкулиев и не знала, что делать* (Все это молча!! — А. М.) *Он лицом показал шкаф (молча — А. М.) намекал, чтобы я зашла туда, что я и сделала*" (Протокол суд. заседания, л. д. 252).

Из имеющегося в деле *плана места происшествия* видно, что шкаф (шифоньер), в котором спряталась потерпевшая, находится (по отношению к кушетке) в *противоположном углу кабинета* (л. д. 24).

Подобное поведение потерпевшей, которая не только не прибегла к помощи матери, а, наоборот, по молчаливому сговору с "наильником", тихо, тайком, чтоб не услышала мать, *пробралась от кушетки в противоположный угол кабинета и спряталась в шкафу*, так же свидетельствует об отсутствии изнасилования, подтверждает ее показания о том, что никакого действительного сопротивления "наильнику" она не оказывала.

4. Тот факт, что потерпевшая не оказывала никакого сопротивления "наильнику", подтверждается и *отсутствием на его теле признаков сопротивления* — телесных повреждений, целостностью его одежды.

По этому поводу сотрудник милиции Чарыев на следствии показал:

"В отделении милиции я осмотрел Мамедкулиева. На нем никаких следов крови, повреждений не было". (л. д. 87).

2. Об отсутствии изнасилования свидетельствует и *все поведение потерпевшей в первые часы после случившегося, по дороге в милицию и в отделении милиции*.

Допрошенный по этому поводу работник милиции Чарьев объяснил:

"Я спрашивал Оразджахан, насилывал ли ее кто-нибудь. Она сказала, что не насилывал, что одежда у нее не повреждена. Кроме того она заявила (уверяя, что ее не насилывали —А. М.), что у нее месячные и в подтверждении этого достала ватный тампон..." (л. д. 87)

И далее:

"Затем в присутствии майора, дежурного УВД, Мамедкулиев трижды спросил Гамалиеву насилывал ли он ее, на что она ответила так же трижды, что нет, не насилывал". (л. д. 88).

Эти показания подтвердил Чарьев и на очной ставке с Мамедкулиевым (л. д. 90), на очной ставке с Гамалиевой Оразджахан (л. д. 92), на очной ставке с Гамалиевой Огульнур (л. д. 94).

К этому же сводились показания свид. Чарьева и в судебном заседании, где он пояснил:

"Я оставил потерпевшую у себя в кабинете. Я спрашивал Оразджахан, действительно ли ее изнасилывали. Она ответила, что ее никто не насилывал, и заявила, что у нее месячные, и в подтверждение этого она достала ватный тампон, пропитанный кровью... Оразджахан при матери тоже заявила, что ее никто не насилывал. Мать согласилась, что если дочь так говорит, то значит так и было".

Затем:

"Рапорт (л. д. 3) писал я, так как они сами сказали, что она не изнасилвана". (Протокол суд. заседания, л. д. 260-260-об.)

Указанные показания свид. Чарьева суд отверг голословно, сославшись в приговоре на то, что показания эти

"...не соответствуют действительности и опровергаются собранными по делу доказательствами". (копия приговора, стр. 3)

Мало того, суд вынес в отношении сотрудника милиции Чарьева частное определение, в котором так же сослался на указанные обстоятельства (л. д. 276-276-об.).

Между тем, не сложно убедиться в том, что показания свид. Чарыева не только не опровергаются, а наоборот, подтверждаются имеющимися в деле доказательствами.

Так:

а) Допрошенный на следствии обв. Мамедкулиев подтвердил показания Чарыева и объяснил:

"Чарыев попросил, чтобы я трижды спросил у Гамалиевой, насилдовал ли я ее. Я ее трижды спросил, и она трижды сказала, что не насилдовал". (л. д. 78).

Аналогичные показания дал Мамедкулиев и в судебном заседании № 1:

"Сама дочь в милиции ничего не говорила. Я спрашивал, она отрицала в присутствии майора. (Протокол суд. засед., л. д. 165-об.)

Такие же показания дал Мамедкулиев и в судебном заседании № 3:

"В милиции у нее Чарыев три раза спросил, изнасилдовал ли я ее, она ответила, что нет". (Протокол суд. заседания. л. д. 251).

б) Показания Чарыева *подтвердила* допрошенная на следствии мать потерпевшей, Гамалиева Огульнур, которая показала:

"...из шкафа вышла моя дочь и сказала, что он заставил ее войти в шкаф под угрозами. Затем, когда мы вышли из мед. пункта, дочь рассказала, что Мамедкулиев, не выпускал ее из мед. пункта, бегал за ней, но о том, вступил ли Мамедкулиев с ней в половое сношение, она мне тогда не сказала. Я, заподозрив неладное, обратилась в милицию, и когда уже мою дочь осмотрел суд. мед. эксперт (т. е. после 19/VI-81 г., л. д. 9 — А. М.) я узнала, что дочь изнасилдовал Мамедкулиев. Сразу рассказать о случившемся дочь, видимо, стеснялась" (л. д. 63).

В дальнейшем, Гамалиева Огульнур изменила эти свои показания, однако *бессспорность их подтверждается* собственноручными ее заявлениями, адресованными Нач. милиции г. Ашхабада и Прокурору ТССР, в которых она пишет:

"Я поймала дочку с мед. врачом..." (л. д. 42)

"Я свою дочку поймала с этим мед. врачом, т. е. Мамедкулиевым". (л. д. 44)

Показания Гамалиевой Огульнур на следствии подтверждаются и ее заявлением в органы милиции от 14/VI-81 г., где она, подробно описывая случившееся, ни словом не обмолвилась об изнасиловании дочери (л. д. 4).

в) Показания свид. Чарыева *подтвердила и потерпевшая*, Гамалиева О., которая, в частности, на допросе у следователя, на вопрос о том

— Почему Вы сразу не сказали матери, что Мамедкулиев изнасиловал?

Ответила:

"Я боялась, что узнает отец, поэтому я первоначально заявила матери и в милиции, что Мамедкулиев бегал, приставал ко мне". (л. д. 68).

В дальнейшем Гамалиева О. изменила эти свои показания, стала говорить, что она якобы и матери, и в милиции говорила об изнасиловании, однако *бессспорность их подтверждается* ее заявлением в органы милиции от 14/VI-81 г., где она ни словом не обмолвилась об изнасиловании и объяснила (в присутствии матери):

"Доктор хотел меня задержать. Я побежала круг, через стол он поймал меня, но в это время пришла мать, постучалась в дверь, и я спряталась в шкаф. Мать зашла в кабинет и я в это время вышла из шкафа". (л. д. 5)

Частично вынуждена была *признать достоверность* этих показаний Гамалиева Оразджахан и в суде, где на вопрос о том

— Почему зашли в шкаф и сразу не сказали матери?

Она ответила:

"Я была напуганная, стеснялась. Даже сейчас не пойму, почему я зашла в шкаф... Когда я вышла из шкафа, был крик, шум, я была напугана, потому сразу не могла сказать маме о случившемся... В тот день я заявление в милицию не писала". (Протокол суд. засед., л. д. 253 — 253-об.).

г) Подтвердили потерпевшая и ее мать показания Чарыева и в той части, что Гамалиева Оразджахан вынула *ватный тампон* и показала его Чарыеву (см. их показания на следствии и в суде).

Ничем иным, как стремлением доказать, что ее никто не насиловал, что в половой близости она с Мамедкулиевым не была, объяснить этот факт невозможно. В противном случае потерпевшей незачем было бы ссылаться на то, что у нее менструация, доставать ватный тампон, предъявлять его сотруднику милиции и пр.

д) Об отсутствии изнасилования, о том, что *до суд. мед. освидетельствования* (19/VI-81 г.), потерпевшая *скрывала* от матери факт полового сношения с Мамедкулиевым, а следовательно, и не говорила об этом 14/VI-81 г. сотруднику милиции Чарыеву, свидетельствует и все последующее поведение Гамалиевой О. и ее матери.

Установлено в частности, что на следующий день, с *ведома матери*, Гамалиева О. *постирала свою одежду*, уничтожив следы случившегося.

Если в какой-то степени еще можно согласиться с тем, что о недопустимости подобных действий не знала в свои 16,5 лет потерпевшая, то думать о том, что не знала об этом ее мать, вряд ли возможно.

Между тем, в судебном заседании Гамалиева Огульнур объяснила:

"Вещи все дочь постирала, мы не знали, что стирать нельзя" (?!) — протокол суд. засед. л. д. 164.

Затем:

"Одежду стирала сама дочь". (Протокол суд. заседания л.д. 254-об.)

Об этом же говорит и Гамалиев Оразджахан:

"Трусы и платье были испачканы в крови, поэтому, когда я пришла домой, то постирала их". (л. д. 11 — Протокол суд. заседания)

Совершенно очевидно, что если бы потерпевшая и ее мать рассказали сотруднику милиции Чарыеву об изнасиловании, а он отказался дать им направление на суд. мед. освидетельствование (как они сейчас говорят), то они вряд ли постирали бы одежду потерпевшей, вряд ли стремились

бы уничтожить улики насилия, поскольку мать потерпевшей (по ее словам)

“Поймав свою дочку с мед. врачом”,

“сразу заподозрила неладное”, (л. д. 42, 44, 63),

и, как видно по ее последующим действиям, стала упорно добиваться направления дочери на суд. мед. экспертизу.

Суммируя изложенное нельзя не признать, что у суда *не было достаточных оснований* для вынесения Мамедкулиеву обвинительного приговора.

III.

В процессе следствия и в суде, отрицая свою вину в изнасиловании, Мамедкулиев объяснял, что потерпевшая Гамалиева О. *оговаривает* его потому, что в этот же день, 14/VI-81 незадолго до случившегося, он предоставил помещение медпункта для встречи Гамалиевой с его приятелем — Курбанбердыевым Аллакули.

Во время этой встречи, судя по тому, что рассказал Мамедкулиеву Курбанбердыев, последний вел себя с потерпевшей неподобающим образом, в связи с чем последняя, не имея возможности проучить Курбанбердыева, решила выместить всю злобу на нем, Мамедкулиеве.

“Курбанбердыев Аллакули пришел ко мне с Мухаммедовым Хакберды, — показал на следствии и в суде Мамедкулиев, — и попросил, чтобы я предоставил ему помещение медпункта для встречи с девушкой по имени Бахар. Я поначалу отказался, а затем согласился. Мы с Хагберды вышли в санитарную комнату, а он остался с Бахар в медпункте. Эту девушку я ранее видел несколько раз в столовой.

И далее:

“Потом Аллакули рассказал, что девушку эту он не трогал, так как у нее *менструация*, что он лазил пальцем в ее половые органы, испачкал палец в крови и вытер палец о стенку”. (см. показания Мамедкулиева — л. д. 38, 51, 75, 125).

Хотя указанные показания Мамедкулиева *не имеют принципиального значения* для разрешения дела, поскольку, как указано выше, в деле *отсутствуют доказательства*

события преступления, т. е. самого факта изнасилования потерпевшей, нельзя не отметить, что данные показания Мамедкулиева нашли определенное подтверждение в материалах дела.

В частности:

1. Потерпевшая, Гамалиева О., подтвердила, что она часто ходила на работу к матери в столовую комбината, помогала ей в работе, подтвердила она, что в столовой называли ее "Бахар" (см. ее показания, л. д. 10, 199-об. и др.).

2. Свид. Курбанбердыев в процессе следствия подтвердил, что 14/VI-81 г. он действительно заходил в Медпункт комбината с девушкой по имени Бахар.

"Мы зашли на второй этаж, где работает мой знакомый Мамедкулиев, — показал далее Курбанбердыев. — Я попросил Ашира оставить нас. Мы поговорили с ней, я ее целовал, но не больше..." (л. д. 31).

В судебном заседании Курбанбердыев уточнил, что со слов Бахар ему известно, что она работает в столовой, но что якобы это была не Гамалиева, а другая девушка, что Хакберды Мухаммедова с ним не было, что он не говорил Мамедкулиеву о том, что не вступал с Бахар в половую связь, так как у нее была менструация (см. Протокол суд. заседания, л. д. 164, 197-198, 257).

При оценке этих показания Курбанбердыева следственные органы и суд не учли те показания, которые дал этот свидетель на очной ставке с Мамедкулиевым, где он подтвердил показания Мамедкулиева и заявил:

"Действительно, я просил его и Хакберды выйти на одну минуту. Где они были я не знаю. Мы сидели с ней за столом. Я только целовал, но не раздевал ее. Что касается кровавого мазка, то я пошутил и сказал им об этом". (л. д. 51).

Происхождение этих показания свид. Курбанбердыев объяснить в суде не мог, упорно настаивая на том, что он о Хакберды не говорил.

"Я не смогу объяснить, как мог дописать следователь про Хакберды, такие показания я не давал", — заявил Курбанбердыев после того, как ему были предъявлены его показания на л. д. 51-52 (Протокол суд. заседания, л. д. 258).

Обращает на себя внимание и другое: Курбанбердыев, по сути, подтвердил показания Мамедкулиева о том, что он рассказывал ему и Хакберды, что у девушки была менструация, что он лазил пальцем в ее половые органы, что он "сделал пальцем кровавой мазок на стене". При этом, однако, Курбанбердыев объяснил, что он "пошутил", сказав им об этом". (л. д. 51-52).

— Но откуда мог знать Курбанбердыев, что у "Бахар" была менструация, если "Бахар" была не Гамалиевой, а другой девушкой (как он утверждает)?

— Возможны ли вообще такие совпадения?

— Как случилось, что именно в этот день, 14/VI-81 г., незадолго до случившегося, Курбанбердыев был в медпункте у Мамедкулиева, с девушкой, которая работает в столовой, с девушкой, которую зовут Бахар, т. е. так же, как и называли в столовой Гамалиеву (другой девушки по имени "Бахар" в столовой не было), что именно в этот день он просил Мамедкулиева оставить его в медпункте с девушкой, что он оставался там наедине с этой девушкой, целовал ее, а впоследствии пошутил, сказав, что у девушки была менструация, и шутка эта по странному стечению обстоятельств совпала с действительностью?

На все эти и другие важные вопросы нет ответа в приговоре суда. Они попросту обойдены судом молчанием.

Представляется, что и по этим соображениям, в связи с наличием *серьезных сомнений* в том, что именно Мамедкулиев, а не Курбанбердыев, вступил 14/VI-81 г. в половую связь с потерпевшей, данный приговор не может быть оставлен в силе.

Лишним *подтверждением* шаткости обвинения, *сомнительности* имеющихся в деле *доказательств*, может служить и тот факт, что данное дело *трижды прекращалось* производством в процессе *следствия* за недоказанностью предъявленного Мамедкулиеву обвинения (л. д. 35, 45, 55) и дважды Народные суды г. Ашхабада, по исследовании всех материалов дела, выносили *Определения о возвращении дела на дополнительное расследование*. (л. д. 179-180, 223-224).

К сожалению, дополнительное расследование так и не было проведено, поскольку коллегия Ашхабадского облсуда *дважды*, без достаточных оснований, отменяла указанные Определения Народных судов.

Всего этого не учел суд при постановлении приговора. Не учла этого и коллегия Верховного суда ТССР, оставившая без изменения *явно* необоснованный судебный приговор.

— * —

Мамедкулиеву Аширкули 28/VII-58 г. рождения, в момент случившегося было 22 года. Рос и воспитывался в честной трудовой семье. Отец осужденного, Кулиев Мамедкули, *инвалид* Великой Отечественной войны.

По окончании средней школы в 1976 г. Мамедкулиев поступил учиться в Туркменский мед. институт, который успешно закончил в 1982 г., получив назначение на работу в качестве врача-интерна РКБ им. Пирогова. За время учебы в институте зарекомендовал себя, как исключительно дисциплинированный, добросовестный студент. Принимал активное участие в общественной жизни коллектива (см. характеристику — л. д. 212).

В прошлом *не судим*.

На иждивении Мамедкулиева находится малолетний ребенок 9/VIII-82 г. рождения.

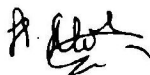
— * —

По изложенным соображениям прошу Вас истребовать настоящее дело и внести протест на предмет отмены приговора коллегии Ашхабадского Облсуда и Определения коллегии Верховного суда ТССР и прекращения в отношении Мамедкулиева А. дела производством за отсутствием события преступления. (п. 1 ст. 6 УПК ТССР)

Приложение:

1. Копия приговора коллегии Ашхабадского облсуда на 4 л.
2. Копия Определения коллегии Верховного суда ТССР на 3 л.
3. Ордер на ведение дела.
4. Справки.

Адвокат
г. Москва
17 декабря 1983 г.

(А. Л. Мове)

С этой жалобой я обратился в Прокуратуру СССР, однако ответ получил оттуда неутешительный.

Прокуратура Союза СССР

ПРОКУРАТУРА

Союза Советских
Социалистических Республик

Москва К-9, Пушкинская, 15-а

**Документ
Копия**

г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 8,
Московская областная
юридическая консультация

адвокату т. Мове А. Л.

Ваша жалоба по делу Мамедкулиева А. рассмотрена.

Доводы, изложенные в жалобе, о необоснованности осуждения Мамедкулиева за изнасилование опровергаются материалами дела.

Виновность Мамедкулиева доказана показаниями потерпевшей Гамалиевой, подробно рассказавшей в судебном заседании об обстоятельствах ее изнасилования Мамедкулиевым.

О том, что Гамалиева рассказала об изнасиловании ее Мамедкулиевым, показала свидетель Гамалиев О.

Судебно-медицинская экспертиза установила наличие у потерпевшей телесных повреждений, свидетельствующих о совершенном над ней насилии.

Вина Мамедкулиева подтверждается также показаниями свидетелей Мухаммедова, Курбанбердиева и другими материалами дела.

Исследовав все собранные по делу доказательства, суд дал им надлежащую оценку и обоснованно постановил в отношении Мамедкулиева обвинительный приговор.

Каких-либо данных о лжесвидетельстве Гамалиевых не установлено.

Правильно судом квалифицированы и действия Мамедкулиева, поскольку он совершил изнасилование несовершеннолетней.

Оснований к опротестованию приговора не имеется.

Приложение: на 10 л.

Прокурор управления по
надзору за рассмотрением
уголовных дел в судах
старший советник юстиции

Верно:

В. П. Соловьев

 (А. Мове)

***

Итак, прокурор Управления В. П. Соловьев был абсолютно непреклонен, и пришлось адвокату еще раз, повторно, обратиться в ту же инстанцию, на сей раз к С. А. Мирзояну, исполнявшему в то время обязанности начальника 2 отдела Управления по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел.

Никаких оснований не только к тому, чтобы ставить вопрос о пересмотре дела, но даже к тому, чтобы истребовать дело и внимательно изучить его с учетом жалобы защиты, Мирзоян не усмотрел, и я, буквально с коду, получил, как говорится, "от ворот поворот".

Хочу сказать, что подобное отношение к нашим адвокатским жалобам всем нам и, в частности мне, конечно, неприятно, но никогда меня это лично не только не обескураживало, а наоборот, еще более нацеливало на новую борьбу.

Написав жалобу на необоснованность доводов Мирзояна, направилась вновь, в третий раз, на прием к руководству прокуратуры СССР.

На сей раз был самым внимательным образом выслушан, дело было истребовано для непосредственной проверки в Прокуратуре СССР и через некоторое время в юридическую консультацию поступил следующий ответ.

Документ

ПРОКУРАТУРА СОВОЗА ССР

103793, Москва, К-9, Пушкинская, 15-я

06.12.84 № 12/2463-83

г.Москва, Баррикадная ул., 8
Московская областная юридическая консультация
адвокату т.Мове А.Л.

Ваша жалоба по делу Мамедкулиева А., поданная на приеме, рассмотрена.

Дело Мамедкулиева проверено в порядке надзора в Прокуратуре СССР и направлено на рассмотрение Президиума Верховного суда Туркменской ССР, где Вы можете узнать о результатах.

Заместитель начальника управления
по надзору за рассмотрением
уголовных дел в судах

государственный советник
юстиции 3 класса

Е.И.Моргачев

А еще через некоторое время я получил Постановление Президиума Верховного суда Туркменской СССР от 25 декабря 1984 г., рассмотревшего дело Мамедкулиева по протесту Заместителя Генерального Прокурора СССР.

Документ

Копия

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

президиума Верховного суда Туркменской ССР

от 25 декабря 1984 г.

Президиум Верховного суда Туркменской ССР

В составе:

Председателя

т. Мухамедкулиева Б.

Членов:

Кистович А.А.,
Галактионовой Н. И.,
Карташова П. П.,
Розенштейн Г. Б.

С участием заместителя Прокурора

Туркменской СССР

Юсупова Н.

Рассмотрел протест заместителя Генерального Прокурора СССР в отношении Мамедкулиева А.

Приговором судебной коллегии по уголовным делам Ашхабадского областного суда от 13 января 1983 г.

Мамедкулиев Аширкули, 28 июля 1958 года рождения, уроженец г. Ашхабада, туркмен, военно-обязанный, образование высшее, ранее не судим, семейный, работал в РКБ им. Пирогова врачом, проживал по адресу: г. Ашхабад, ул. Магнитогорская 11,

— признан виновны и осужден по ст. 122 ч. 3 УК ТССР к 9 годам лишения свободы, с содержанием в ИТК усиленного режима.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда ТССР от 16 февраля 1983 года приговор оставлен без изменения.

Заслушав доклад члена Верховного суда Туркменской ССР Нурмухамедова Б. К. и выступление заместителя прокурора ТССР Юсупова Н., полагавшего протест удовлетворить, президиум Верховного суда ТССР

установил:

Мамедкулиев признан виновным в изнасиловании несовершеннолетней Гамалиевой Оразджахан, 12 января 1965 года рождения, при следующих обстоятельствах.

Мамедкулиев, работая медбратом медицинского пункта при Ашхабадском стекольном комбинате, 14 июня 1981 года около 19 часов 30 минут, воспользовавшись тем, что к нему обратилась несовершеннолетняя Гамалиева с просьбой дать мазь для малолетнего брата, запер на ключ дверь медпункта и, повалив Гамалиеву на кушетку, изнасиловал ее.

В протесте ставится вопрос об изменении приговора областного суда и определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда, в частности о переквалификации действий Мамедкулиева А. с ч. 3 ст. 122 УК ТССР на ч. 1 этой же статьи, так как не установлено, знал ли Мамедкулиев о том, что Гамалиева является несовершеннолетней.

Обсудив доводы протеста и проверив материалы дела в полном объеме, президиум считает, что протест подлежит удовлетворению.

Суд обоснованно пришел к выводу о доказанности вины Мамедкулиева в изнасиловании Гамалиевой. Это подтверждается показаниями потерпевшей, свидетелей Гамалиевой О., Курбанбердыева, а также заключением судебно-медицинской экспертизы. Однако квалификацию содеянного Мамедкулиевым, как изнасилование несовершеннолетней, нельзя признать правильной.

Как видно из дела, суд, квалифицируя действия Мамедкулиева по ч. 3 ст. 122 УК ТССР по признаку несовершеннолетия потерпевшей, обосновал это в приговоре тем, что Мамедкулиев с учетом внешнего облика потерпевшей, ее возраста, роста и физического развития в момент изнасилования знал и допускал, что он совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней.

Между тем, этот вывод суда нельзя признать обоснованным.

Ни на следствии, ни в суде Мамедкулиеву не задавался вопрос, знал ли он о несовершеннолетии потерпевшей, и в связи с этим он не допрашивался.

Сама потерпевшая в суде показала, что разговора о ее возрасте между ними не было.

Из дела видно, что на день происшествия Гамалиевой было 16,5 лет, она работала обработчицей в управлении "Союзпечати", согласно заключению судебно-медицинской экспертизы рост ее составлял 156,5 см, по физическому развитию была правильного телосложения, достигла половой зрелости.

Из вышеуказанного усматривается, что внешний вид потерпевшей не свидетельствовал о ее несовершеннолетии и Мамедкулиев не знал и не предполагал о фактическом ее возрасте.

К моменту вынесения приговора Гамалиевой исполнилось 18 лет, и суд не мог знать, как выглядела потерпевшая в момент преступления.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 384, 387 и 388 УПК ТССР, президиум Верховного суда ТССР

постановил:

Приговор судебной коллегии по уголовным делам Ашхабадского областного суда от 13 января 1983 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда ТССР от 16 февраля 1983 г. изменить, действия Мамедкулиева Аширкули переквалифицировать с ч. 3 ст. 122 УК ТССР на ч. 1 этой же статьи и назначить ему наказание 7 (семь) лет лишения свободы, с отбыванием наказания в ИТК усиленного режима.

Протест заместителя Генерального прокурора СССР — удовлетворить.

Председатель президиума
Верховного суда ТССР

Б. Мухамедкулиев

Копия верна:

Член Верховного суда ТССР

Б. Нурмухамедов

Копия верна:

 (А. Мове)

***

Два года вроде бы не очень большой срок. Но ведь это не просто два года, а два лишних года нахождения в местах лишения свободы, в лагере усиленного режима. Если к тому же учесть, что действия Мамедкулиева были переквалифицированы на ч. 1 ст. 122 УК, режим условно-досрочного освобождения по которой значительно более мягкий, чем по ч. 3 той же статьи, станет понятным, что в данном случае мера наказания Мамедкулиеву была смягчена не на два, а примерно на 4 года лишения свободы. На поверку это не так уж и мало, и определенное удовлетворение от финала этого далеко не легкого дела у меня все же осталось.

Не хотелось бы повторяться, но ведь опять дело было разрешено не без вмешательства высшей прокурорской инстанции страны — Прокуратуры СССР. А что было бы с этим делом, с самим Мамедкулиевым сейчас, когда этой инстанции уже не существует?

Конечно, в работе наших надзорных инстанций, в их числе и в работе Прокуратуры и Верховного суда СССР, было немало недостатков, и об этом, в частности, я подробно писал в своей статье “Жалоба на приговор”, опубликованной в одной из книг этой серии (“Заметки адвоката”).

Возможно, следовало бы вообще ликвидировать пересмотр дел в кассационной и надзорной инстанциях, заменив это рассмотрением дел в апелляционной инстанции. Но бесспорно и другое — прежде, чем рушить такие важные судебно-прокурорские инстанции, как Прокуратура и Верховный суд СССР, следовало, видимо, сначала создать апелляционную инстанцию или хотя бы законодательно подготовить ее образование, а затем уже пускать в ход против правосудия беловежский топор.

И вновь возникает тот же вопрос: неужели так сложно было все это предвидеть и предусмотреть?

Сорок пять лет спустя...

В одной из своих книг этой серии — “Дела давно минувших лет”, в воспоминаниях о своем незабвенном Учителе, я рассказывал о том впечатлении, которое произвела в свое время, в начале 50-х годов, одна из моих лекций, прочитанных в Московской городской коллегии адвокатов (“Слово об Учителе”). Выполняя данное обещание, считаю возможным опубликовать сохранившиеся тезисы той нашумевшей лекции, ничего в них не меняя, не подстраивая к реалиям сегодняшнего дня.

Так оно было в жизни, так осталось в моих воспоминаниях...

“К вопросу об изучении творчества прогрессивных деятелей русской дореволюционной адвокатуры”

Развернутые тезисы лекции, прочитанной в Ярославской и Московских коллегиях адвокатов в 1950-51 годах

Зарождение русской адвокатуры относится к 60-м годам прошлого столетия, когда в результате судебной реформы 1864 г. она пришла на смену дореформенным стряпчим-поверенным.

Под нажимом народных масс царское правительство вынуждено было отменить крепостное право, провозгласить новые судебные реформы. Это были годы развития капитализма в России. Судебная реформа безусловно являла собою большой прогресс. Провозглашенный ею суд присяжных заседателей, несмотря на то, что ряд ограничительных цензов обусловил избрание в состав присяжных заседателей представителей имущих классов, также являл собою шаг вперед по сравнению с дореформенным негласным процессом. Судебные уставы 1864 года закрепили и реформу адвокатуры. Учреждение новой адвокатуры представляло собою также большой прогресс. По сути дела, именно на нее, на адвокатуру, возлагались надежды в деле борьбы за права человека и гражданина. “В начале судебной реформы в народных представлениях были положены в главу угла не судья, а адвокат, и являлся он в каком-то фантастическом ореоле, как чародей Орфей, спасающий невинных, истребляющий чудовища, совершающий одни

только добрые дела". (В. Д. Спасович, Застольные речи, стр. 18).

Но адвокатура послереформенной эпохи была прогрессивной лишь постольку, поскольку была прогрессивна и сама буржуазия.

По своим политическим воззрениям представители дореволюционной адвокатуры стояли на позициях либеральной буржуазии. Это предопределило дальнейший переход некоторых буржуазных адвокатов в лагерь реакции. В своей практической работе, в своем творчестве прогрессивные деятели русской адвокатуры стояли на позициях критического реализма, художественно воспроизводя действительность, давая ей соответствующую критическую оценку. Подходя к решению конкретного дела именно с таких позиций, они зачастую мужественно вели борьбу в царском суде против урезывания гражданских свобод, нередко выступали в защиту интересов простых людей.

Вот почему, бичуя их за политическую реакционность, мы не можем, и это было бы неправильно, в то же время не отдать должного реализму в их творчестве, прогрессивности воззрений некоторых из них.

Таким образом критерием для оценки той или иной речи дореволюционного адвоката должны служить не внешняя эффектность речи, а ее содержание.

Вот почему нам кажется, что не правы те товарищи, которые избрали критерием для оценки той или иной речи русского адвоката ее внешнюю форму, совершенно игнорируя основное — ее содержание. И хотя т. Шифман совершенно справедливо указал, что без мыслей "блестящие выражения ни к чему не служат" (Пушкин), он тем не менее, сам в этой же работе именно увлекся эффектными строками речей адвокатов, оторвав таким образом искусственно их форму от содержания. Утверждение т. Шифмана о том, что речи буржуазных ораторов чужды нам по содержанию, это, по сути, ничего не говорящая мысль. Не вызывает сомнения, что если бы в какой-либо рецензии о произведении того или иного автора мы бы прочли о том, что произведение его насыщено массой изящных фраз, что язык его богат и т. п. и не прочли бы ничего о содержании этого произведения, мы были бы по крайней мере поражены. А ведь у т. Шифмана получается нечто совершенно аналогичное.

Не вызывает, например, сомнения, что пьесы А. Н. Островского, произведения Л. Н. Толстого, Тургенева и др., хотя и не отражают нашей действительности, тем не менее весьма близки нам по содержанию. Близки именно потому, что они правильно воспроизводят действительность, что поставленные задачи решаются художниками прогрессив-

но. Совершенно очевидно, что именно так необходимо подходить к оценке всякого произведения, в том числе и произведений представителей русской дореволюционной адвокатуры.

Речи прогрессивных деятелей русской адвокатуры прельщают прежде всего своим реализмом, целеустремленностью, мужеством, привлекают своей идейностью. Убедиться в этом нетрудно. Для этого необходимо обратиться к некоторым из них.

— * —

80-е годы прошлого столетия были отмечены глубокими крестьянскими волнениями. На собственной шкуре почувствовали крестьяне последствия "освобождения". Жестоким террором ответило царское правительство на выступления крестьян, посылая для их подавления войска.

В 1880 году в московской судебной палате слушалось дело люторических крестьян, обвиняемых в сопротивлении власти. Защитником крестьян в этом деле выступил Федор Никифорович Плевако. Плевако принадлежал к числу адвокатов, чья деятельность развернулась в первые годы после введения судебной реформы. Стремление осмыслить дело, проникнуть в его глубины, страстность в защите и мужество в отстаивании своей позиции сразу выдвинули Плевако в ряды виднейших русских ораторов. В своих воспоминаниях Вересаев так пишет о нем: "Жил в Москве знаменитый адвокат Плевако Федор Никифорович. По всем рассказам, это был человек исключительного красноречия. Главная его сила заключалась в интонациях, в neodолимой, прямо колдовской заразительности чувств, которыми он умел зажечь слушателя. Поэтому речи его на бумаге и в отдаленной мере не передают их потрясающей силы". (Вересаев, Воспоминания, стр. 441).

А. Ф. Кони в своем сборнике "Отцы и дети судебной реформы" рисует образ этого страстного оратора: "Скуластое, угловатое лицо калмыцкого типа с широко расставленными глазами, с непослушными прядями длинных темных волос могло бы назваться безобразным, если бы его не освещала внутренняя красота, сквозившая то в общем одушевленном выражении, то в доброй львиной улыбке, то в огне и блеске говорящих глаз. Его движения были неровны и подчас неловки, неладно сидел на нем адвокатский фрак, а пришептывающий голос шел, казалось, в разрез с его призванием оратора. Но в этом голосе звучали ноты такой силы и страсти, что он захватывал слушателя и покорял его себе" (Кони, "Отцы и дети судебной реформы", стр. 259-260).

Фабула дела, по которому выступал Плевако, была не- сложна. Не выдержавшие жестокой эксплуатации поме- щичьего управителя Фишера крестьяне села Люторич, дол- гие годы несшие безропотно все обязанности, взваленные на них, воспротивились и отказались платить долги, а когда администрация двинулась к крестьянским избам, крестьяне вооружились вилами, камнями, палками и стали угрожать избением. Помещик вызвал на помощь роту солдат. Кре- стьяне и им оказали сопротивление.

34 крестьянина были преданы суду.

Вполне понятно, насколько была ответственна и тяжела задача защитника, выступавшего в этом деле. В яркой художественной форме рисует Плевако в своей речи жуткую картину пореформенной деревни. Он рассказывает о тяж- кой доле крестьян, вынужденных идти в кабалу к помещику, он говорит о том, что работа на полях помещиков неизбеж- на для крестьян, что они тяготеют к ней не как вольно договаривающиеся, а как невольно принуждаемые. "Роди- лась необходимость, — говорит оратор, — вечно одолжаться у помещика землей для обработки, вечно искать у него заработка, ссужаться семенами для обсеменения полей. Постоянные долги благодаря приему управления росли и затягивали крестьян: кредитор властвовал над должником и закабалял его работой на себя, работой за неплатеж из года в год накапливавшейся неустойки. В этом положении, где кредитор властвовал, а должник задыхался, уже не было и помину о добровольном соглашении. Чудовищные контр- акты и решения доказывают, что управление не согласо- лось, а *предписывало* условия; вечно кабальные мужики тоже не соглашались, а молча надевали петлю, чем и завершались и вступали в силу *свободные* гражданские сделки крестьян с их бывшим владельцем". (Ф. Н. Плевако, т. 1, Речи, Москва, 1909 г., стр. 301-302).

В этих немногих словах сквозит горькая правда, пове- ствующая о том, что в действительности получили крестья- яне после реформы. По сути дела они опять были превра- щены в крепостных, с той лишь разницей, что помещик не мог торговать ими. На конкретных документах, на глубоком их анализе вскрывает Плевако звериную, дикую эксплуатацию, царившую в одной из многих деревушек пореформен- ной России. "...А прочтите договор, — восклицает оратор, — полная неустойка за неуплату малой доли долга... про- чтите № 158, — ужасный, отвратительный договор: в случае просрочки — изба, корова, лошадь и все, что сыщется в избе, поступает в неустойку..." (Там же, стр. 302-303).

Вскрыв подлинные причины того, что толкнуло крестьян на путь сопротивления, Плевако последовательно делает вывод:

“Значит, тяжело житье крестьян в имениях, вверенных графом Бобринским немцу Фишеру. Значит, захлестнула их мертвая петля, если они видят, как с них тянут чудовищный рост, неустойку, которой позавидует любой закладчик, а они платят, должны и все-таки опять берут”.

И далее:

“Думаю я, что в Люторичах жизнь после реформы была во стократ тяжелее дореформенного рабства” (Там же, стр. 303).

Положение крестьян безвыходно, и Плевако логично приходит к этому выводу. Крестьянину некуда деться, как бы тяжело ему не было.

“...А не вынесет, умрет, — что за дело. На пустое место найдется новый полуголодный, — лишь бы десница Фишера не уставала жать, где не сеяла”. (Там же, стр. 304).

Крестьяне, не выдержавшие разнузданной эксплуатации, уходят в город, превращаясь в пролетариев. Но и здесь они вновь обречены на нищенское прозябание, они вынуждены

“ всю жизнь искать, как благодеяния, работы у сильных и лобзать руку, дающую ему грош за труд, доставляющий другому выгоды на сотни рублей, лобзать, как руку благодетеля, и плакать, и просить нового благодеяния, нового кабального труда за крохи хлеба и жалкие лохмотья”. (Там же, стр. 311).

В этой речи особенно ярко раскрывается Плевако-оратор, который, по образному выражению Кони, “вторгается в него (дело — А. М.), как на арену борьбы, расточая удары направо и налево, волнуясь, увлекаясь и вкладывая в него чаяния своей мятежной души”. (Кони, “Отцы и дети судебной реформы”, стр. 250).

С особой силой звучит заключительная часть речи:

“Вы не вынесете жестокого решения, вы не увлечетесь мнением:

“Не беда, что потерпит мужик:
Знать, ведущее нас провидение
Указало, да он и привык...”

Ведь сквозь зримый миру смех незримые миру слезы водили рукой поэта-сатирика, когда он пел эту скорбную песнь... Вы пощадите их. Но если слово защиты вас не трогает, если я, сытый, давно сытый человек, не умею понять и выразить муки голодного и отчаянного бесправия,

пусть они сами говорят за себя и предстательствуют перед вами.

О, господа судьи, их тупые глаза умеют плакать, и горько плакать, их загорелые груди вмещают в себе страдальческие сердца, их несвязанные речи хотят, но не умеют ясно выразить своих просьб о правде, о милости.

Люди они, человеки...

Судите же по-человечески!.." (Там же, стр. 311-312).

Не вызывает сомнения, что речь эта покоряет нас прежде всего своим реализмом, своим глубоким содержанием, смелостью мысли. Облеченная в исключительно яркую художественную форму, она показывает нам, как порой мужественно выступали русские адвокаты-борцы в царском суде. Она показывает нам, что адвокат должен всегда уметь подняться над конкретным делом, выйти за ограду конкретного случая на широкую общественную дорогу, она учит нас тому, что адвокат должен быть прежде всего мыслителем.

Плевако не раз выступал в защиту рабочих и крестьян, привлекаемых самодержавием к судебной расправе. Он выступал в 1905 году по знаменитому Севскому аграрному делу, где проводил мысль аналогичную той, которую он проводит по делу люторических крестьян, он выступал и в защиту рабочих Коншинской мануфактуры в 1897 г.

Дело рабочих Коншинской мануфактуры, обвиняемых в стачке, слушалось в Московской судебной палате. Несколько десятков рабочих были преданы суду за организацию стачки, в которой рабочие предъявили администрации требование о сокращении рабочего дня, об изменении расценки. Когда администрация отказалась удовлетворить требования рабочих, то они стали выбивать стекла, уничтожать фабричное имущество, а также силой пытались прекратить работы на соседней фабрике. Для усмирения рабочих были вызваны казаки.

Защищая рабочих, Плевако вновь стремится проникнуть в существо дела, ищет движущие силы, толкнувшие рабочих на протест. И он находит их в жестокой эксплуатации рабочего, всю жизнь свою прикованного к станку. "...Не велика разница для рабочего, — говорит оратор, — между неволей по закону и неволей нужды, приковывавшей всю его жизнь, все его духовные интересы к станку, бесстрастно трепещущему перед его глазами". (Плевако, т. 1, стр. 335). А при такой жизни ничего не остается рабочему, как забыться на мгновение в захудалом кабаке, где он оставляет свои последние гроши. А кабаков таких было бесчисленное множество — все было направлено к тому, чтобы выколотить из рабочего последнюю копейку, сломить его духовные силы. "А что такое кабак в жизни большинства

наших фабричных? — восклицает оратор, — Это его клуб, его кабинет. Здесь оставляет он свой заработок, остающийся от необходимых домашних затрат, кабацкая выручка — это склад, где сложены и трудовые деньги, и здоровье, и свободное время рабочего..." (Там же, стр. 334).

В этой речи нас прежде всего также пленяет правда жизни, искренность и глубокая скорбь оратора.

Немногим, наверное, известно, что русский адвокат Плевако выступал в защиту организаторов знаменитой морозовской стачки — Петра Моисеенко и Василия Волкова.

Выступая по этому делу, Плевако проводит смелую мысль о том, что рабочий имеет право на стачку, если договор нарушается хозяином, что такая стачка ненаказуема.

"Закон охраняет законные интересы хозяина против беззакония рабочего, а не берет под свою защиту всяческого хозяина, во всяческом его произволе, против всяческого, хотя бы и законного прекращения работы... Так и в данном случае. Фабричные оспаривали не договор, а нарушение договора". (Там же, стр. 323).

И Плевако показывает, что лучшим доказательством того, что это было так, является тот факт, что администрация пошла на уступки рабочим, сняв штрафы и удалив мастера Шорина, наводившего своим произволом в штрафах уныние и смуту в умах рабочих.

На базе всего сказанного Плевако и делает вывод:

"Если эти люди отказывались от должного и добивались недолжного путем стачки, они нарушили закон, если они отказывались от недолжного и добивались должного — их забастовка вне сферы наказуемости".

И далее:

"Если же это — протест против бесправного произвола, протест, который вызвал со стороны власти и фабричной администрации отсылку Шорина и уничтожение штрафов, то с ненаказуемостью протеста ненаказуемы и те, чей голос был громче, чьи натуры отзывчивей и на чужую неправду, и несчастье своего ближнего..." (Там же, стр. 325).

Вот так доказывает Плевако правомерность выступления рабочих, вот так оправдывает он и организаторов выступления.

Далеко не случайно, что во всех перечисленных примерах Плевако выступал в защиту простого люда — рабочих, крестьян, ибо в большинстве случаев в буржуазном суде именно они оказывались на скамье подсудимых.

Вместе с Плевако на судебную арену вышла плеяда талантливых русских адвокатов, которые так же были проникнуты стремлением правдиво изобразить жизнь и бросить в лицо суду истинные причины преступления, бросить их, несмотря на жестокое преследование царским правительством всякой смелой мысли, живого слова. Это были адвокаты Спасович, Казаринов, Карабчевский, Урусов и др.

30 ноября 1904 года в С.-Петербургской судебной палате слушалось дело Сазонова и Сикорского, обвиняемых в убийстве министра внутренних дел Фон-Плеве.

Обстоятельства дела сводились к следующему: 15 июня 1904 г. в Петербурге, на Измайловском проспекте, брошенным студентом Сазоновым метательным снарядом был убит министр внутренних дел Фон-Плеве. С целью же убийства был послан со снарядом и второй подсудимый, Сикорский, который, убедившись в том, что убийство совершено, бросил свой снаряд в Неву, но по доносу лодочника был задержан.

Защиту Сазонова по назначению суда осуществлял адвокат Карабчевский. В защиту Сикорского выступал адвокат Казаринов.

Уже обстоятельства самого дела подсказывают нам, насколько трудна была задача защиты, сколько требовалось смелости и мужества, чтобы с судебной трибуны говорить об истинных причинах убийства министра. Трудно сказать, у кого их было больше — у Карабчевского или Казаринова.

Возражая прокурору, с негодованием восклицавшему, что подсудимые проповедывали неслыханные вещи, Карабчевский говорит, что русские граждане действительно редко слышат призыв к переустройству общества на началах широкой свободы, равенства и искреннего братства. Вот почему для русских людей это действительно нечто неслыханное, так как даже всякая мирная социал-демократическая пропаганда у нас воспрещена. Уже в описании самой картины убийства чувствуется, что симпатии оратора всецело находятся на стороне подзащитного, от простого движения руки которого пал в одно мгновение, распластавшись "бездыханным, изуродованным трупом на грязной мостовой", всесильный министр внутренних дел, пользовавшийся всевозможнейшими мерами и средствами охраны своей телесной неприкосновенности. Но оратор прекрасно понимает, что царские законы, царский суд не могут оправдать Сазонова. "Ваш суд суров и формален", — бросает он упрек суду. Не будучи в силах добиться оправдания Сазонова в суде, Карабчевский стремится и действительно добивается его оправдания в глазах общественности. В глубоких недрах дела оратор находит истинные причины убийства —

обстановку ужаснейшего террора и бесправия, введенного новым министром Фон-Плеве. Несмотря на многочисленные замечания председательствующего, неоднократно прерывающего речь, на его угрозы лишить защиту слова, удалить защитника из зала судебного заседания, Карабчевский порой в завуалированной форме, порой открыто бросает истинные мотивы убийства суду. Он рассказывает о жуткой обстановке в стране, явившейся следствием произвола министра. «После убийства министра Сипягина, — рассказывает оратор, — вакантное место занял Плеве. Балмашов был повешен. В обществе воцарилось кажущееся спокойствие и гробовое молчание. Печать, единственная выразительница общественного настроения, или подневольно молчала, или заискивала у всемогущего министра и раболепствовала перед ним...

Председатель: я лишу Вас слова, если Вы еще раз позволите себе подобные выражения!

Карабчевский: печать, к сожалению, безмолствовала.

Председатель: я же остановил Вас! (пауза). Продолжайте.

Карабчевский: Вы остановили меня, но не остановили моей мысли, и она продолжает работать. Я должен ей дать выход. Я объясню это как-нибудь иначе... Дайте подумать! (продолжительная пауза).

Экспромтом оратор находит способ, посредством которого в завуалированной форме доводит свою мысль до конца.

«Я хотел сказать, — продолжает Карабчевский, — что Сазонову негде было почерпнуть трезвых, беспристрастных и даже фактически вполне точных сведений о деятельности покойного министра. Общественное мнение, запуганное и ошеломленное, предавалось самому мрачному отчаянию, ему рисовались только одни ужасы.

Сазонов поневоле черпал все сведения о деятельности своей будущей жертвы только из одного источника, из нелегальной литературы. А вы мне поверите на слово, если я вам скажу, что в свободной заграничной печати, конечно, не жалели черных красок на изображение во весь рост мрачной фигуры бывшего государственного деятеля, бывшего вождя внутренней политики России... Весь ужас, который постиг в последние годы Россию, исключительно приписывается приговоренному. Он настоял на повешении Балмашова, он заточил в тюрьмы и послал в ссылку тысячи невинных людей, он сек и расстреливал крестьян и рабочих, он глумился над интеллигенцией, он сооружал массовые избиения евреев в Кишиневе и Гомеле, он задушил Финляндию, он теснил поляков, он влиял на то, чтобы возгорелась наша ужасная война с Японией, в которой уже столько пролито и еще столько прольется русской крови.

...В том революционном тупике, в котором очутился в последнее время за границей Сазонов, не было других мыслей, не было других слов о Плеве. Он рисовался не иначе как гибельным зловещим кошмаром, который коленом навалился на грудь родины и беспощадно душит ее. Сазонову казалось, что это чудовище, которое может быть устранено только другим чудовищем — смертью!”

Вскрыв истинные причины, толкнувшие Сазонова на убийство министра, оратор последовательно делает вывод о его невинности. И хотя он прямо не говорит об этом, но каждое предложение, каждая строка, каждое слово в его речи пронизано именно этой идеей. Финальная часть его речи звучит необычайно сильно и смело. Полет мысли оратора уже не в силах остановить и председательствующий.

Он говорит:

“И, принимая трепетными руками бомбу, предназначенную для него, он верил, свято верил в то, что она начинена не столько динамитом и гремучей ртутью, сколько слезами, горем и бедствием народа. И, когда рвались и разлетались в стороны ее осколки, ему чудилось, что это звенят и разбиваются цепи, которыми окутан русский народ...”

Председатель:

Я запрещаю вам! Вы не подчиняетесь. Я вынужден буду удалить вас!

Карабчевский:

Так думал Сазонов... я кончаю... Вот почему, когда он очнулся, он крикнул: “Да здравствует свобода”. (Н. П. Карабчевский, 2-е прибавление к книге “Речи”, С.-Петербург, 1906 г.).

Сазонов был приговорен к каторжным работам без срока. От подачи кассационной жалобы, равно как и просьбы о помиловании, он категорически отказался.

Когда читаешь и перечитываешь строки этой речи, когда думаешь о том, что произнесены они были в царском суде в период жесточайшей реакции, невольно восхищаешься мужеством их автора.

В связи с речью этой вспоминаются слова Спасовича, сказанные им в одной из застольных речей:

“Мы — рыцари слова живого, более свободного ныне, чем в печати — слова, которого не уgomонят самые рьяные, свирепые председатели, потому что пока председатель обдумывает вас остановить, слово ускакало за три версты вперед и его не вернуть”. (Спасович, Застольные речи, стр. 5).

Второго подсудимого защищал в этом процессе Казаринов. Форма речей его всегда отличалась особым художеством, литературностью, красотой. "Речи Казаринова, — писал Раудзе, — это музей высокохудожественных ценностей, мимо которых с легким сердцем, быть может, пройдет музейный фланер, но в почтительном изумлении будет наблюдать тот, кто прежде всего ищет художественной правды, гармонии и красоты".

Разными путями, разными дорогами идут оба защитника, но приходят они к одной цели. Да иначе и не могло быть, ибо объединяло их общее: стремление познать правду, дать критически правильную оценку событий: "Какие доводы, чувства, — говорит с горечью Казаринов, — не разобьются в этом деле о каменную скрижаль закона". Отдав должное царским законам, Казаринов, как и Карабчевский, устремляется вглубь дела, где ищет и находит истинную причину, толкнувшую Сикорского на протест, где находит мотивы, служащие к нравственному оправданию подсудимого.

"Всюду шла напряженная работа. Государство представляло из себя огромный инструмент, струны которого перетянуты до чрезмерности усердным настройщиком. Уж начинает почти коробить инструмент, а усердный настройщик все работает, беспощадный ключ нажимает и завинчивает, и от времени до времени вдруг рвущаяся струна и потрясает воздух предсмертным воплем.., и в ответ на этот стон то здесь, то там подымался мститель, и гремел удар, и падал министр, сановник, губернатор..." (председательствующий останавливает оратора). — М. Г. Казаринов, 1913 г., Речи.

Таким образом, и Казаринов придерживается того взгляда, что Сикорский за свои действия не должен нести наказания. Он находит мотивы для нравственного оправдания убийства Фон.Плеве. И то, что нашел он их, далеко не случайность. Будучи большим художником, он проник в правду жизни, и она, эта правда, не могла не привлечь его симпатий к человеку, ставшему на борьбу против несправия и произвола.

Заслуживает внимания и выступление Казаринова в известном процессе адмирала Небогатого. Как известно, процесс этот явился отголоском позорного поражения царских войск в русско-японской войне. История учит нас, что потерпел поражение в этой войне не русский народ, а вся насквозь прогнившая система царского самодержавия. Вот почему, пытаясь реабилитировать себя, царизм всячески старается переложить свою вину за поражение на народ, на армию. Именно этим объясняется то обстоятельство, что в 1906 году была привлечена к уголовной ответственности группа офицеров во главе с адмиралом Небогатовым. Обвинялись они в сдаче без боя русских кораблей японской эскадре.

События, разыгравшиеся в Цусимском проливе, лишний раз подчеркнули крах царизма. Русская эскадра, направленная из Балтийского моря на помощь осажденному Порт-Артуру, была разбита, несмотря на храбрость и отвагу, проявленную в сражении русскими моряками. Броненосцы "Император Николай I", "Орел", "Генерал Апраксин", "Адмирал Синявин" — без боя сдались японской эскадре.

Выступая в этом процессе, Казаринов не только не обвиняет в сдаче кораблей русских моряков, а, наоборот, бросает грозный упрек за позорное поражение в войне русскому царизму. Он говорит о том, что на помощь Порт-Артуру "поехали от нас, черпая воду... броненосцы "Апраксин" и "Синявин". Вот почему оратор делает совершенно верное заключение, что ожидать помощи от такой эскадры было нечего, ибо одни воины без кораблей и вооружения ничего не смогут сделать, сколько бы геройства и мужества они не проявили.

"Воин охраняет родину, — говорит оратор, — родина охраняет воина. Как мать, снаряжая сына в чужие края, отдает ему все лучшее, что имеет, соскребает последнее, чтобы жилось ему лучше среди чужих людей, так и мощная родина, посылая в поход воина, дает ему все лучшие, достойные ее боевого знамени средства нападения и защиты, чтобы в страшный час, в смертном бою... не стоял он безоружный, беззащитный, уткнувшись пылающей головой в холодную сталь брони, и не исходили в жгучих слезах бессилия, в слезах отчаяния его мощь, честь и отвага". (М. Г. Казаринов, Речи, 1913 г.).

Сквозь всю речь красной нитью проходит смелая мысль оратора, что не они, воины русские, виновники позорного поражения, что истинным виновником его является царское правительство.

"А честь Андреевского флага? — скажут мне, — продолжает оратор, — конечно, у всякого человека в душе должно быть нечто святое, всякая нация должна чтить свое боевое знамя и древко этого знамени должно поддерживаться ни одним только воином, но всем народом. И если нельзя водрузить креста над тем, что не соответствует понятию храма, то и Андреевским флагом нельзя осеять то, что недостойно названия боевой мощи нации..."

С горечью говорит оратор о печальных последствиях войны. Он говорит о том, что в ней осуждены русская техника, военная подготовка. Он рассказывает о том, что неосужденным оставалось лишь одно — дух русских воинов. "Неужели после вашего приговора, — восклицает Казаринов, — уж ничто не останется неосужденным? Ведь ваш суд — это суд над духом русского флота. Но что, спрошу я, в

современном морском бою может сделать дух, если и светел он, и непоколебим, но тусклы оптические прицелы и дрожат неснабженные каучуковыми прокладками дальномеры, если сердце рвется в бой и горит желанием борьбы и победы, но судно дает всего одиннадцать узлов ходу и не рвутся снаряды. К чему послужит дух? — разве, чтобы пустить ко дну четыре гигантских железных гробницы.

Довольно их, довольно этих неотпетых гробниц на дне Японского моря!"

В финальной части речи особенно ярко проявляется Казаринов-мыслитель. "...Осудить теперь дух флота, — говорит он, — неужели это требуется, чтобы поставить наше морское дело на истинный путь? Быть может, наоборот, приговор оправдательный, озадачив, всколыхнув многое, ляжет краеугольным камнем великого дела — создания для России образцового, мощного флота..."

Совершенно очевидно, что и эта речь привлекает нас прежде всего своим содержанием, своей идейностью.

Не раз выступали прогрессивные представители русской адвокатуры и против урезывания судебной реформы 1864 года. Особенно наглядно проявилось это в защите института присяжных заседателей, который явился несомненно институтом прогрессивным.

Когда говоришь о защите института присяжных заседателей, невольно вспоминается один из виднейших представителей русской адвокатуры В. Д. Спасович.

Спасович относился к категории талантливейших представителей русской судебной мысли. В своих воспоминаниях Кони рассказывает, как он восхищался его неотразимой логикой, его "оригинальными, непокорными словами, которые он вбивал, как гвозди, и чудесной архитектурой речей. Блестящие характеристики, глубокий юридический анализ, умение, как никто, использовать частный случай для поднятия общих вопросов — вот что выгодно отличало Спасовича от других адвокатов."

"Как часто приходилось представлять себе кого-либо, — пишет Кони, — пришедшего в первый раз послушать в суде знаменитого Спасовича и сначала удивленно вопрошающего себя: — Как? Неужели это Спасович? Не может быть..., — говорящего себе, затем, через несколько минут: — а ведь, пожалуй, это и он... — и восклицającego, наконец, с восторгом: — да, это он! Он и никто другой!" (Кони, "Отцы и дети судебной реформы", стр. 229).

Выступая в сенате по делу Мельницких в 1883 году, Спасович мужественно защищает институт присяжных заседателей. Как известно, после провала обвинения по делу Веры Засулич в 1878 году, когда присяжные вынесли подсудимой оправдательный вердикт — царское правительство, испугавшись даже и этого весьма ограниченного демократического института, изымает из его производства целый ряд дел и передает их в суд сословных представителей, слепо выполняющий его волю.

“По настоящему делу, — говорил Спасович в этой речи, — судятся не лица, не Мельницкие, Дервойт, Гетманчук, которых я вовсе и не знаю, которые представляются для меня, как условные имена, как условные знаки, а обвиняется и судится сам институт присяжных, обличаемый в дурном и неправильном действовании” (Спасович, т. VII, Судебные речи, изд. 2, С.-Петербург, 1913 г.).

Нам кажется, что приведенных примеров уже достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что лучшие представители русской адвокатуры не раз мужественно выступали в суде в защиту народа, что они нередко отстаивали в суде демократические институты. Не вызывает сомнения, что в их творчестве есть много чрезвычайно ценного, прогрессивного, которое требует кропотливого изучения и критической оценки.

Вместе с тем следует сказать, что заслуга прогрессивных деятелей русской адвокатуры не исчерпывается изложенным.

Дело в том, что судебное ораторское искусство, являясь частью ораторского искусства вообще, имеет и специфические особенности, заключающиеся в умении оратора оперировать доказательствами, как косвенными, так и прямыми, в умении логикой фактов доказывать то или иное положение. Необходимо отметить, что в этом отношении передовым деятелям русской адвокатуры не у кого было учиться. Господствовавшая в судах дореформенной эпохи теория формальных доказательств не имела ничего общего с теорией доказательств, присущей гласному процессу. Родоначальниками русского судебного ораторского искусства явились именно они — передовые представители русской адвокатуры. Они внесли ценный вклад в развитие учения о доказательствах вообще, а особенно в теорию косвенных улик.

Логичностью построений и глубиной исследования отличаются речи адвоката Урусова. Особенно замечательным было первое выступление Урусова по делу Мавры Волоховой, обвиняемой в убийстве мужа. Несмотря на сильное обви-

нение, большое количество улик, Урусов путем исключительно тонкого и глубокого анализа с неопровержимостью доказал непричастность его подзащитной к убийству мужа. Волохова была оправдана. Эта речь принесла Урусову заслуженную славу. "Речь Урусова по делу Волоховой, — писал Кони, — уподобилась звукам индийского гонга, которые растут и усиливаются по мере того, как расширяется объем их волнообразного движения". Урусов постоянно говорил о необходимости обвинения доказать причастность человека к совершению преступления. "Требуйте доказательств, — говорил он, — это ведь люди, а не деревянные чурбаны, над которыми можно проделать все, что угодно. Ведь эти люди страдают, плачут". (А. И. Урусов, Речи, изд. 1901 г.).

Замечательной в этом отношении является и речь другого представителя русской адвокатуры — Андриевского по делу Мироновича, обвиняемого в убийстве Сарры Беккер. "Осуждение невинного или одна только возможность его, — говорит оратор, — есть уже общественное несчастье". (Андриевский, Защитительные речи, изд. 1909 г.)

Достаточно обратиться к речи Казаринова по делу статского советника Тагиева, обвиняемого в истязании Бебутова, к речи Карабчевского по делу мултанских вотяков, обвиняемых в убийстве, к его речи по делу братьев Скитских, обвиняемых в убийстве, к речи Плевако в защиту Максименко, обвиняемого в отравлении, и др., чтобы понять насколько большой вклад внесли эти люди в развитие теории доказательств. "...Когда мы говорим о цели косвенных улик, — говорил Карабчевский, — мы имеем в виду нечто цельное, могущее мертвой хваткой захватить преступление". А в этой цепи "все звенья перержавлены и никуда не годятся, они только декоративно подвешаны друг к другу". (Карабчевский, Речи, дело мултанских вотяков).

Количество подобных примеров можно было бы значительно увеличить, однако объем настоящей лекции не позволяет этого сделать. Но кажется нам, что и изложенного достаточно для того, чтобы получить представление о том, в чем же состояла сила речей прогрессивных деятелей русской адвокатуры.

Вместе с тем необходимо отметить, что все они являлись выходцами из буржуазной среды. Преисполненные либеральных взглядов, они в творчестве своем, будучи незаурядными художниками, не могли не изображать жизненной правды. Но, выступая против "крайностей" царизма, они тем не менее еще больше боялись революции. Именно этим можно объяснить то положение, что причину ужаснейшей эксплуатации трудящихся видят они не в самой системе буржуазного строя, а в отдельных ее представителях,

якобы впадающих в произвол. Вот почему в речи по делу лютирических крестьян Плевако находит причину бедственного положения крестьян не в самом строе, не в реформе, отчасти ухудшившей их положение, а находит ее в жестоком управлении "немца Фишера, одобряемом его владыкой графом Бобринским". Вот почему в речи по делу морозовских рабочих, рабочих коншинской мануфактуры Плевако тоже усматривает причину бедственного положения рабочих не в самой системе, а в отдельных представителях фабричной администрации. Отсюда и выход из создавшегося положения видит Плевако не в изменении политической системы, а в "справедливой" эксплуатации крестьян, в гуманном отношении к рабочим, в уничтожении кабаков, в создании школ и т. п. В этих речах проскальзывает и презрение Плевако к народу, который он сравнивает то с голодными зверьми, то с расплакавшимися в детской ребятishками. Он неоднократно говорит о том, что народ — эта слепая толпа. "Как ни тяжело, — заключает он, — но с толпою мыслимо одно правосудие — воздействие силой, пока она не рассеется. С толпой говорят залпами и любезничают штыками и нагайкой: против стихии нет другого средства. Толпа сама чудовище. Она не говорит и не плачет, а галдит и мычит".

Эти взгляды Плевако предопределили дальнейший переход его в последние дни жизни на сторону реакции. Характерно, что эти места речи, равно как его политические выступления, уже не звучат правдиво и убедительно, как звучат его слова, трактующие правду жизни. Это обстоятельство лишней раз подчеркивает и говорит о неразрывной связи между формой и содержанием произведения.

Точно так же и Карабчевский, и Казаринов, и Спасович и др. выход из тупика видят не в уничтожении политической системы, а в устранение отдельных "жесточких" министров, в более человечном отношении к народу и других мирных реформах.

Да иначе и не могло быть, ибо в основе своей дореволюционные адвокаты в силу существовавшего тогда имущественного и образовательного ценза являлись представителями верхушки буржуазии. В первые годы после судебной реформы деятельность их была прогрессивна, но с развитием капитализма, с его загниванием происходит распад и в среде адвокатуры. И когда в начале XX века, в связи с ростом революционного движения, в повестку дня включается вопрос о свержении буржуазного строя, когда перед представителями адвокатуры неизбежно встает вопрос на чью сторону встать — они без колебаний идут в ряды реакции. Вот почему, сравнивая адвокатуру зарождающегося капитализма с адвокатурой загнивающего капитализ-

ма, Андриевский с горечью пишет: "А сейчас сформировалась крепкая школа рекламы и ораторского пустозвонства" (Андриевский, Застольные речи). Далеко не случайно, что уже в эти годы редко появляется талантливый оратор, и адвокатская трибуна по сути превращается в торгашескую лавочку.

Адвокатура этой эпохи, таким образом, уже играет реакционную роль.

Выводы:

1) Введенный судебной реформой 1864 года институт адвокатуры являл собой большой прогресс. Виднейшие представители русской адвокатуры этого периода явились родоначальниками русского судебного ораторского искусства. В их творчестве мы находим много чрезвычайно ценного: стремление в яркой художественной форме рисовать действительность, стремление проникнуть в глубины дела и искать там движущие силы события, искусный анализ доказательств, стройную логику.

Их заслуга состояла в том, что они зачастую мужественно выступали в суде в защиту народа, в защиту гражданских свобод, что конкретный случай они обращали в повод для поднятия больших общественных вопросов.

2) Вместе с этим, в силу их приверженности к буржуазии, в силу их политической ограниченности они не могли быть и не были последовательны до конца. Причину тяжелой жизни народа, причину беззастенчивой эксплуатации трудящихся они видят в отдельных "крайностях" отдельных эксплуататоров. Отсюда выход — в их обуздании, в просвещении народа и т. п.

Эти взгляды впоследствии и приводят их в лагерь реакции.

3) Адвокатура начала XX века, следуя судьбе буржуазии, приходит в упадок, а адвокатская трибуна превращается в торгашескую лавочку.

Заключение:

Настоящей лекцией я не ставил себе цели исчерпывающего исследования всей деятельности передовых представителей русской адвокатуры, да это и вряд ли было бы возможно сделать за столь краткий промежуток времени, ибо творчество каждого из них могло быть темой самостоятельного доклада. Более того, темой самостоятельной лекции мог явиться критический анализ даже отдельных их речей.

Своей лекцией я преследовал одну цель: показать, что изучение творчества прогрессивных деятелей русской до-

революционной адвокатуры может принести определенную пользу нам, советским адвокатам. Я вполне отдаю себе отчет, что вопрос, поднятый сегодня — вопрос дискуссионный, а потому буду весьма признателен всем товарищам, которые выразят свое мнение по затронутой проблеме.

***

Эта лекция, повторюсь, была прочитана почти 45 лет тому назад. Какой она вызвала резонанс в ту пору — об этом я рассказывал ранее. Думается, однако, что в наши дни прозвучавшие в ней некоторые мысли не только не потеряли своей актуальности, а, наоборот, приобретают еще большее значение, послужат дальнейшему утверждению престижа и авторитета одного из самых демократических институтов государства — нашей адвокатуры.

Вот почему вспомнилось мне сейчас, в наши полные надежд дни перестройки, то, чем я жил и дышал в пору своей молодости, и почему решил воспоминания об этом включить в свой сборник.

Оглавление

Дело Бериулава	5
Дело Степаненко, привлеченного к уголовной ответственности в связи с самоубийством Надолинской	45
Дело В. Д. Балакирева: за взятку в 100 рублей — 8 лет лагерей	75
Дело М. К. Агрба: покушение на изнасилование, повлекшее самоубийство	112
Дело Прахина Юрия Кимовича. Легко ли быть частным предпринимателем?	129
Дело студента Владимира Кравца, обвиняемого в убийстве Александра Кирпы	149
Дело Александра Васильева. Изнасилование?	196
Дело А. Н. Овчара, осужденного за подстрекательство к даче взяток	203
Дело председателя колхоза Гаркуши Л. И.: добрые дела наказуемы	220
Дело Шероза Алиевича Озманяна	248
Дело Аширкули Мамедкулиева	273
Сорок пять лет спустя...	301

А. Л. Мове

За кулисами защиты

На перекрестках дорог

**Редактор Айзикович Ю. И.
Технический редактор Романов Д. С.
Корректор Мишнева Е. О.**

Подписано в печать 21.09.93.

**Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 18,8. Тираж 10000. Заказ № вз.**

**Издательство "Международный Союз (содружество) адвокатов"
г. Москва, Южинский пер., д 1/14, кор. 7.
Лицензия ЛР № 030482 от 25 января 1993г.**

**Отпечатано с оригинал-макета способом фотоофсет на
Можайском полиграфкомбинате Министерства печати и информации
Российской Федерации.**

